

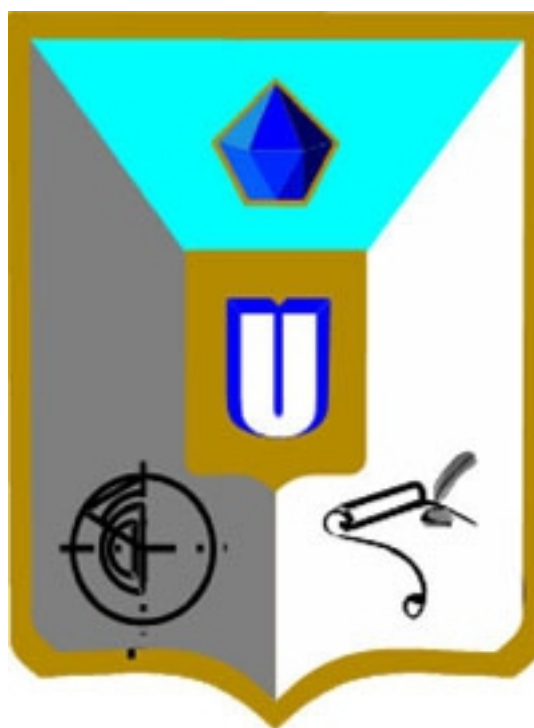
Том 2, № 3

2017

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

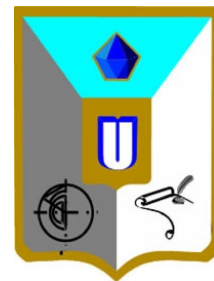
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

SOCIAL COMPETENCE

SOTSIA@COM

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, заведующая кафедрой социологии и психологии ИРНИТУ

Заместитель главного редактора – Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Ответственный за выпуск – Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Кармадонов Олег Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления ИГУ

Пуляевская Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и психологии ИРНИТУ

Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, заместитель директора Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, член Квалификационной коллегии судей Иркутской области

Мушинский Михаил Адеилович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции ИРНИТУ

Дементьева Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, и.о. директора Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ИРНИТУ

Татарников Владимир Германович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции ИРНИТУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Байков Николай Михайлович, доктор социологических наук, профессор Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Воротилкина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой сервиса, рекламы и социальной работы Приамурского государственного университета

Козлов Владимир Васильевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии Ярославского государственного университета, Президент Международной Академии психологических наук

Липатова Людмила Николаевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и программ государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия»

Подлиняев Олег Леонидович, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Педагогического института Иркутского государственного университета. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Туяя Готовын, доктор Ph, профессор, заведующая кафедрой Европеистики Монгольского государственного университета науки и технологий

Хагуров Темыр Айтчевич, доктор социологических наук, профессор Кубанского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Действительный член Российской академии социальных наук

Эрдэнэмаам Сосорбарам, доктор Ph, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Монгольского государственного университета

SOCIAL COMPETENCE

EDITORIAL COLLEGIUM OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief – Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of Sociology and Psychology Department in INRTU

Deputy Editor-in-Chief – Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Responsible to sign off the issue – Kopalkina Evgeniya Gennadyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Sociology and Psychology Department in INRTU

Karmadonov Oleg Anatolyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of State and Municipal Management Department in ISU

Pulyaevskaya Olga Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Sociology and Psychology Department in INRTU

Stepanenko Diana Arkadyevna, Doctor of Juridical Sciences, Professor of Criminal Law Department, Deputy Director of East-Siberian Branch of the Russian Academy of Justice, a Member of Qualification Board of Judges of Irkutsk region

Mushinskiy Mikhail Adeilovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Jurisprudence Department in INRTU

Dementyeva Olga Vyacheslavovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Acting Director of Linguistics and Cross-Cultural Communication Institute in INRTU

Tatarnikov Vladimir Germanovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Jurisprudence Department in INRTU

EDITORIAL BOARD

Baikov Nikolay Mikhailovich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Far East Institute of Management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration

Vorotilkina Elena Mikhailovna, PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Head of Service, Advertising and Social Work Department in Priamursky State University

Kozlov Vladimir Vasilyevich, PhD in Psychological Sciences, Professor, Head of Social and Political Psychology in Yaroslavl State University. President of the International Academy of Psychological Sciences

Lipatova Lyudmila Nikolayevna, PhD in Sociological Sciences, Leading Researcher of Department of Regional Studies and Programs of Mordovia Public Institution “Scientific Research Institute of Humanities under the Government of Mordovia Republic”

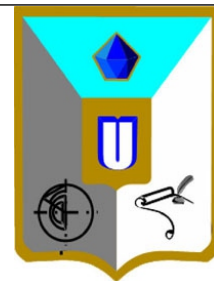
Podlinyaev Oleg Leonidovich, PhD in Pedagogical Sciences, Professor of Pedagogics Department in Pedagogical Institute of Irkutsk State University. Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

Romashov Roman Anatolyevich, PhD in Juridical Sciences, Professor of Theory of Law and Law Enforcement Department in St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. Honoured Scholar of the Russian Federation

Tuya Gotovyn, PhD, Head of European Studies Department in Mongolian State University of Science and Technology

Hagurov Temyr Aitechevich, PhD in Sociological Sciences, Professor of Kuban State University, Leading Researcher of the Institute of Sociology of the Russian Federation. Full Member of the Russian Academy of Social Sciences

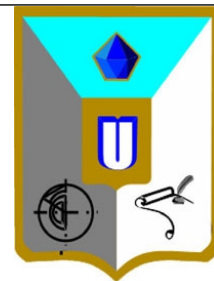
Erdenemaam Sosorbaram, PhD, Professor, Head of the Russian Language and Literature Department in Mongolian State University

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Содержание

Слово главного редактора.....	6
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Горская Н.Е., Прибылева Е.А. Функционально-смысловая типология научных текстов.....	7
Шутенков А.В., Корепина Н.А. Особенности поэтического перевода с иностранного языка.....	12
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Мушинский М.А. "Изнанка" гражданского общества. Часть 1. Понимание гражданского общества и его "теневая" сторона.....	19
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Горская Н.Е. Определение параметров знаний и умений при обучении иностранному языку студентов на основе компетентностного подхода.....	42
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Васенкин А.В. Специфика обращения к психологической помощи в современных условиях в России.....	47
Найманова А.В., Адушинова А.Г. Особенности эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур.....	51
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бутакова Д.А., Сидорова Н.В. Проблема брендинга современного российского города на примере Иркутска.....	58
Немировская Е.П. Новые возможности индустрии 4.0 для социально-экономического развития регионов России.....	66
Севастьянова Н.В. Особенности корпоративной культуры современных организаций.....	70
Старикова М.М. Исследование жилищных ресурсов населения региональных городов Приволжского федерального округа.....	76
Струк Е.Н. Специфика социальной нестабильности современной России.....	89

SOCIAL COMPETENCE

C o n t e n t s

A letter from the editor-in-chief.....	6
--	---

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gorskaya N.Ye., Pribyleva E.A. Functional-semantic typology of scientific texts.....	7
Shutenkov A.V., Korepina N.A. Peculiarities of poetic translation from a foreign language.....	12

JURIDICAL SCIENCES

Mushinskiy M.A. "Underside" of civil society. Part 1. Understanding of civil society and its "seamy" side.....	19
---	----

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gorskaya N.Ye. Identification of foreign language students' knowledge and skills parameters in terms of competence-based approach.....	42
---	----

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Vasenkin A.V. Specificity of psychological support seeking in modern Russia.....	47
Naymanova A. V., Adushinova A. G. Features of emotional intelligence of different ethnocultures representatives.....	51

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Butakova D.A., Sidorova N.V. The problem of modern Russian city branding: the case of Irkutsk.....	58
Nemirovskaya. E.P. New opportunities of industry 4.0 for socio-economic development of regions in Russia.....	66
Sevastyanova N.V. Features of the corporate culture of modern organizations.....	70
Starikova M. M. Research of housing resources of the population of regional cities of the Privolzhsk federal district.....	76
Struk E.N. Specificity of social instability of contemporary Russia.....	89

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Уважаемые читатели, коллеги, друзья!

Перед вами юбилейный номер научного электронного журнала «Социальная компетентность» («Социаком»). Нашему журналу исполнился ровно год. Он еще очень молод, но мы надеемся, что «Социаком», на страницах которого обсуждаются социальные, психологические, юридические, педагогические, филологические проблемы формирования социальной компетентности в современном обществе, и дальше будет успешно развиваться. Впереди работа по расширению круга читателей и авторов журнала, создание широкой базы рецензентов, перевод сайта в более интересный и современный формат, и конечно, поиск новых актуальных тем научных исследований, форм подачи материалов и т.д.

Весь год дружный и сплоченный коллектив редакционной коллегии, редакторов трудился над формированием научного имиджа журнала, его оформлением и редактированием. В связи с этим мне хотелось бы поблагодарить коллег и редакторов, работающих над выпуском «Социальной компетентности»!

В представляемом номере журнала размещены статьи, в которых освещаются вопросы языковой компетентности, функционально-смысловой типологии научных текстов (Горская Н.Е., Прибылева Е.А. «Функционально-смысловая типология научных текстов», Шутенков А.В., Корепина Н.А. «Особенности поэтического перевода с иностранного языка», Горская Н.Е. «Определение параметров знаний и умений при обучении иностранному языку студентов на основе компетентностного подхода»).

Психологический блок представлен статьями: Наймановой А.В., Адушиновой А.Г. «Особенности эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур», Васеникина А.В. «Специфика обращения к психологической помощи в современных условиях в России», где рассматриваются серьезные дискуссионные вопросы психологической науки.

На наш взгляд, несомненной изюминкой данного выпуска стала статья заведующего кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ Мушинского М.А., посвященная «изнанке» гражданского общества. В современном социуме привыкли к гражданскому обществу относиться с нескрываемым пиететом, часто не замечая серьезных проблем, которые в нем существуют. Юридическую оценку нормативной системе данного типа общества дает автор.

Значительным разнообразием представлен социологический раздел нашего журнала. Так, в весьма интересной статье Стариковой М.М. «Исследование жилищных ресурсов населения региональных городов Приволжского федерального округа» представлены результаты сравнительного анализа жилищной инвестиционной активности и практик жилищного обустройства населения в Казани, Кирове и Нижнем Новгороде, что будет очень полезно как для теоретического, так и для практического изучения. С точки зрения практического применения опыта управления современной организацией полезна статья Севастьяновой С.В. «Особенности корпоративной культуры современных организаций», а оценить возможности индустрии 4.0 позволит работа Немировской Е.П. «Новые возможности индустрии 4.0 для социально-экономического развития регионов России».

Редакционная коллегия благодарит авторов, которые приняли участие в работе над представленным номером журнала.

Приглашаем всех заинтересованных теоретиков и практиков принять участие в данном проекте как в качестве авторов различных материалов, так и рецензентов.

Желаем приятного и полезного чтения!

**Елена Струк, главный редактор,
доктор философских наук**

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ ТИПОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

© Н.Е. Горская, Е.А. Прибылева

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена проблеме классификации функционально-смысловых типов научной речи. Рассматриваются понятия «научный стиль», «функционально-смысловая типология». Представлены различные точки зрения ученых на данную проблему. Указывается на необходимость обладать знаниями и умениями, составлять, анализировать научно-технические тексты с точки зрения их принадлежности к определенному типу. Раскрываются особенности научного стиля. Подчеркивается, что несмотря на большое количество исследований в данной области, вопрос относительно разработки функционально-смысловой модели, которая отражала бы все нюансы научной мысли, остается не решенным. Предлагается для более адекватной классификации функционально-смысловых типов включать также коммуникативно-когнитивный анализ научных текстов.

Ключевые слова: научный текст, функционально-смысловая типология, коммуникативно-когнитивный анализ, научное мышление, речемыслительное единство.

Формат цитирования: Горская Н.Е., Прибылева Е.А. Функционально-смысловая типология научных текстов // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 7–11.

FUNCTIONAL-SEMANTIC TYPOLOGY OF SCIENTIFIC TEXTS

N.Ye. Gorskaya, E.A. Pribyleva

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

The article is devoted to the problem of classification of functional-semantic types of scientific speech. The concepts "scientific style" and "functional-semantic typology" are considered. The article presents different points of view of scientists on this problem. It points out the need to have knowledge and skills to compose and analyze scientific and technical texts from the point of view of their belonging to a certain type. The features of the scientific style are uncovered. It is emphasized that despite a large number of studies in this field, the problem of developing a functional-semantic model that reflects all the nuances of scientific thought remains unresolved. It is proposed to include a communicative-cognitive analysis of scientific texts for a more adequate classification of functional-semantic types.

Keywords: scientific text, functional-semantic typology, communicative-cognitive analysis, scientific thinking, speech-thinking unity

For citation: Gorskaya N.Ye., Pribyleva E.An. Functional-semantic typology of scientific texts // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 7–11. (In Russian)

Коммуникативное развитие личности студентов является в настоящее время одной из основных задач современного высшего образования. Однако оно возможно в том случае, если в процессе обучения у студентов формируется четкое теоретическое представление о функционально-смысловой типологии речи, а также умение анализировать и создавать текст с точки зрения его принадлежности к определенному типу. В связи с этим, по мнению многих лингвистов, важным и актуальным является изучение процессов формирования и восприятия текстов, которые представляют

собой значительную ценность для исследования содержательной стороны языка. С точки зрения Е.Ф. Шварца, текст является коммуникативной лингвистической единицей высшего языкового уровня, характеризуясь такими свойствами, как наличие содержания, смысла, тесной взаимосвязью и взаимообусловленностью составляющих его компонентов [1].

В данной статье мы рассмотрим функционально-смысловую типологию научных текстов, поскольку они являются важнейшим источником информации в научном мире и средством ее передачи во

времени и пространстве. В настоящее время высшее профессиональное образование предполагает высокую долю научно-практических и проектных работ студентов, поскольку в какой бы области ни работал специалист, он неизбежно столкнется с проблемой обработки информации [2]. Учитывая этот факт, необходимо, на наш взгляд, уделять особое внимание освоению студентами научной коммуникации, которая связана с познанием одного из важнейших компонентов текста как средства общения – его смысловой стороной. Научный стиль является одним из стилей, который оказывает значительное влияние на литературный язык, порождая огромное количество терминов в различных областях науки. Следует отметить, что происходит не только количественное, но и качественное изменение литературного языка под воздействием научной речи, оказывающее мощное влияние на нашу повседневную жизнь. Развитие научного стиля позволило сформировать в его рамках такие жанры как статья, реферат, аннотация, диссертация, монография и т.д., не нарушая при этом единства общих признаков и стилевых особенностей научного стиля. Его особенности диктуются спецификой научного мышления и обусловлены, прежде всего, обобщенностью и отвлеченностью, логичностью и объективностью.

Целью нашего теоретического лингвостилистического анализа является рассмотрение, а также уточнение существующей в лингвистике классификации функционально-смысловых типов научной речи. Данным алгоритмом функционально-смыслового типа речи научных текстов может воспользоваться обучающийся в процессе речевой деятельности.

В исследование проблемы функционально-смысловой типологии речи внесли вклад крупные советские лингвисты, такие как О.И. Москальская, Г.Я. Солганик, О.А. Нечаева, В.В.Одинцов, Е.С. Троянская, Т.Н. Мальчевская, М.Н. Кожина, М.П. Бранцев. Позже вопросами функциональной и смысловой типологии научного текста занимались исследователи Р.С. Аликаев, М.П. Котюрова, Е.М. Крижановская, В.А. Салимовский, Т.Е. Трошева, Я.А. Чиговская, Л.Г. Кыркунова и др. Несмотря на большое количество исследований в этой области, до

сих пор вопрос относительно разработки функционально-смысловой модели, которая отражала бы все нюансы научной мысли, остается не решенным. Это связано с тем, что при их выделении авторы используют разные основания для классификации: коммуникативное намерение, характер денотата, характер логических отношений между предложениями или более крупными частями текста, типы предикаций т.д. На основании этого даются и различные определения понятию «функционально-смысловой тип речи». Так, в работе Л.Г. Кыркуновой, функционально-смысловой тип речи определяется как феномен, очевидно демонстрирующий связь языка и мышления в речи, которая отражает единый окружающий мир как в статике, динамике и причинно-следственных, а также и в более сложных отношениях, передавая установки, желания, нормы [3]. По мнению большинства ученых, именно функция и смысл создают характерологические признаки конкретного текста. Это можно объяснить тем, что научный текст, являясь, как указывалось выше, источником научного знания, имеет сложную многоуровневую организацию, которая объединяет его речевую и глубинно-смысловую стороны.

В современной трактовке функционально-смысловые типы речи понимаются большинством лингвистов как модели речемыслительной деятельности. Под функционально-смысловым речевым типом мы понимаем некое речемыслительное единство. Если рассматривать данное понятие применительно к научным текстам, то, по нашему мнению, это – микротекст, где объединены в единое целое гносеологические и коммуникативные характеристики языка.

Впервые термин «функционально-смысловой тип речи» был введен О.А. Нечаевой, которой принадлежит теоретическое обоснование данной проблемы в лингвистическом аспекте. По мнению исследователя, функционально-смысловые типы речи можно отнести к сверхфразовому уровню языка, поскольку такой подход позволяет более четко устанавливать границы и взаимодействие этих речевых типов в тексте. Исследуя научные тексты, А.О. Нечаева делает вывод, что к функциональными типами речи можно отнести такие

монологические высказывания как: описание, повествование, рассуждение. Данные типы относятся к монологическим высказываниям, поэтому представляют из себя ярус наиболее полного функционирования предложения. Кроме того, каждый функциональный тип речи имеет определенное обобщенно-смысловое значение, опирающееся на соответствующую логическую основу монологического высказывания, являясь смысловым типом речи. Из этого следует, что описание, повествование и рассуждение – это функционально-смысловые типы речи, поскольку основой данных речевых типов являются функция и смысл этих единиц [4].

Однако О.А. Нечаевой, как указывают лингвисты, не удалось в полной мере реализовать предложенный ею функционально-смысловой подход относительно научных текстов, поскольку ее исследования больше касались художественной речи и изучались с точки зрения предметно-логического и формально-грамматического отношений. Именно это не позволило ученой установить реальные речевые единицы и разграничить их в тексте. Следствием этого является вывод о неизбежном смешении речевых типов в тексте.

На наш взгляд, заслуживает внимания функционально-смысловой подход к анализу единиц текста Г.В. Колшанского. С точки зрения ученого, именно коммуникативные параметры должны быть рассмотрены, как основа выделения единиц текста, где решающая роль отводится признакам смысловой дискретности текста [5]. Подчеркивается, что минимальными отрезками текста в процессе обмена содержательными единицами между адресантом и адресатом являются такие языковые конструкции, которые удовлетворяют требованиям адекватности передачи существа информации без каких-либо потерь [6]. Согласно концепции Г.В. Колшанского, минимальными отрезками можно считать все значимые единицы языка от слова до группы предложений, которые входят как составные элементы в ту или иную структуру высказывания, определяемую коммуникативным замыслом сообщения [7]. Таким образом, по мнению ученого, в основу деления текста на сегменты, при его описании, должны быть положены, прежде всего, параметры

смысловые и коммуникативно-функциональные. Данный подход дополняет и систематизирует, в определенной степени, функционально-смысловую классификацию (типологию).

Следующим этапом в разработке современной функционально-смысловой типологии речи является классификация речевых типов, представленная В.В. Одинцовым. Развивая функционально-смысловой подход О.А. Нечаевой, учитывая смысловое единство и структурную целостность функционально-смысловых типов речи, он считает, что единицы текста можно разделить на две группы, опираясь на их прагматические установки. Так, первая группа используется в сфере научной коммуникации, вторая – представляет собой трансформацию единиц первого ряда за счет усложнения, включая в них эмоционально-художественные структуры. К ним относятся: объяснение, рассуждение, описание и повествование [8]. Несомненно, заслугой В.В. Одинцова является расширение списка речевых типов, разделение их на две группы, а также возможность применения этой типологии к текстам различных функциональных стилей. Следует отметить, однако, и неполноту классификации В.В. Одинцова, поскольку в нее не включены уже описанные лингвистикой функционально-смысловые типы речи, такие как выводы и аргументирование.

По нашему мнению, в основу адекватной классификации функционально-смысловых типов научной речи следует включать также и коммуникативно-когнитивный анализ научных текстов. Он необходим в силу того, что являясь когнитивно-коммуникативным единством, функционально-смысловые типы научной речи служат средством реализации двух важнейших функций языка – коммуникативной (эмпирической) и гносеологической (понятийной).

Когнитивный анализ текста позволяет обучающемуся дать грамотный речевой и языковой анализ текста, посредством включения процессов восприятия (или понимания) – памяти, воображения, чувственного восприятия и т.д. В свою очередь, понимание текста измеряется построением проекции текста, а также уровнем выявления личностного смысла. Для когнитивной ин-

терпретации любого текста, а особенно научного, обучающемуся необходим анализ смысловых опор, знания о языковых значениях, а также умения распознавать косвенные значения.

По мнению Т.А. Ван Дейка, профессора Амстердамского университета, автора научных исследований по вопросам дискурса и дискурс-анализа, когнитивными опорами при восприятии и понимании текста являются ключевые слова [8]. Следует также отметить, что адекватная интерпретация текста возможна только при условии, если происходит смысловое понимание. Как указывает один из ведущих исследователей отечественной лингвистики В.А. Ермолаев, для понимания необходима связь между автором и читателем, т.е. «текст – действительность» и «текст – реципиент». Поскольку автор и читатель имеют некий жизненный опыт и знания, то эти связи устанавливаются при соотнесении содержания текста с опытом (набором определенных эталонов), который является субъективным по отношению к тексту. По мнению ученого, именно тот набор эталонов, существующий в сознании каждого человека, воспринимает и дает оценку элементов окружающего его мира [9]. Данную точку зрения разделяет другой ведущий лингвист – А. М. Шахнарович, который отмечает, что при восприятии текста происходит сложная работа в сознании человека, которая заключается в выделении элементов действительности, с целью выражения этих элементов языковыми средствами [10]. Учитывая этот факт, исследователь сделал вывод о том, что та работа, которая происходит в сознании, составляет когнитивный аспект текста,

а само выражение языковыми средствами того или иного предметного содержания представляет собой коммуникативный аспект текста.

Таким образом, применение коммуникативно-когнитивного анализа научного текста, на наш взгляд, дает возможность определить смысловую и функциональную законченность речевого типа. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, речевые типы отражают научные знания (это их смысл); когнитивный анализ микротекста позволяет установить, какой этап научного познания отражает каждый конкретный тип речи. С другой стороны, типы речи сообщают научные знания в процессе речевого общения (это функция, коммуникативная установка типа речи); коммуникативный анализ микротекста позволяет определить функцию конкретного речевого типа в тексте.

Подводя итог вышесказанному, необходимо, с нашей точки зрения, создать более гибкую и дифференцированную типологию средств языка науки, поскольку при изучении речевых типов на материале научно-технических текстов, мы выделяем и такие типы как сравнение, пояснение, анализ/синтез, опровержение, описание, характеристика. Возможно, данные типы можно отнести к подтипам научной речи, поскольку они различаются по дополнительной, частной функции. Детальное изучение перечисленных подтипов позволит расширить список функционально-смысловых типов научной речи и усовершенствовать их иерархическую классификацию.

Библиографический список

1. Шварц Е.Ф. Семантическая организация текста: креативный и перцептивный подходы // Текст в языке и речевой деятельности. М., 1987. С. 236–247.
2. Горская Н.Е., Глызина В.Е. Некоторые особенности словообразования английской терминологической лексики // Вестник Иркутского государственного технического университета. Иркутск, 2015. № 9 (104). С. 247–251.
3. Кыркунова Л.Г. Официально-деловые тексты в аспекте функционально-смысловых типов передачи: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01. Пермь, 2007. 19 с.
4. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 261 с.
5. Колшанский Г.В. Текст как единица коммуникации. В кн.: Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978, С. 26–37.
6. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
7. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 149 с.
8. Одинцов В.В. Стилистика текста. М.: Наука, 1980. 261 с.
9. Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация:

пер. с англ. / сост. В.В. Петрова под ред. В.И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989. С. 294–300.
10. Ермолаев В.А., Шахнарович А.М. Понимание текстов детьми // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М.: Наука,

1975. С.156.

11. Шахнарович А.М., Габ М.А. Прагматика текста: психолингвистический подход // Текст в коммуникации. М., 1991. С. 68–81.

Сведения об авторах

Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей факультета прикладной лингвистики ИРНИТУ, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Прибылева Елена Андреевна, студентка Института архитектуры и строительства ИРНИТУ, e-mail: themailboxe@gmail

Natalya Ye. Gorskaya, Candidate of Psychology, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, Faculty of Applied Linguistics, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Elena An. Pribyleva, a student of Architecture & Construction Institute, e-mail: themailboxe@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

© А.В. Шутенков, Н.А. Корепина

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В данной работе представлены основные понятия поэтического текста, рассмотрены особенности перевода, составлен план перевода иностранной поэзии, на основе полученной теории и данных, собранных из различных источников, произведен анализ двух переводов первого сонета Уильяма Шекспира и лексический анализ самого сонета.

Ключевые слова: поэтический перевод, английский язык, поэзия, Шекспир, план перевода, теория перевода поэтического текста, рифма, строфа, стих.

Формат цитирования: Шутенков А.В., Корепина Н.А. Особенности поэтического перевода с иностранного языка // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 12–18.

PECULIARITIES OF POETIC TRANSLATION FROM A FOREIGN LANGUAGE

A.V. Shutenkov, N.A. Korepina

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

The paper considers the basic concepts of the poetic text, examines the features of translation, and provides foreign poetry translation scheme and the analysis of two translations of William Shakespeare's first sonnet based on the theory and the data collected from various sources. The lexical analysis of the sonnet itself is performed.

Keywords: poetic translation; English; poetry; Shakespeare, translation scheme, theory of poetic text translation, rhyme, stanza, verse

For citation: Shutenkov A.V., Korepina N.A. Peculiarities of poetic translation from a foreign language // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 12–18. (In Russian)

Поэтическим языком называется вид искусства, который предполагает особую организацию речи, мерой которой является стих. Изучение данного вида предполагает определение приемов и материала, которые создают поэтическое произведение. Воздействие на читателя путем эстетической составляющей осуществляется при помощи специальных свойств языка. Во многом это происходит при взаимодействии читателя и автора. Для более целостного анализа особенностей перевода поэтических текстов стоит воспользоваться особенностями лингвостилистики, задача которой – описание закономерностей, позволяющих в данном тексте развернуться художественному смыслу и обуславливающих возможность его узнавания читателем, т.е. изучение того, каким образом происходит передача эстетической информации.

Рассматривая данную сферу худо-

жественного творчества как коммуникативный акт, следует учитывать то, как происходит передача информации от отправителя к получателю, а значит изначально необходимо определить каналы передачи информации и способы их кодирования таким образом, чтобы получатель смог однозначно понять эту систему кодирования и получить информацию.

Данная тема широко изучалась ученым филологом А.Т. Идиатулиной, которая в своей работе указывала на основные проблемы перевода поэзии в исследованиях современных ученых, и пришла к выводу о том, что основными и важными являются следующие приемы: соблюдение строфики, сохранение ритмической организации, отражение фонетического (звукового) строя подлинника, правильное воспроизведение образного строя, сохранение меры и места в стихе лексических и синтаксических повторов, тем самым до-

стигая адекватности перевода, сохранения его эстетической информации и правильной передачи изобразительных средств [1].

Доктор филологических наук Р.Р. Чайковский в своей диссертации раскрывал тему реальностей поэтических переводов, в которой он затрагивал такие проблемы поэтического перевода как отсутствие обобщающих работ по поэтическому переводу в отечественном переводоведении, правильной оценки поэтического перевода и недостаточной изученностью форм перевода [2].

Тема перевода поэтических текстов до сих пор остается актуальной, потому что данный вид является самым сложным и трудоемким, требующим более глубокого анализа смысла и стиля написания стиха.

Для перевода художественной литературы необходимо учитывать то, что он сильно отличается от других видов перевода. Он предполагает не только передачу мысли и смысла, но и внесение собственного творчества переводчика в текст. Несомненно, это требует также определенного таланта. Поэтический перевод – настоящее искусство, так как эстетический эффект достигается соответствующими языковыми средствами, в том числе ритмикой, рифмой и аллитерацией [5].

Перевод художественных произведений является весьма трудоемким процессом. По мнению известного переводчика Р.К. Миньяр-Белоручева, к переводу поэтических произведений необходимо допускать только исключительно избранных [3]. Данный вид перевода не только активизирует мыслительную деятельность, художественный вкус, расширяет кругозор, но и углубляет знания как иностранного, так и русского языка.

Поэзия охватывает такие проблемы как жизнь, мысли человека, чувства, поиск пути и смысла жизни, однако, для того чтобы описать эти темы используется безграничное количество художественных средств. Несмотря на это, каждый писатель желает оставить собственный след в искусстве, и потому начинает применять новые, ранее не используемые способы изложения смысла, постановку рифм и общения с читателем. Поэтому переводчик обязан не просто сохранить содержание самого произведения, выдержать стиль, а также

передать эстетику, жанр, все имеющиеся в нем средства художественного выражения, формы и стихосложения, и создать на основании этого свой текст, передающий теми же средствами те же мысли, что и изначально старался сделать автор.

Поэтический стиль является самым мало изученным из всех тех, которые существуют на данный момент, быстро адаптируемым, развивающимся, не знающим никаких препятствий к саморазвитию. Тем самым, делая себя еще более коммуникативным и разнообразным в использовании поэтических средств.

Поэзия характеризуется определенным ритмом, выраженным в законах стихосложения – в метрических единицах и в их разнообразных соединениях. Интонации стиха, как считает известный грузинский теоретик перевода Г. Гачечиладзе, «присущ оттенок музыкальности», хотя музыка стиха сильно отличается от обычной музыки [4]. Музыка стиха рождается не в отвлеченном звучании слова, а в соединении звучания и смысла. Даже такой явно музыкальный элемент речи, как аллитерация, лишь тогда приобретает значение, когда способствует лучшему выражению мысли и усилению художественного впечатления.

В совокупности, все перечисленные выше особенности и тонкости поэтического текста создают определенные трудности для переводчика. В нашей работе рассматриваются следующие:

1. Эффект непереводимости

Явление, возникающее при столкновении смысла стихотворения и способа его выражения, называется непереводимостью.

Непереводимость – это свойство текста или высказывания в одном языке, выражающееся в отсутствии для него эквивалента в другом. Термины невозможно отнести ни к полностью переводимым единицам, ни к совершенно непереводимым; сложность перевода зависит от их происхождения, а также от компетентности переводчика.

Правила установки речи позволили теоретически и экспериментально объяснить причины, по которым идея непереводимости имеет право на существование. Установка на использование любого языка индивидуальна, поскольку это одна из граней личности конкретного человека.

Самой главной уникальностью поэтического перевода является то, что каждый автор представляет из себя носителя своей культуры, обычаев, а также является человеком, имеющим свои взгляды и представления о мире. Создавая произведение, автор излагает свои мысли и чувства таким образом, каким он сам их воспринимает. Именно данная проблема восприятия одной и той же ситуации разными людьми и создает основную сложность перевода.

В наибольшей степени в поэзии проявляется уникальность и индивидуальность автора и языка, на котором он говорит. Каждое поэтическое произведение является уникальным, поскольку любой поэт, сотворивший свое произведение, является уникальной личностью.

Данная непереводаемость или невозможность получения полноценного перевода литературного поэтического произведения легко объясняется тем, что два языка считаются индивидуально различными, или тем, что при создании поэтического текста автор использовал свои индивидуально-личностные особенности.

Только то огромное количество решений, которые были приняты автором при выборе языковых средств, максимально точно выражающих его замысел, делают нереальным точное повторение этого процесса переводчиком.

Известный переводчик М.Л. Лозинский считал, что, переводя иноязычные стихи на свой язык, переводчик также должен учитывать все элементы во всей их сложной и живой связи, и его задача – найти в плане своего родного языка такую же сложную и живую связь, которая по возможности точно отразила бы подлинник, обладала бы тем же эмоциональным эффектом [6]. Таким образом, переводчик должен как бы перевоплотиться в автора, принимая его манеру и язык, интонации и ритм, сохраняя при этом верность своему языку, и в чем-то и своей поэтической индивидуальности. Необходимо помнить, что перевод выдающегося литературного произведения сам должен являться таковым.

2. Соблюдение стиля и поэзии

Ещё одной проблемой является извечный вопрос переводческого искусства: каким должен быть перевод – как можно более точным или как можно более есте-

ственно звучащим. Эта трудность вызвана тем, что перевод является отражением художественной действительности подлинника, и поэтому он обязан воссоздавать форму и содержание оригинала в их единстве.

Из-за того что два языка не могут сравниваться лексически и по своей природе различны, существует два способа перевода поэтических текстов, являющихся прямо противоположенных друг другу: независимый и подчиненный [3].

Суть независимого перевода состоит в том, что переводчик, восприняв и осмыслив дух и смысл подлинника, передает его на язык перевода, не сохраняя при этом форму. Главная задача такого перевода – не просто передать смысл, но и воспроизвести лирику и красоту поэтического произведения. Переводчики, придерживающиеся подчиненного способа перевода, в первую очередь, стремятся с наибольшей точностью передать форму произведения. Этот способ перевода предполагает не только сохранение размера, строфики и метрики стихотворения, но также порядок и тип рифм, особенности его мелодики и звуковой организации. По их убеждению, только так в переводе можно сохранить индивидуальный стиль автора.

В каждом переводе имеет смысл понимать то, на что более необходимо поставить акцент, на содержание или форму. При переводе поэзии нужно помнить о главной задаче переводчика – воздействовать на чувства читателя так же, как это сумел сделать автор. И главное в этом деле – не перейти эту тонкую грань.

Формальная структура стихотворного произведения служит основой для создания его ритма. Ритм стиха основан на правильном чередовании в стихотворной строке ударных и неударных слогов (тонический принцип). Ритм согласован с содержанием произведения и с соответствующей содержанию интонацией и построением. Все эти элементы и создают стиль метрической организации стихотворения.

Важным признаком стихотворной речи является упорядоченная повторяемость организующих ее ритмических единиц, а именно, стоп, строк, строф [6]. Группа стихов, взаимно связанных схемой чередова-

ния размеров и рифм, обычно правильно повторяющейся на протяжении всего произведения, образует строфу. Строфа – это ритмическая единица метрического членения стихотворного текста [5]. Строфа находится на стыке метрики и композиции: в большинстве случаев строфа обладает не только ритмической и интонационно-синтаксической законченностью, вызывающей паузу более сильную, чем паузы между отдельными стихами внутри строфы, но и определенной семантической завершенностью, так как чаще всего развивает отдельную микротему.

В поэтическом переводе стихов строфа является существенным структурным фактором, необходимым звеном, связывающим план выражения и план содержания художественного целого. Если в переводе и в оригинале имеется одинаковая система стихотворного сложения, многое будет зависеть также от протяжённости звучания слова, и его величины, потому что многие писатели и поэты используют такой литературный прием как передача чувств, эмоций или атмосферы при помощи слов, обладающих определенными звучаниями, начинающихся на определенную букву или имеющих определенную протяженность по произношению. Английский язык обладает большим количеством односложных слов, он является моносиллабическим, тем самым поэтическое произведение в английском языке будет вмещать в себя больше слов, а соответственно, и мыслей, понятий, эмоций, чувств. Всё это, безусловно, влияет на ритм, который необходимо и важно учитывать при переводе.

3. Игра слов в поэтических произведениях

Часто писатели поэтических произведений играют словами и данную игру бывает затруднительно перевести, имеются некоторые случаи, которые вовсе не поддаются переводу, а иногда бывает так, что эту игру слов очень сложно воссоздать. Иногда переводчику приходится прибегать к «намекам» в переводе или говорить с читателем «между строк», например, в 5-м сонете Шекспира используется такое выражение, как *A liquid prisoner*, где словосочетание *liquid prisoner* является игрой слов, что дословно переводится как *жидкий преступник*, но переводчик в данном случае опи-

рается на то, что данным способом автор хотел передать характер этого человека, и ситуацию, в которой он оказался, поэтому переводит данное словосочетание как *лутчий пленник* [7].

Хотя в большинстве случаев при игре слов переводчик способен найти современные соответствия в русском языке, требует это по большей части хитрости ума, находчивости и знания игр слов на родном языке переводчика.

Учитывая данные трудности, мы предлагаем следующие рекомендации и последовательность действий для переводчика поэтического текста. Работая над переводом поэтического текста, переводчику необходимо, в первую очередь, проанализировать и определить следующие этапы перевода поэтического текста:

- 1). Размер стихотворения;
- 2). Рифма;
- 3). Наличие тропов и возможность их адекватного перевода;
- 4). Создание подстрочника.

Подстрочник – дословный перевод иноязычного текста, часто с подробными пояснениями, использующийся как черновик для последующего художественного перевода («перевода по подстрочнику») или как учебное пособие при обучении переводу.

Художественные особенности текста, такие как рифма, ритм, стиль обычно не сохраняются при подстрочном переводе; главная цель подстрочного перевода – максимально точно передать смысл. Подстрочник является главным звеном в переводе поэзии. Он помогает автору постоянно ориентироваться в правильности понимания мысли и не отходить от задуманного изначально поэтом. Он уточняет смысл и помогает его сохранить.

Рифма, ритм и стиль при таком переводе не сохраняются.

После создания подстрочника переводчик должен произвести трансформацию созданного подстрочника в стих. Перевод должен быть максимально приближен к оригиналу, сохранять авторские детали, передавать не только смысл, как в случае с подстрочником, но и сохранять ритм и рифму, а в идеале – количество строф и стихов. Данный этап является заключающим и ключевым с точки зрения конечной пере-

дачи эмоций, смысла и формы поэтического текста. На данном этапе задействуется не только профессиональная компетенция переводчика, но и его знания в области литературы, переводимого жанра.

Примером для анализа и сравнения послужат два перевода первого сонета У. Шекспира [9] (табл. 1).

Анализируя переводы, можно отметить, что оба текста переведены перекрестной рифмой (абаб), что сохраняет рифму оригинала. Размеры строк не изменены в обоих случаях, поэтому видно, что авторы старались сохранить построение стиха, пользуясь подчиненным способом перевода. Эквиваленты и замены, используемые С.Я. Маршаком, наиболее редкие, смысл текста передан довольно сложно для восприятия, и тем самым, стремясь передать форму и рифму стиха, допущено отдале-

ние от передачи информации, смысл и посыл текста более сложны для понимания, в то время как М.И. Чайковский, используя ту же стратегию перевода, подобрал более часто встречаемые слова, тем самым, добившись чуть ли не прямого раскрытия смысла стихотворения, донес его до читателя следующими словами-эквивалентами: *гроб; скупец; сам враг себе; наследник; добыча; плод; размножение.*

Нельзя сказать, что С.Я. Маршак искал смысл сонета, он старался передать информацию менее доступным способом, заставляя читателя думать о том, что имелось в виду под определенными эпитетами или подобранными заменами в тексте, например, *грядущих лет прекрасный урожай; скардность; растрата; свой злейший враг; хранит их память; пусть вянут лепестки; роза; мы урожая ждем.*

Таблица 1

Оригинал	Перевод С.Я. Маршака	Перевод М.И.Чайковского
From fairest creatures we desire increase,	Мы урожая ждем от лучших лоз,	Мы красоте желаем размно- женья,
That there by beauty's rose might never die,	Чтоб красота жила, не увядая.	Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, -
But as the riper should by time decease,	Пусть вянут лепестки созрев- ших роз,	Чтоб зрелый плод, - как все, добыча тленья -
His tender heir might bear his memory:	Хранит их память роза моло- дая.	Нам нежного наследника да- вал.
But thou, contracted to thine own bright eyes,	А ты, в свою влюбленный кра- соту,	А ты, плененный сам собой, питаю
Feed'st thy light's flame with self- substantial fuel,	Все лучшие ей отдавая соки,	Твой юный пыл своим топли- вом, сам
Making a famine where abun- dant lies,	Обилье превращаешь в нищен- ству, -	Творя бесплодие вместо уро- жая,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.	Свой злейший враг, бездуш- ный и жестокий.	Сам враг себе, жесток к сво- им дарам.
Thou that art now the world's fresh ornament	Ты - украшение нынешнего дня,	Ты ныне миру вешних дней от- рада,
And only herald to the gaudy spring,	Недолговременной весны глашатай, -	Один глашатай прелестей весны,
Within thine own buduriest thy content,	Грядущее в зачатке хороня,	В зачатке губишь цвет твоей услады,
And, tender churl, mark's waste in niggarding:	Соединяешь скардность с растратой	Скупец и мот небесной кра- соты.
Pity the world, or else this glutton be,	Жалея мир, земле не преда- вай	Так пожалей же мир, иначе плод
To eat the world's due, by the grave and thee.	Грядущих лет прекрасный урожай!	Твоей красы с тобою гроб по- жрет

Однако, несмотря на данные эпитеты, в его переводе присутствует конкретизация. Переводя первую строфу, он не искажает смысл и не производит замену или обобщение, когда автор пишет о красоте роз. М.И. Чайковский, наоборот, производит генерализацию и пишет уже не о розе, а о растениях в целом.

Проанализируем лексику данного стихотворения:

Ключевые слова: *beauty rose, memory, fresh ornament, cruel, tender*. Слова в переносном значении: *creatures* – розы; *contracted* – влюбленный; *eat the world's due* – губить; *bright eyes* – красота; *tender churl* – скарденность; *glutton* – предатель. Устойчивое словосочетание: *bear his memory* – хранить память. Архаизм: *Feed'st* – это устаревшая глагольная форма, 2-го лица единственного числа от *feed*; *thou* – ранее использовалось как местоимение второго лица единственного числа в английском языке; *thy* – притяжательная форма *thou*; *niggarding* – скряга. Высокий стиль: *foe* – недоброжелатель; *thou* – используется в религиозных книгах; *herald* – глашатай (уст.).

Данный лексический анализ показывает, что У. Шекспир использовал высокий стиль речи и применял различные архаизмы, соответствующие времени, в котором он жил. Старясь не конкретизировать мысль, он не применял различные синонимы, но часто употреблял слова в переносном значении. Также, помимо этого, встречается устойчивое словосочетание, которое придает литературный окрас сонету. Ключевые слова отображают основную суть и мысль стиха.

В данном произведении эффект непереводаемости не наблюдается, поскольку переводчики достаточно близко подошли к точности и достоверности перевода, не исказив его смысл и сохранив структуру, ритм и рифму. Но дословности перевода никогда невозможно будет добиться, сохраняя все вышеперечисленные факторы.

Исходя из того, что авторы пользовались различными лексическими особенностями языка, они по-разному переводили игру слов, имеющуюся в сонете. Сравним одну рифму из первой строфы сонета:

But as the ripers hould by time decrease [7] – в дословном и буквальном пе-

реводе это будет выглядеть следующим образом – *Но в скором времени зрелый человек должен скончаться*. У. Шекспир этой строчкой говорит не о человеческой жизни, а сравнивает её красоту с красотой роз, и делает акцент на то, что розы, в отличии от некоторых людей, способны отдавать и породить эту красоту вновь и вновь.

Эту игру слов поняли оба автора, но перевели её по-разному. С.Я. Маршак пишет: *Пусть вянут лепестки созревших роз* [7], тем самым делая акцент на розе, на её увядании и смерти. М.И. Чайковский переводит следующим образом: *Чтоб зрелый плод, - как все, добыча тленья* [7], напрямую говоря о том, что рано или поздно, любое живое создание угаснет.

Данный анализ позволяет увидеть, что переводя один и тот же текст, два разных писателя-переводчика использовали разные приемы, стилистику речи, и подбирали различные эквиваленты, достигая тем самым перевода, способного передать чувства, эмоции, мысль. Основная задача обоих переводчиков была сохранить ритм и поэзию стиха оригинала, без изменения, но с внесением собственных небольших изменений, добавлений или генерализаций в текст, меняя его способ повествования, но не смысл.

Итак, перевод поэтического текста является очень многогранным и его нельзя рассматривать только с одной стороны. Многогранность порождает определенные трудности при его переводе, что приводит к тщательному и доскональному анализу рифмы, строфы, смысла, литературных приемов, соблюдению размера и жанра, лексики и орфоэпии.

Перед тем как начинать работу с текстом, стоит ознакомиться с жанром, в котором он написан, прочитать отзывы и мнения, определить основную проблему, мысль поэтического текста, его содержание, стилистику и прагматику. Осуществляя перевод, необходимо учитывать как и рифму, размер, строфу, так и смысл, и идею стиха. Обязательно делать упор на подстрочник, который служит переводчику поэтического текста опорой для избежания искажений смысла. Не допускается внесение дополнений в текст оригинала, которые искажают восприятие у читателя или изменяют главную мысль текста. В одну из обя-

занностей переводчика также входит и грамотный подбор эквивалентных значений.

В результате сравнения и анализа двух переводов был сделан вывод о том, что каждый переводчик стремится сохранить оригинальность текста, без дополнительных внесений, сделав свой перевод подчиненным, сохранив рифму, количество строк, стихов. Иногда это может стать неосуществимым благодаря непереводам, вызванным различием в языках, и потому, чтобы сохранить структуру, переводчик прибегает к нахождению эквивалентов, замен. В конечном итоге, получая текст, очень близкий и похожий на оригинал по смыслу,

стилю, и поэзии, но используя совершенно другие речевые обороты и приемы, иногда передавая смысл совсем другими словами или эпитетами.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс перевода поэтического текста является трудоемким с точки зрения анализа. Заставляет переводчика углубиться в суть перевода, попытаться понять точку зрения автора и передать точным и грамотным языком оригинал текста, не искажая его содержания, становясь отчасти поэтом, и создавая свой новый и неповторимый стиль, повторяющий все эмоции и смысл оригинала.

Библиографический список

1. Идиатулина Л.Т. Проблема перевода поэзии в исследовательских работах [Электронный ресурс]. URL: <http://C:/Users/Anton/Downloads/the-problem-of-poetrys-translation-in-the-works-of-the-modern-scientists.pdf> (09.05.2017).
2. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://che-loveknauka.com/realnosti-poeticheskogo-perevoda> (09.05.2017).
3. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Издательство «Готика», 1999. 176 с.
4. Гачечиладзе Г. Введение в теорию художественного перевода. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1970. 287 с.
5. Теория художественного перевода Википедия – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (09.05.2017).
6. Лозинский М.Л. Багровое светило. М.: Прогресс, 1974. Вып. 17. 204 с.
7. Уильям Шекспир. Сонеты. Новосибирск: Изд-во: Детская литература, 2014. 188 с.
8. Шопконкова Л.Ю., Корепина Н.А. Особенности перевода поэтического текста. Язык и культура: взгляд молодых исследователей: сборник статей студентов и магистрантов факультета прикладной лингвистики. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2014. Вып. 2. С.401–406.
9. Сонеты Уильяма Шекспира на английском языке с переводом [Электронный ресурс]. URL: http://engshop.ru/sonety-shekspir-na_anglieskom/ (10.05.2017).

Сведения об авторах

Шутенков Антон Владимирович, студент 3 курса Института авиационного строительства и транспорта ИРНИТУ, АТП-14-1, e-mail: shuteanton@yandex.ru

Корепина Наталья Алексеевна, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей № 2 ИРНИТУ. cosmir@yandex.ru

Anton V. Shutenkov, a third-year student of Aircraft and Mechanic Engineering and Transportation Institute, ATP-14-1, e-mail: shuteanton@yandex.ru

Natalia A. Korepina, Associate Professor of Foreign Languages Department No 2 for Engineering Fields of Study, e-mail: cosmir@yandex.ru

"ИЗНАНКА" ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА. ЧАСТЬ 1. ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО "ТЕНЕВАЯ" СТОРОНА

© М.А. Мушинский

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье с позиций широкого подхода к пониманию гражданского общества предпринята попытка аргументировать точку зрения о том, что зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании. Поэтому в структуру гражданского общества включены как те элементы, которые находятся в состоянии активного взаимодействия с государством и с другими политизированными институтами гражданского общества (политические партии, местное самоуправление, профсоюзы, общественные советы, зарегистрированные НКО, СМИ и т. п.), так и институты, которые с "системным миром" совсем или почти совсем не контактируют, функционируют в "теневом" режиме, в том числе и в смысле юридических условий. Однако существование таких институтов объективно подтверждается эмпирическими данными.

В первой части статьи рассмотрены различные подходы к пониманию гражданского общества, поскольку в соответствии с ним формируются представления о его структуре и возможности включения в нее "теневых" элементов. Сделана попытка ответить на вопрос – о каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о «теневых» элементах гражданского общества? В качестве противоположности («негражданским») элементам (тем, которые не следует включать в структуру гражданского общества) автором достаточно подробно рассмотрено сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как один из "изнаночных" институтов гражданского общества в современной России.

Во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере, в качестве сообществ граждан, которые следует изучать как "теневые" элементы гражданского общества, последовательно будут рассмотрены "уличные дети", явление "АУЕ", футбольные фанаты как характерный пример из широкого спектра неформальных объединений, виртуальные теневые сообщества: игроманы, "группы смерти" и т. п. Автором предпринята попытка доказать необходимость комплексных междотраслевых исследований "изнаночных" явлений гражданского общества. В поисках инструментов для таких исследований автор в статье кратко обратился к "изнаночным" сторонам социальных явлений, органически связанных с гражданским обществом: теневой экономике и теневому праву. Сделан вывод, что зачастую теневое право – это нормативные системы, регулирующие общественные отношения внутри сообществ, представляющих собой элементы "изнанки" гражданского общества.

Итоговый вывод статьи: «изнаночные» социальные группы и образующиеся на основе их множества социальные институты являются неотъемлемой частью гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, "изнанка" гражданского общества, социальная группа, институт гражданского общества, право, теневое право, лица без определенного места жительства, неформальные молодежные объединения.

Формат цитирования: Мушинский М.А. Изнанка" гражданского общества. Часть 1. понимание гражданского общества и его "теневая" сторона // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 19–41.

"UNDERSIDE" OF CIVIL SOCIETY. PART 1. UNDERSTANDING OF CIVIL SOCIETY AND ITS "SEAMY" SIDE

M.A. Mushinskiy

Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russian Federation

Based on the broadside approach to understanding of civil society the article provides an attempt to argue the point of view that civil society functions are often performed by spontaneous associations of citizens that the state power and the politicized (semi-official) part of civil society either ignore, do not take seriously, "do not want to notice," or do not really see, do not have information about their existence. Therefore, the structure of civil society includes both those elements that are in the active interaction with the state and with other

politicized institutions of civil society (political parties, local government, trade unions, public councils, registered NPOs, the mass media, etc.), and institutions that do not or nearly do not come into contact with the "system world", operate in a "shadow" regime, including legal conditions. However, the existence of such institutions is objectively confirmed by empirical data.

The first part of the article considers various approaches to the understanding of civil society, since in accordance with its ideas about its structure and the possibility of including "shadow" elements in it are formed. An attempt was made to answer the question - which social groups, communities and social institutions can be, and which cannot be spoken of as "shadow" elements of civil society? As an antithesis to "non-civic" elements (those that should not be included in the structure of civil society), the author considers in depth the community of persons with no fixed abode ("homeless people") as one of the "underside" institutions of civil society in modern Russia.

The second part of the article, which will be published in the next issue, will examine "street children", the phenomenon "Prisoner Thug Unity", football fans as a typical example of a wide spectrum of informal associations, virtual shadow communities: gamblers, "death groups", etc. as communities of citizens who should be studied as "shadow" elements of civil society. The author has attempted to prove the need for comprehensive intersectoral research of "underside" phenomena of civil society. In searching for tools for such a research, the author addresses briefly the issue of the "underside" aspects of social phenomena that are organically bound with civil society: the shadow economy and shadow law. It is concluded that often the shadow law is the normative systems that regulate social relations within communities that are elements of the "underside" of civil society.

The final conclusion of the article: "underside" social groups and social institutions formed on the basis of their set are an integral part of civil society in Russia.

Keywords: civil society, the "undersides" of civil society, social group, civil society institute, law, shadow law, persons with no fixed abode (homeless), informal youth associations

For citation: Mushinskiy M.A. "Underside" of civil society. Part 1. Understanding of civil society and its "seamy" side // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 19–41. (In Russian)

Достаточно часто граждане Российской Федерации в реальной жизни, а ученые общественного блока научных дисциплин – в своих исследованиях, среди эмпирического материала, сталкиваются с человеческими сообществами, которые не «вписываются» в стандартные теории о структуре гражданского общества. Представители этих социальных коллективов живут малопонятной для большинства граждан жизнью, их ценности и интересы не совпадают с ценностями и интересами окружающих. Они занимаются совместной деятельностью, которая зачастую раздражает "добропорядочных" граждан, подчиняются внутригрупповым неписанным правилам поведения, отличным от соблюдаемых большинством обычаев, морально-этических нормативов, от корпоративных правил, зафиксированных в официально признанных поведенческих кодексах. Эти группы, объективно являясь частью социума, находятся "в тени" общественного и официального (государственного) внимания, их существование либо не замечается, либо не признается, либо не афишируется, замалчивается для создания видимости социального благополучия. Как представляет-

ся, в данном случае мы имеем дело со своеобразной обратной, изнаночной стороной российского общества. Пришло время определиться – каким образом явления, образующие "изнанку" социума, соотносятся с концептом "гражданское общество", активно эксплуатируемым представителями ряда смежных отраслей общественного знания.

Понимание гражданского общества – основа для представлений о его структуре и возможности включения в нее "теневых" ("изнаночных") элементов.

Вот уже три десятка лет российские ученые – социологи, психологи, юристы, политологи, культурологи, экономисты – пытаются дать понятие гражданского общества и по возможности полно и объективно охарактеризовать соответствующее ему социальное явление. При этом диапазон исследовательских подходов чрезвычайно широк, но в большинстве работ ощущается доминирование традиционного европейского понимания рассматриваемого явления, начало которому лежит в размышлениях Платона, Аристотеля и Цицерона о наиболее рациональном построении общественной системы. Гоббс, Спиноза, Локк,

Харрингтон, Пейн, Монтескье, Руссо, Фергюсон, Кант, Гегель, Токвиль, Маркс, Энгельс – вот далеко не полный перечень светил европейской мысли, труды которых традиционно цитируются для того, чтобы проиллюстрировать развитие идеи гражданского общества и его органических связей с правовой государственностью.

В России имперского периода, как считает Л.Ю. Грудцына, "полноценное" гражданское общество отсутствовало, а отечественные авторы того времени в своих исследованиях данного феномена также отталкивались от комплекса "европейских идей о гражданском обществе, уделяя особое внимание его правовым аспектам (Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, С.А. Франк и др.)" [12. С. 19].

В советский период в силу известных историко-политических обстоятельств в исследованиях гражданского общества наступил 70-летний перерыв. В отечественной официальной государственно-правовой доктрине провозглашалось, что в результате советского строительства должно было получиться не сосуществование двух систем – государственной и общественной, а их слияние, когда властеотношения потеряют политический характер и произойдет "перерастание государственности в коммунистическое общественное самоуправление" [6]. Система коммунистического самоуправления виделась идеологам "эпохи развитого социализма" как некий идеальный социальный механизм, обеспечивающий для всех членов общества равное и непосредственное участие в осуществлении общественной власти, что само по себе делает концепцию гражданского общества – антипода или партнера государственного механизма – ничтожной. Но – увы: "В современных условиях невозможно дать конкретный анализ форм, содержания, структуры, динамики будущего коммунистического самоуправления..." [47. С. 427]. Интересно, что авторы процитированного учебного текста, в отличие от всех других учебников по теории государства и права советского периода, достаточно подробно, на семи страницах, рассматривают вопрос о взаимосвязях и взаимодействии советского государства и негосударственных организаций – профсоюзов, потребительской и сельско-

хозяйственной кооперации, общества "Знание", ВООПИК, ДОСААФ, ОСВОД, общества Красного Креста и Красного Полумесяца, обществ охотников и рыболовов и других [47. С. 215–222]. Однако ассоциации с "буржуазной" категорией "гражданское общество" у них в связи с этой совокупностью общественных организаций даже не возникает. Если советские ученые и обращались к словосочетанию "гражданское общество", то только мельком, в контексте марксистского материалистического ("от экономики") понимания: "Государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, – решающим элементом" [54]. Основоположники материалистической диалектики для характеристик гражданского общества в своих трудах использовали разные понятия. Для них это и сложившаяся на определенном историческом промежутке организация сословий и семей, и определенный общественный слой, и особая совокупность производственных отношений. "Гражданское общество обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производственных сил... Выражение "гражданское общество" возникло в XVII в., когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневековой общности..." – писали К. Маркс и Ф. Энгельс [25].

А.Ю. Сунгуров обоснованно отмечает, что в СССР и других странах "социалистического лагеря" на смену традиционной связке государство – гражданское общество "пришло тоталитарное или близкое к нему псевдосоциалистическое государство, подмявшее под себя независимые общественные структуры и контролировавшее все стороны общественной, а также и личной жизни человека. Соответственно, и в общественной науке советского периода исследования понятия "гражданское общество" практически отсутствовали" [46. С. 8–9]. Однако автор подметил еще один важный для нашей темы момент – именно сохранившиеся там, зачастую "в подполье" или в полулегальном статусе, независимые от государства общественные группы стали центрами противодействия тоталитаризму и в конечном итоге выросли в важный (далеко не единственный, и не всегда главный, но

неизменно важный) фактор модернизации политических режимов России, других возникших на развалинах СССР новых государств и стран Восточной Европы. На основе этого наблюдения можно сделать предварительный вывод: не следует сводить структуру гражданского общества только лишь к общественным формированиям и институтам, признаваемым официальным государственным мнением или хотя бы "замечаемым" им. Зачастую гражданско-общественные функции выполняют стихийные объединения граждан, которые государственная власть и политизированная (официальная или правильнее – официозная) часть гражданского общества либо игнорируют, не принимают всерьез, "не хотят замечать", либо реально не видят, не имеют информации о их существовании.

Возникает вопрос – входят ли эти "теневые", лишенные признания, не имеющие официального статуса и полноценной юридической базы деятельности, но реально существующие и функционирующие, элементы общества в структуру социального явления, обозначаемого как "гражданское общество"? Очевидно, что ответ на этот вопрос зависит от понимания категории "гражданское общество".

Как уже отмечалось, среди современных отечественных исследователей преобладает традиционный европейский подход, в рамках которого, с небольшими вариациями, гражданское общество понимается как совокупность относительно независимых организаций и ассоциаций граждан, опосредующих отношения между личностью и государством, защищающих права и свободы личности и осуществляющих функции общественного контроля и сдерживания государства. В разных версиях баланс "партнерство – антагонизм" в отношениях гражданского общества и государства утверждается разный. Так, В.И. Нижечек полагал: "Гражданское общество разрушает монополию на всевластие государственных деятелей, обеспечивает возрастание степени защищенности частных сфер жизни человека от жесткой регламентации со стороны государства. Чем более развито гражданское общество, тем свободнее чувствуют себя индивиды и тем незаметнее роль государства, ибо в таком случае оно функционирует в рамках, отве-

денных ему законом, и не вмешивается в повседневную жизнь людей. И, наоборот, чем слабее гражданское общество, тем сильнее государство" [30. С. 270]. Ряд авторов само возникновение и развитие гражданского общества воспринимают как диалектическую антитезу государству, вступающему в кризисную эпоху: "Гражданское общество возникает там и только тогда, где и когда институт государства уже не в состоянии оптимально выполнять функции регламента общественных отношений, где созрели предпосылки гражданского компромисса и мировоззренческого плюрализма; где складывается совокупность общественных институтов, имеющих собственный статус и способных к равноправному диалогу с институтом государства, способных противостоять политической экспансии государства, быть его противовесом; сдерживать его стремление к монополии, превращению из системы обеспечения развития общества в систему самообеспечения, где авторитет власти существенно редактируется состоянием гражданского общества" [13. С. 31]. Как можно убедиться, здесь акцент делается на политической стороне вопроса. Схожую позицию занимало и большинство участников "круглого стола", состоявшегося в 2001 году [14].

Имеются также различные "коммунальные" ("коммунитаристские") интерпретации.

Ряд авторов, наоборот, выводит за рамки понимания гражданского общества политические и экономические составляющие. Сторонниками данной версии в его структуре делается акцент на семье, церкви и некоммерческих организациях (НКО), осуществляющих неприбыльную деятельность ради общественного блага – "третьем секторе", прежде всего, на институтах благотворительности и меценатства.

Являясь сторонниками синтетической версии и принимая в той или иной мере доводы всех представленных позиций, полагаем необходимым добавить к имеющимся характеристикам два важнейших аспекта организации и деятельности институтов гражданского общества – они образуются и функционируют, помимо прочего, с целью: а) создания для личности организационных и коммуникационных

возможностей для самореализации своих интересов и потребностей; б) формирования благоприятных условий для общения единомышленников, личностей, объединенных каким-то общим интересом. Государство всегда стремится установить для такого общения соратников какой-то "правильный" с точки зрения представляющих его (государство) чиновников формат, но далеко не всегда им (представителям государства) удается подобные социальные связи отформатировать. Объективно существуют такие организации индивидов, объединенные общностью их интересов и потребностей, которые не стремятся к формализации, к контактам со структурами государства и с иными институтами гражданского общества. Но они могут существовать длительно и стабильно, а главное – они выполняют ту же задачу, что и остальные ("официальные") институты гражданского общества: создают для индивида условия для реализации, через контакты и взаимодействие с другими участниками организации, через отношения взаимовыгоды, своих интересов и потребностей, для пользования коллективными (групповыми) ценностями, не всегда относящимися к ценностям общегражданским, общепризнанным.

Существует также "оценочный" вариант трактовки гражданского общества, где эта категория выступает в роли своеобразного мерил уровня зрелости государственно-общественных отношений в историко-диалектическом контексте. Так, Н.И. Матузов пишет: "Термин "гражданское общество" имеет в литературе особое содержание и в современной трактовке выражает определенный тип (состояние, характер) общества, его социально-экономическую, политическую и правовую природу, степень развитости, завершенности. Иначе говоря, под этим понятием подразумевается общество, отвечающее ряду выработанных историческим опытом критериев. Гражданское общество – это более высокая ступень в развитии социальной общности, мера его зрелости, разумности, справедливости, человечности. ... В любом случае гражданское общество – это развитое, стабильное, благоустроенное общество с достаточно высоким уровнем жизни людей. Бедное, нищенское, отсталое об-

щество недостойно статуса гражданского, ибо в нем не сложились те условия, предпосылки и институты, которые делают страну процветающей, мирной, прогрессивной" [26]. С позиций доктрины правового государства в соответствии с данной теорией можно утверждать, что гражданское общество – это качественное состояние социума, соответствующее правовой государственности, это условие построения правового государства. Чем выше уровень "зрелости" общества – тем больше в нем гражданственности, а значит лучше условия для реализации принципов правового государства. Поэтому в работах, посвященных теории и практике правового государства, зачастую используется акцентированное словосочетание "развитое гражданское общество".

Исследователи проблем правовой государственности, отталкиваясь от цивилистических и гуманистических начал, иногда теряют грань между правовым государством и гражданским обществом и выказывают по своей сущности этатические взгляды, отдают во взаимоотношения "государство – гражданское общество" предпочтение патерналистским тенденциям. Так, В.Ф. Яковлев в одном из своих интервью заявил, что "главным показателем гражданского общества" является возможность обжалования нарушающих права граждан действий и решений в орган государства – суд, возможность судебной защиты. "Там, где эта возможность есть и она может быть реализована, – это гражданское общество. Где этого нет – это что-то такое, пока только движущееся в сторону гражданского общества, но не оно само" [56. С. 39]. И.С. Фатов в диссертации также демонстрирует "государственнический" подход. С одной стороны, это объяснимо тем, что его работа в целом посвящена общественным объединениям – наиболее формализованной части гражданского общества и их юридически закреплённому статусу. Однако, как представляется, видение гражданского общества у автора все же пронизано излишним этатизмом. Так, он утверждает: "Сегодня мы видим различные шаги государства, направленные на создание различных форм контроля гражданского общества над государством" [48. С. 5]. То есть это не гражданское общество вырабаты-

вает средства общественного контроля, а государство само создает формы контроля за собой! И далее: "Ныне в России актуализируются новые организационно-правовые формы общественных объединений, образуемых по инициативе государства и его органов, участвующих в формировании государственной политики и в ее реализации: общественные палаты и молодежные парламенты". Как представляется, если какая-то организация создана по инициативе государства и его органов, то ее вряд ли можно рассматривать как полноценный институт гражданского общества. Не случайно в литературе присутствуют характеристики подобных организаций как "квазиобщественные" или "псевдообщественные". Возможно, есть смысл прислушаться к мнению С.А. Абрамитова и Э.Ф. Мамедова, которые на примере региональных общественных палат характеризуют подобные образования как "нетипичные" институты гражданского общества, выполняющие функцию обеспечения взаимодействия граждан и "обычных" (реальных) институтов гражданского общества с органами государственной власти. "Нетипичны", по мнению авторов, они именно потому, что формируются по инициативе государства и с его участием, их деятельность в материальном, финансовом и организационном плане обеспечивается органами государственной власти [1. С. 23–26].

Если соединить "коммунитаристские", "оценочные" и "патерналистские" подходы, то категория "гражданское общество" начинает ассоциироваться скорее не с правовым, а с социальным государством – таким общественно-политическим устройством, при котором главной ценностью является достойный уровень жизни каждого гражданина, максимальная обеспеченность духовных и материальных потребностей личности при соблюдении общественного интереса. Такое состояние достигается усилиями государства посредством права, в частности, путем установления в законодательстве и обеспечения на практике минимальных социальных стандартов. Роль же институтов гражданского общества сводится в таком случае к общественному контролю в части соблюдения принципов социальной справедливости, общественным инициативам из раз-

ряда благотворительности, меценатства, волонтерства и т. п., государственно-общественному партнерству в сферах производства, распределения благ, социального обеспечения и призрения.

Как видится, для успешного поиска ответа на поставленный выше вопрос – по поводу "теневых", лишенных официального и официозного признания общественных институтов – представляют интерес наиболее широкие формулировки искомого понятия.

Так, одним из первых в постсоветский период высказал широкое, универсальное понимание гражданского общества К.С. Гаджиев: "Гражданское общество – это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных" [9. С. 30].

Коллектив политологов из МГИМО под руководством А. Ю. Мельвиля предложил следующую дефиницию: "Гражданское общество – совокупность множества межличностных отношений, семейных, социальных, экономических, культурных, религиозных и других ассоциаций и структур, которые развиваются в данном обществе вне рамок государства и без его определенного вмешательства либо помощи" [21. С. 204].

По определению К.А. Струся, "Гражданское общество – это совокупность частных и межличностных отношений социального, политического, идеологического, культурного, религиозного, семейного и иного характера, направленных на удовлетворение интересов общества, отдельных индивидов и создаваемых ими институтов" [45. С. 22].

Как представляется нам, многих авторов заводит в гносеологический тупик попытка приложить созданное западной политико-правовой культурой лекало "civil society" на современную российскую действительность, найти у нас аналоги описанных американскими и европейскими ис-

следователями институтов и отношений внутри общества. В этой области российская политико-правовая доктрина, начиная с конца 1980-х гг., строится на стремлении воспринять варианты доктрины гражданского общества "от Монтескье", "от Локка" и т. п., не особо задаваясь вопросом – насколько они вообще применимы в отношении российского общества? Отдельные авторы, пришедшие все же в результате своего научного поиска к данному вопросу, пытаются обосновать необходимость полного отказа от концепта гражданского общества как чуждого российской традиции, российским политико-правовой теории и практике. В данном случае полезно, на наш взгляд, прислушаться к мнению В.В. Волкова, согласно которому "вопрос об уместности концепции гражданского общества во многом зависит от того, как работать с этим понятием. Иными словами, это вопрос не формального приложения концепции, а скорее выбора адекватного кросс-культурного перевода – с языка одной традиции на язык другой" [7]. Автор в качестве приемлемой российской интерпретации концепта "гражданское общество" предлагает исторически сформировавшийся со времен Карамзина и Радищева концепт "общественность". Идея здравая. Наше понимание гражданского общества, как уже отмечалось, относится к наиболее широкому трактовкам, близким к предложенному Т. Парсоном "социетальному сообществу" (*societal community*), но с большим акцентом на его институциональную структуру. При этом "Для выживания и развития социетальное сообщество должно придерживаться единой культурной ориентации, разделяемой в целом (хотя и не обязательно единообразно и единодушно) его членами в качестве основы их социальной идентичности" [34].

Таким образом, мы полагаем правильным на сегодня отход от двух традиционных ("западных") концепций, в основе которых лежит отрицание: а) гражданское общество как антитеза обществу "догражданскому" ("традиционному"); б) гражданское общество как антитеза государству. Актуальными представляются концепции, отражающие созидательную роль гражданского общества не в системе человек-государство, а в системах человек-

человек и человек-общество; представляющие его как реальную совокупность граждан данного государства, характеризующую с точки зрения ее структуры, культурных, этнических и религиозных традиций, экономического уклада, социально-правовых ценностей, уровня и форм гражданской активности, возможностей удовлетворения индивидуальных потребностей и интересов граждан через участие в институтах.

Бессмысленно отрицать политический аспект функционирования гражданского общества. Ему имманентно присуще стремление создавать институты сдерживания власти, противодействия ее произволу и влияния на властеотношения. В том числе путем контроля и участия в правотворческом процессе, чтобы воспрепятствовать изданию государством "неправовых законов". Формируемые гражданским обществом для решения этой специфичной задачи институты, прежде всего, оппозиционные политические партии, правозащитные НКО, организации общественного контроля типа ОНФ, профсоюзы и другие, во взаимоотношениях (иногда – в противодействии) с государством зачастую действуют в интересах других институтов гражданского общества, решающих иного рода задачи. Мы же пытаемся доказать тезис о том, что структуру и функционирование гражданского общества, вместе с тем, нельзя сводить только к этим институтам и их деятельности. Они – хотя и очень важный, но всего лишь фрагмент в многокрасочной картине гражданского общества, состоящей из множества сообществ и отношений (образующих, по В.В. Волкову, российскую "общественность"). В том числе и "теневых".

Интересную, имеющую конспиративный оттенок, версию выдвигает В. Коровин (который, кстати, в названии своего материала использует ту же смысловую ассоциацию, что и мы – "изнанка"). Он полагает, что либеральный концепт "гражданское общество" в настоящее время используется Западом для распространения своего влияния на "не западные" общества путем идеологических манипуляций, с использованием сетевых стратегий, в том числе для провокации угодных Западу социальных потрясений – "оранжевых", "бархатных" и т. п. Это "экспортная форма соци-

ального и общественного устройства, которую предлагает Запад", и которая "приводит к атомизации и унификации общества с отказом от любых форм идентичности в пользу некой общечеловеческой универсальности". Однако, продолжает автор, в России "этот концепт приживается плохо в силу консервативности, этнического и религиозного многообразия. Мы же подразумеваем под этим понятием любую активность в области самоуправления населения, а не только выступление людей на митингах и демонстрациях" [23].

О каких общественных группах, сообществах и социальных институтах можно, а о каких нельзя говорить как о "теневых" элементах гражданского общества? К вопросу об "антигражданском" обществе и его соотношении с "изнанкой" гражданского общества.

Говоря о "теневых" элементах, об "изнанке" гражданского общества, мы полагаем правильным исключить из его структуры открыто внекультурные, антиобщественные группы и объединения, не только действующие в нарушение общепризнанных норм морали, общезначимых поведенческих нормативов ("правил гражданского общежития"), но и откровенно причиняющие вред общественным отношениям и интересам остальных членов общества, и тем самым противопоставившие себя обществу. А.Ю. Сунгуров для обозначения этой части социума использует понятие "негражданское общество", под которым он понимает "совокупность ассоциаций людей, не уважающих и не соблюдающих законы государства. Каждый из секторов гражданского общества будет иметь своего аналога в обществе негражданском, так, для политического сообщества это нелегальные, террористические организации; для экономического – мафия и преступные группировки; для сообщества NGO – тоталитарные религиозные секты и т. д." [46. С. 18].

На наш взгляд, акцент в данном случае необходимо сделать не на соблюдении законов государства. Если ставить данный признак во главу угла, то из перечня институтов гражданского общества тут же вычеркивается, например, так называемая "внесистемная оппозиция", нарушающая государственно-властные установки при

проведении несанкционированных акций. Однако подобные "грехи" иногда совершают не только политические противники действующей власти, но и, допустим, экологические организации. Вспомним события вокруг Химкинского леса в Подмосковье 2007–2012 гг., или имевшую место летом 2015 г. ситуацию в Шелеховском районе Иркутской области, когда ЗАО "Дорожник" начало добычу розового гранита на скальнике "Старая крепость". Несколько дней активисты-общественники буквально своими телами блокировали работы, проводили не разрешенные властями пикеты и митинги, то есть юридически незаконные акции. Думается, в данном случае никому не придет в голову отнести активистов-экологов, протестующие группы неравнодушных местных жителей к "негражданскому обществу", хотя их действия и выходили зачастую за рамки, установленные законодательством. Конечно, в идеале, в условиях подлинной правовой государственности законы государства совпадают с общественными интересами, с нормами нравственности и общепризнанными среди населения взглядами и подходами к вопросам социальной справедливости, целесообразности ("общественной надобности") и т. д. Однако до такого идеального состояния не "доросло", пожалуй, еще ни одно государство (общество), в том числе Россия, а значит выступление группы единомышленников против тех или иных конкретных нормативных установлений государства отнюдь не означает автоматический перевод ее в разряд антиобщественной ("негражданской"). Такие выступления были, есть и будут.

Есть выступления против сложившегося положения дел, против бездействия власти. Например, акции протеста против коррупции в высших эшелонах российской власти, которые прошли в марте 2017 г. и в последующие месяцы в виде митингов, шествий и одиночных пикетов во многих городах России. А есть – как реакция на конкретные изданные властью "непопулярные" нормативные правовые акты. Так, заметными движениями последних лет стали протесты общественности г. Москвы в отношении законодательства о так называемой "реновации жилищного фонда" столицы. Прошедшие по всей стране акции водителей "дальнобойщиков" и их профессио-

нальных сообществ против системы "Платон". Имевшие место в уральском регионе, а также в Калуге, Ярославле и других городах акции протеста против отдельных нормативно-правовых решений, принятых в рамках реализации "стратегии в интересах детей" (возникла даже общественная организация "Родительское всероссийское сопротивление"). И многие другие. Следует ли отнести принявшие в них участие организации, социальные группы, протестующие против конкретных законов государства, к "антигражданскому обществу"? Конечно нет! Наоборот, такая форма активности – это яркое проявление позитивно развивающегося гражданского общества, реализация им контрольной (в отношении государства) функции, а также функции "обратной связи".

Раз уж мы говорим об антиподе обществу, а не государству, значит в качестве критерия отнесения той или иной общественной структуры к "антигражданскому обществу" следует принять не протест против закона государства, и даже не факт прямого нарушения юридического закона, а не уважение к общепринятым в данном обществе установкам, воззрениям и сформировавшимся на их основе правилам. Неприятие и демонстративные отступления от требований общественной нравственности, нарушение интересов других членов общества и их организаций в условиях, когда их можно было не нарушить, нарочитая социальная конфликтность. В условиях правовой государственности, при наличии качественного в социально-правовом отношении законодательства, такие действия одновременно будут и антиобщественными, и противозаконными. Однако отсутствие правового запрета не оправдывает аморальные, осуждаемые социальным большинством, вредные поступки. В том числе в ситуации, квалифицируемой юристами как "злоупотребление правом". По сути дела, в данном случае обнаруживается выход на чрезвычайно сложную проблему соотношения категорий "право" и "закон". Не имея возможности детально обратиться к ней в рамках данной публикации, ограничимся цитатой из статьи Т.И. Заславской и М.А. Шабановой: "Критерий легитимности социальных действий, базирующийся на господствующих пред-

ставлениях массовых групп о правовых (неправовых) способах поведения, относительно независим от фактического состояния и качества задаваемых властями формально-правовых норм, так как право не тождественно закону" [18. С. 9].

Очевидно, что критики изложенной здесь позиции обязательно зададут вопрос: а кто, собственно, вправе от имени общества судить – вреден или не вреден тот или иной поступок, где заканчивается большинство и начинается меньшинство, обязанное "подстраиваться" под интересы и правила большинства? И вообще – возможно ли говорить о наличии некоего "социального целого" и его "совместной морали" в такой огромной, разной, многонациональной стране, какой является Россия?

Конечно, моральные установки, нравственные оценки, социально-правовые ценности и интересы на самом деле значительно рознятся у граждан России: у жителей таежных поселков – представителей малых коренных народностей Севера и Востока страны; у граждан, проживающих внутри Садового Кольца, на Арбате и Тверской; у детей и внуков бывших заключенных – жителей дальневосточных, северных и сибирских провинциальных населенных пунктов, расположенных на месте "Тайшетлага", "Озерлага", "Воркутлага", "Дальлага" и т. п.; у жителей республик Северного Кавказа; у рабочих с "Уралмашзавода"... Поэтому "усредненная мораль", "общеизвестные правила", "общезначимая ценность" и другие подобные категории, к которым мы вынуждены обращаться для объяснения феномена гражданского общества, имеют откровенно абстрактный характер, это скорее "вещь для нас", нежели "вещь в себе". Однако утверждать о их наличии даже в условиях огромного по площади, многонационального и многоконфессионального, имеющего трудную неоднозначную историю государства можно и нужно при условии, что в этом государстве действительно формируется гражданское общество. Фундаментом социального единства, основой для гашения конфликтов, согласования интересов, ценностей и мировоззренческих позиций в данном случае служит явление толерантности во всех ее проявлениях (направлениях). Ее формирование – одна из главных задач как прогрессивных и

наиболее мощных институтов гражданского общества, так и правового государства, во взаимодействии между собой. Если население страны представляет собой клок противоречий, гражданского общества не построить. И неправильно в условиях огромной России искать какую-то общую, универсальную, равнозначимую для всех "национальную идею". Ценностные приоритеты у разных социальных групп разные и они никогда не совпадут. Основа гражданского общества – это не всеобщая идея, не совпадение ценностей, а взаимотерпимость идей и уважение к "соседским" (а не к "чужим") ценностям. И вот на таких условиях уже следует включать "систему социального опознавания свой-чужой". Чужой – это не тот, чьи мысли, воззрения, ценности и интересы не совпадают с мыслями, интересами и воззрениями других граждан данного государства. Пусть даже и абсолютного большинства. Чужой – это тот, кто в процессе реализации своих воззрений и ценностных установок, удовлетворения своих интересов, причиняет реальный вред общественному благу, ценностям и интересам представителей другой части общества. Кто поступает во взаимодействиях с другими членами общества вопреки признанным большинством (не обязательно разделяемым всеми, но признанным, принятым в качестве допустимых) правилам поведения в данном обществе, и при этом причиняет общественным отношениям, общественной нравственности, чужим интересам определенный ущерб.

В этом смысле вполне оправдан, например, запрет на деятельность религиозной организации, адепты которой призывают к действиям экстремистского характера, или используют в отношении личности технологии психофизиологического воздействия, манипулирования сознанием и волей. Чужими (чуждыми) для общества организациями являются организованные преступные сообщества, где бы они не возникли – в сфере, например, лесопользования, проституции, оборота драгоценных металлов, распространения оружия или наркотиков, на алкогольном рынке, в банковской сфере или государственной власти (вокруг коррупционных схем). Однозначно чужими для здорового общества являются организации гомосексуалистов и наркоманов. И

те, и другие рано или поздно неизменно испытывают потребность вовлечь в свою группу новых членов, распространить свое социальное заболевание в молодежной среде, а это уже преступление против общественного здоровья и общественной нравственности. Такие организации – это элементы "антигражданского" общества, и они не являются предметом настоящей статьи.

Мы говорим о сообществах граждан России, не совершающих запрещенные как юридическими законами государства, так и нравственными законами общества действия, не причиняющих вред чужим интересам. Но при этом "выбивающихся" за рамки общепризнанных представлений о должном и постыдном, о правильном и неправильном, за пределы представлений большинства о добропорядочности. Такие формирования, в отличие от организаций сектора НКО, или объединений непосредственного жизнеобеспечения "добропорядочных" граждан (ТОС, ТСЖ, дачные и гаражные товарищества и т. п.), всегда лишены официального признания, а значит у них нет регистрации и официального статуса, нет юридической базы их деятельности, нет механизмов защиты интересов их участников. Но они существуют.

Некоторые такие социальные группы возникают в результате попадания их участников, как стало теперь принято говорить, в "сложную жизненную ситуацию". В данном случае, выделяя "объединяющий момент", правильно говорить скорее не о реализации совместных интересов, а о совместном выживании. Яркий пример тому – группы людей, не имеющих постоянного легального дохода, места жительства, а чаще всего и личных документов. В обществе стереотипный образ таких граждан (а они являются гражданами России, членами нашего общества, даже утратив паспорт!) принято передавать через вышедший из милицейских протоколов эпитет – аббревиатуру "бомж" (без определенного места жительства).

Сообщество лиц без определенного места жительства ("бомжи") как один из "изнаночных" институтов гражданского общества.

С начала 1990-х гг. и по сей день опубликовано несколько сотен разной глу-

бины работ, посвященных этой категории граждан России. Вполне естественно их авторы пытаются дать собственную оценку явлению с точки зрения общепризнанной в обществе шкалы ценностей. Чаще всего поведение бомжей оценивается как "асоциальное" и "девиантное", и с этим трудно спорить. Однако, к сожалению, не все исследователи занимают в этом вопросе четко аргументированную позицию.

Дело в том, что "асоциальность" – это наиболее широкое понятие, охватывающее целый ряд смежных явлений, и применительно к характеристике конкретного объекта (личности, социальной группы, образа жизни, деятельности, поступка) в любом случае требующее уточнений. Термин "девиация" (как разновидность асоциального поведения) относительно недавно заимствован социальным знанием из областей физики, техники и биологии, а поэтому значение его пока не устоялось. На наш взгляд, поскольку наиболее часто определяющим для девиации словом в сфере точных и естественных наук является "отклонение" (от чего-либо нормального, стандартного), то и в сфере социально-правовой характеристики поведения как девиантного следует понимать как "отклоняющееся от нормы". При этом, по нашему убеждению, социальная девиация – это не синоним правонарушения, иначе данный иностраннизм вообще не нужно было вводить в российский научный лексикон, чтобы не множить без необходимости вполне достаточную терминологию, обозначающую явление противоправного поведения – правонарушения. На наш взгляд, термин "девиация" и был привнесен в социально-правовую и социально-психологическую речь для того, чтобы оттенить поведенческие отклонения, не переступающие вместе с тем черты закона, и собственно правонарушения. Правда, ряд авторов рассматривает нарушения закона как разновидность девиации, с чем мы не до конца согласны. Так, Е.В. Змановская пишет: "Отклоняющееся поведение личности – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам" [19. С. 12]. Как представляется, если под официально установленными социальными нормами понимаются зафиксированные в законе нормы права, и поведение проти-

воречит им, то это правонарушение, являющееся самостоятельной социальной и юридической категорией. Если же поведение не соответствует общепринятым социальным нормам, но при этом не содержит признаков правонарушения – это и есть девиация. Такой позиции придерживается целый ряд авторов. Т.Г. Евдокимова, изучая девиации в молодежной среде, относит к ним алкоголизм, наркотизм и табакокурение среди подростков. Ею упоминается также суицидальное поведение, но правонарушения из перечня девиаций автором исключены [15]. В целом соглашаясь, отметим несколько зауженный подход автора: в работе не достаточно внимания уделено прочим подростковым девиациям – ранней половой жизни, азартным играм, в том числе сетевым, бродяжничеству, попрошайничеству (которым занимаются иногда дети из материально благополучных семей) и др.

Одной из работ, посвященных проблематике бомжей, в которой нет четкой определенности по поводу понятия "девиантное поведение", является статья В.В. Шильдевой, в которой утверждается: "Девиантное поведение – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе **правовым или нравственным** (выделено мною – М.М.) нормам" [50. С. 55]. В данной статье, к сожалению, обнаруживается и еще один досадный недостаток – не соответствие ее названия содержанию. В аннотации указано, что "Данная статья посвящена изучению различных подходов к определению понятия "бомж", и это соответствует ее заголовку, однако на деле в тексте ни одного определения понятия "бомж" вообще не дано, сама эта аббревиатура упоминается лишь в первом абзаце, а большая часть текста посвящена различным концепциям и типологии отклоняющегося поведения вне всякой связи с проблемой бездомности.

Понятно, что акценты в характеристике девиации как явления расставляются в зависимости от той области знаний, к которой принадлежит исследователь. По нашему мнению, наиболее удачно в обобщенном виде три отраслевых подхода к понятию девиации – педагогический, медицинский и психологический – описала В.А. Янышева: "Педагогический подход к проблемам девиантного поведения подра-

зумевают под этим понятием отклонение от принятых в данной социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и культурных ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизводства норм и ценностей, а также саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит. При медицинском подходе девиантное поведение определяется как отклонение от принятых в данном обществе норм межличностных взаимоотношений, действий, поступков, высказываний, совершаемых как в рамках психического здоровья, так и в различных формах нервно-психической патологии, особенно пограничного уровня. Психологический подход трактует девиантное поведение как отклонение от социально-психологических и нравственных норм, представленное либо как ошибочный антиобщественный образец решения конфликта, проявляющийся в нарушении общественно принятых норм, либо в ущербе, нанесенном общественному благополучию, окружающим и себе" [57]. При этом для исследователя-юриста, с учетом конкретных целей изучения, важными могут стать элементы всех трех этих определений, но при этом аксиомой остается утверждение: если отклоняющееся поведение находится в рамках закона – это девиация, если вне таких рамок – это правонарушение.

Для характеристики поведения представителей "дна" и "придонного слоя" российского общества употребляется также термин "делинквентность". Как представляется, это понятие применимо в тех случаях, когда нужно не в юридическом, а в социально-психологическом контексте описать не единичный поведенческий акт, а длящееся поведение, которое выходит за рамки просто девиации, все чаще содержит признаки противоправного деяния. И.А. Первова по этому поводу указывает: "В отечественной социально-психологической литературе смысловое содержание делинквентности обычно связывалось с понятием, подразумевающим цепь поступков, провинностей, мелких правонарушений, напрямую не связанных с криминальным поведением, т. е. не квалифицируемых как серьезные правонарушения или преступления и не наказуемых согласно Уголовно-

му кодексу. В последнее время содержание этого понятия начинает выходить за рамки криминологического, пенитенциарного и психиатрического рассмотрения и принимает все более направленный социально-психологический характер. Предлагается использовать его в качестве определяющего компонента негативных девиаций, предполагающего как стойкие нарушения общественных норм, так и уголовно наказуемые акты" [35].

Характеристику "делинквентный" по отношению к повседневному образу жизни бомжей чаще всего используют представители правоохранительных органов. Так, сотрудник полиции из г. Пензы А.Г. Репьев, пытаясь посвятить свою статью вопросам **обеспечения прав людей из категории "бомж"**, в конечном итоге приходит к жесткому выводу, что "несмотря на положительные результаты практической работы с вышеуказанной категорией граждан, около 70 % от их общего числа не желают возвращаться к нормальному образу жизни", поэтому "С точки зрения обеспечения и защиты прав, законных интересов **добропорядочных граждан** подобных лиц **БОМЖ необходимо изолировать от общества**". То есть автор предлагает изолировать от общества, лишиться свободы передвижения и других гражданских прав и свобод граждан Российской Федерации только лишь за то, что они не имеют жилья и представляют, по мнению представителей власти, потенциальную опасность для "добропорядочных граждан"! Как представляется, подобные рассуждения могут завести очень далеко... "Однако, – сетует далее А.Г. Репьев, – в настоящее время органы правопорядка не располагают юридическими механизмами воздействия на данную категорию" [37. С. 73].

Иногда в литературе, чаще всего в работах, посвященных проблемам социальной стратификации, в отношении людей из категории "бомж" встречается эпитет "люмпен", "люмпенизированная личность". Как известно, данный термин был введен в научный оборот К. Марксом и имел прочтение исключительно "люмпен-пролетарий". В рамках своей теории классовой структуры общества основоположник материалистической диалектики так характеризовал наиболее низко оплачива-

емых либо потерявших работу, мало востребованных из-за отсутствия трудовых навыков, а также вообще "выпавших" из своего класса, говоря современным языком, "опустившихся" (например, из-за пьянства) представителей рабочего класса – "деклассированный элемент". В такой классической трактовке термин мало применим к современным бездомным и бродягам, поскольку далеко не все из них в прошлом были людьми рабочих профессий (пролетариями). Среди современных российских бомжей встречаются бывшие инженеры, художники, чиновники, военные, педагоги и т. д. Не случайно помимо аббревиатуры "бомж" иногда используют "бич" с иронично-насмешливой расшифровкой "бывший интеллигентный человек". Хотя, к примеру, социологическое исследование, проведенное группой ученых в г. Пензе, показало, что "большинство лиц БОМЖ имеют начальное (82,8 %), среднее (13,8 %) образование. Только 3,4 % респондентов обладают высшим образованием" [55. С. 108].

В современных интерпретациях характеристика "люмпен" потеряла свое изначальное "марксистское" значение, ныне этим термином охватываются все опустившиеся на "социальное дно" алкоголики, бродяги, низовые категории проституток, нищие, освободившиеся и не работающие заключенные, "городские сумасшедшие" и другие им подобные лица, находящиеся вне определенных обществом рамок стандартных (минимальных) условий и норм жизни, в условиях отчуждения от общественного большинства.

Как было отмечено, термин "люмпен" встречается в трудах, посвященных теории социальной стратификации. Мы не склонны развивать данную теорию применительно к предмету настоящей статьи, поскольку само понятие стратификации, несмотря на огромное количество работ, в которых оно используется, далеко не однозначно. Достаточно сказать, что корневое слово "страта" традиционно в словарях определяется как "общественный слой, группа людей, объединенных каким-нибудь общим социальным признаком", и этим признаком не обязательно является бедность или богатство, наличие либо отсутствие власти, привилегий и т. п. То есть стратификацию нужно бы рассматривать как

процесс и результат структурирования общества, а задача исследователя – выявление всех реально существующих факторов, лежащих в основе общественной архитектоники. Однако на деле производное от "страта" слово "стратификация", как правило, употребляется уже для обозначения процесса расслоения общества именно на неравные социальные общности. Неравные прежде всего по имущественному признаку, уровню жизни и способности влиять на этот уровень. Главный посыл в большинстве работ – в основе социальной стратификации лежит социальное превосходство одних над другими, основанное на происхождении и традиции, экономике, социально-политическом устройстве, религиозной или (и) национальной принадлежности и т. п. Граждане, относящиеся к разным стратам, имеют неодинаковые возможности для удовлетворения своих физических и духовных потребностей, неравный доступ к решению общих дел. Традиция такого понимания стратификации воспринята (и воспринята, как представляется, ошибочно, необоснованно) российскими учеными применительно к российскому обществу из американской социологии и социальной антропологии (Т. Парсонс и др.). Так, Уорнер на основе социологического исследования населения небольшого американского городка в главе "Социальный класс и социальная стратификация" своего труда "Янки-сити" предлагает шестиуровневую версию социальной стратификации, в которой, в частности, присутствует общественный слой, характеризуемый как "низший-низший". Вероятно, к нему и нужно отнести людей из категории "бомж". Однако применить ранжирование Уорнера к российской действительности практически невозможно, поскольку он в качестве классификационных критериев, помимо имущественного положения ("обладания имуществом"), социальной роли и других понятных признаков, использует также местную географию (место фактического проживания – "хилл-стритовец", "ривебруковец" и т. п.), персональные связи ("приятель такого-то..."), семейные отношения и другие подобные. В итоге работа для российского читателя малопонятна, эклектична и слабо убедительна [58].

Стратификационная картина со-

временного российского общества гораздо сложнее и разнообразнее, чем описываемые в учебниках схемы с традиционным выделением трех форм стратификации – экономической, политической и профессиональной. К сожалению, не только в учебниках, но и в посвященных стратификации научных трудах очень мало внимания уделяется "низовым" стратам. Так, например, в учебном пособии "Социальная стратификация" авторы на богатом материале 1990-х годов подробно описывают процессы становления "высших" и "среднего" класса в постсоветской России, даже пытаются смоделировать "общие направления становления новых форм стратификации в России", но практически не уделяют внимания "низшим" слоям, лишь констатируют наличие в стране ужасающего количества бедных людей [36].

Еще одна распространенная характеристика людей категории "бомж" – "маргинальная личность". Под этим понимают, прежде всего, полностью или частично отвергнутого социумом человека, находящегося в промежуточном, пограничном положении в социальной структуре, находящегося "в полушаге" от криминала. Представители теории социальной маргинальности характеризуют ее как результат социального кризиса, бедности и нищеты, бездомности и безработицы. Выделим в этом перечне фактор бездомности.

Причины, по которым человек оказывается "на улице", очень разные. Иногда это обстоятельства, наличие которых позволяет "добропорядочным" гражданам использовать расхожую фразу "сам виноват": в подавляющем большинстве случаев алкогольная зависимость помноженная на личную распущенность, слабоволие. Многим алкоголикам "помогают" оказаться на улице либо "черные риэлторы", либо предприимчивые родственники. Кто-то примкнул к сообществу бомжей, утратив жилье и социальные связи во время отбывания срока уголовного наказания, вследствие отсутствия в России эффективной системы ресоциализации осужденных. Значительная прослойка в этом сообществе – сироты, выходцы из детских домов, в отношении которых опять же не сработала государственная система социализации, приобретения их к нормальной жизни общества.

Принимаемые в последние годы программы обеспечения взрослеющих сирот жильем пробуксовывают, мало эффективны в результате бюрократических и коррупционных факторов, воровства региональных и муниципальных чиновников, а также отсутствия системы обучения их самостоятельной, взрослой жизни, принятию взвешенных решений.

Этот перечень ситуаций, в результате которых человек переходит в категорию "бомж", можно продолжать долго. Причем полноценное социологическое исследование по данному вопросу, похоже, никто в последние годы не проводил (может быть, такие исследования и имели место, но данных о них в доступных источниках нет), имеющиеся работы в основном относятся к середине 1990-х–середине 2000-х гг., в разных источниках делаются разные акценты. Даже общие количественные оценки масштабов бездомности в России рознятся у разных авторов в разы [41], не говоря уже о хоть сколько-нибудь достоверных данных о факторах и внутренней структуре явления.

Так, по данным авторов муниципального издания – методического пособия для социальных работников, "50-60 процентов становятся бездомными, устраиваясь на работу в другие города и лишаясь там документов и заработка (из-за непорядочности работодателей), 30 процентов бездомных дают тюрьмы и другие исправительные учреждения, 5-7 процентов становятся бездомными из-за семейных конфликтов и неурядиц, оставшиеся 3 процента – это квартирные аферы" [42. С. 6]. И.З. Карлинский, приводя убедительные цифровые расчеты и результаты социологического исследования, расставляет акценты несколько иначе, и первой среди первичных причин бездомности называет утрату жилья в связи с лишением свободы [20]. Ф.Н. Завьялов и Е.М. Спиридонова так же утверждают, что "Основной причиной потери жилья явилась судимость (42 %)". Правда, авторы сразу предупреждают о том, что ими был отвергнут способ изучения этих лиц на вокзалах, в подвалах и других местах их "обитания" – из-за небезопасности для интервьюера и малой информативности, т. к. бездомные большую часть времени пребывают в состоянии опьянения и не в состоянии связно отвечать на вопросы, имеют место

пьяный кураж либо агрессия. Поэтому выборка исследования составила всего 52 посетителя Ярославского социального учреждения для бомжей, что, безусловно, несколько снижает его охват и объективность [17. С. 64]. Л.С. Алексеева не менее убедительно доказывает, что наиболее значимыми причинами, лежащими в основе почти 40 % случаев, являются "выселения за неуплату, в том числе из общежитий, кооперативного или ведомственного жилья; жилищные аферы и обманы при обмене, купле-продаже из-за юридической неграмотности и социальной некомпетентности владельцев, утраты ими документов на владение; переезд в другой город без статуса мигранта или беженца из-за стихийных бедствий и катастроф" [3. С. 54]. Во множестве работ по теме имеются и иные данные. Причем абсолютное большинство исследователей используют ту же методику, что и процитированные авторы из Ярославля – анкетирование либо опрос посетителей социального приюта. Так, например, исследователи из Тольятти проанкетировали 354 человека, являющихся клиентами Тольяттинского социального приюта для лиц без определенного места жительства и занятий [40]. Очевидно, что в результате такие исследования, безусловно необходимые и полезные, все же отчасти теряют элемент объективности из-за неполной репрезентативности. Выборочная совокупность – лица, обратившиеся в социальное учреждение, находящиеся в нем в момент проведения исследования, как видится, в данном случае не полно представляет значимые параметры генеральной совокупности – всех бездомных в конкретном муниципальном образовании. Хотя бы потому, что далеко не все бомжи обращаются в подобные учреждения, многие предпочитают решать свои проблемы сами, другие не делают этого из-за проблем с законом, из опасения быть обнаруженными там правоохранительными органами, кого-то из обратившихся в приют не приняли из-за инфекционного заболевания и перенаправили в медицинское учреждение, и т. д.

В значительной части указанные расхождения имеют объективный характер и объясняются разницей во времени и месте исследования. Конкретный регион, город, период – детерминанты бездомности

действительно могут быть разными. Однако это еще больше актуализирует задачу комплексного исследования с охватом как можно большего числа регионов, на основе четко проработанной поливариантной методологии, способной дать объективную картину явления в России сегодня.

Точно такой же разброс мнений и данных можно наблюдать по вопросу о том – каков процент бомжей, сознательно выбирающих подобный образ жизни, попытки ресоциализации которых не имеют перспектив при любых усилиях со стороны государства и гражданского общества. Авторы уже цитировавшегося методического пособия сначала пишут, что лишь 1-2 процента составляют те, для кого бездомность – "философия жизни" [42. С. 6]. Правда, последняя цифра корректируется на последних страницах данного издания, где указано: "среди них есть так называемые "бомжи по своей воле" – их около 10 процентов. Бродить по улицам, побираться – это стиль жизни, который их вполне устраивает, они выбрали его сознательно" [42. С. 40]. Эту достаточно оптимистичную оценку по поводу "профессионализации" бездомности не разделяют исследователи из Улан-Удэ. Результаты проведенного ими очень интересного и глубокого исследования жизни трех сообществ бомжей в столице Бурятии позволили им сделать безрадостный вывод о том, что "Бездомные, если не все, то в **абсолютном большинстве** (выделено мною – М. М.) утратили элементарные социальные навыки, у них сформировался определенный стереотип жизнедеятельности вне общества и возврат их к производительному труду, к семье, к существующим нормам и правилам жизни весьма проблематичен" [33. С. 56]. И.З. Карлинский, кроме того, указывает на наличие в данной проблеме медицинского аспекта: определенный процент бомжей – это люди, страдающие дромоманией, которая представляет собой выраженную тягу к странствиям, скитаниям. Это уже не социальный, а медицинский диагноз. "По разным источникам люди, испытывающие тягу к странствиям, составляют порядка 3-4 % бездомных. Максимальная цифра, которую удалось найти в открытых источниках, равна 6,5 %", – указывает автор [20]. Этой же цифрой в 6,5 % оперирует Л.С. Алексеева, говоря о такой причине

бездомности, как "добровольно осознанный выбор бездомного образа жизни" [3. С. 54].

Убедительные данные о московских бомжах приводит С.А. Стивенсон, но исследование, ставшее источником этих данных, проводилось уже очень давно – в 1993–1995 гг. [43], а также в 1997–1998 гг. в отношении "уличных детей" [44]. В 1996 г. исследовательской группой ИСЭПН РАН под руководством А.А. Овсянникова, А.А. Иудина и Н.М. Римашевской было проведено широкое, хорошо методически, организационно и информационно обеспеченное социально-экономическое исследование "социального дна" в России [38; 39]. Понятно, что за прошедшие 20 лет полученные результаты и выработанный тогда исследовательский инструментарий в значительной степени утратили свою актуальность. И.З. Карлинский в своем труде систематизировал результаты специального исследования, осуществленного в 2001–2003 гг., и предшествовавший собственный многолетний опыт практической деятельности в активе гражданского общества – в качестве консультанта по социально-правовым вопросам Санкт-Петербургской региональной благотворительной общественной организации помощи лицам без определенного места жительства "Ночлежка". Серьезную эмпирическую и научную базу имеет исследование Л.С. Алексеевой, но публикация его результатов также относится к 2003 г. В 2005–2006 гг. в семи регионах России проводилось Межрегиональное исследование "Правовые и социальные аспекты проблемы бездомности" в рамках проекта "Социальная реинтеграция бездомных в Санкт-Петербурге" силами неформальной сети государственных и негосударственных организаций, деятельность которых непосредственно связана с оказанием социальной и правовой помощи бездомным. Результаты этого исследования отражены в итоговой публикации [5]. Здесь, в частности, изложен (хотя и несколько сумбурно) ценный опыт ряда регионов, муниципальных образований и конкретных учреждений и организаций, специализирующихся на помощи бездомным, но исследованию уже более 10 лет... В приведенной работе И.И. Осинского, И.М. Хабяевой и И.Б. Балдаевой изложены результаты грамотно осуществ-

ленного социологического исследования, осуществленного в 1998–2001 гг. К сожалению, нет данных – было ли оно продолжено в последующие годы.

"К сожалению" потому, что более "свежие" исследования проблемы отличаются достаточно скромными эмпирической базой и методологической проработанностью, а некоторые опубликованные в научных изданиях работы вообще можно отнести скорее к публицистике, нежели к научным трудам. Так, например, в статье О.Н. Герасимовой делаются достаточно широкие и категоричные выводы на основе "эмпирического исследования" – интервьюирования 25 (!) человек из категории "бомж", пребывающих в социальном учреждении, и 8 человек сотрудников данного учреждения. Причем в названии материала и в тексте не указано – где это учреждение находится, но можно предположить, что это Белгородское областное учреждение (в частности, указано, что услуги предоставляются в соответствии с региональным стандартом Белгородской области). Однако один из подзаголовков статьи почему-то сформулирован как "Ситуация с работой и мотивация к труду **ТОМСКИХ** бездомных" [10. С. 292].

Имеются работы, в которых исследуется явление бездомности, ее факторы, средства профилактики, терминологические аспекты проблемы, типология бездомных и т. п., но при этом авторы идут в своем исследовании "от индивида", изучают социальный портрет и социальную компетентность бомжа как личности [2; 4; 8; 27; 49 и др.], и мало кто обращается к бездомным как к социальной группе. Поэтому в вышеназванной работе ученых из Улан-Удэ ценным для нас является именно то, что авторы обратились не к индивидуальным проблемам отдельных бомжей, а именно к групповому аспекту. Они утверждают, что каждая из трех исследованных ими групп "характеризуется наличием устойчивых внутренних взаимосвязей. ... постоянно воспроизводится система межличностного взаимодействия, типичная для среды бездомных. Этой системой устойчивых внутренних взаимосвязей создаются условия, в которых каждый член группы объективно ощущает себя интегрированным в нее, независимо от своих субъективных устремлений" [33. С. 56]. "Вероятно, – предполага-

ют далее авторы, – в среде бездомных возникает особая сеть эмоционально-психологических отношений, благодаря которой каждый член этого сообщества чувствует свою принадлежность к нему и приобретает типичные для него черты, тем более, что они пребывают в определенной изоляции от общества, нарушены внешние контакты. ... Дефицит общения с другими членами общества способствует большей интенсивности внутренних взаимодействий. Вместе с тем, по частоте и длительности внутренних контактов это сообщество, несомненно, значительно уступает известным первичным социальным группам" [33. С. 57]. Отчуждение в данном случае выступает в качестве условия сохранения как своей личности, так и группового уклада, отличающегося от типических укладов внешнего мира.

В ряду работ рассматриваемой тематики выгодно выделяются обстоятельные труды А.В. Шлякова: часть исследований проведена в рамках кандидатской диссертационной работы в период с 1997 по 2008 гг. [51; 52], однако есть основания надеяться, что автор не остановился на этом и продолжает работу над темой, проведя соответствующие исследования с 2010 по 2014 г. и в 2017 г. в г. Тюмени [53]. В отличие от процитированных выше исследователей из Ярославля и Тольятти, автор не гнушается "полевых" социологических опросов и наблюдений (в "местах обитания" бомжей). Помимо индивидуальных ситуационных характеристик бомжей А.В. Шляков приводит интересные сведения об их социальной организации и ее специфике в г. Тюмени, о внутригрупповых отношениях и теневых устных поведенческих правилах, регулирующих эти отношения. "У привилегированных бомжей на руке висит магнит. Это особая метка, означающая право обладателя собирать цветной металл (магнит легко позволяет отличить "черный металл" – железо от "цветного"). Самовольно брать магнит и собирать металл нельзя, за это жестоко наказываются. ... Особой "кастой" среди бездомных является группа бомжей, живущих на городских свалках, которых именуют "Жители чайкиного гнезда", так как чайки, которые кружат над свалками, безошибочно указывают место пригодной для употребления пищи" [52. С. 82–83]. Отметим,

что исследование данного автора в целом посвящено бродяжничеству – явлению пересекающемуся, но не совпадающему с бездомностью и нищенством, поскольку имеют место и иные по мотивации, целям и общественной оценке формы бродяжничества – "экстравертивный" туризм, странничество, этнически либо профессионально обусловленный кочевой образ жизни и т. п.

Тема социальных девиаций, по-видимому, актуальна для Тюменского региона, поскольку помимо работ А.В. Шлякова о бродягах труды, посвященные нищенству, вышли из-под пера представительницы этого края Н.Р. Москвиной [29]. Опираясь на четыре стратификационными критериями – экономическим, культурно-нормативным, политическим и профессиональным, автор приходит к понятию "общественный слой нищих" [28].

Из диссертационных работ значительный интерес также представляет труд А.В. Ермиловой, которая так же как и Н.Р. Москвина, применяет к интересующему нас явлению характеристику не только "социальная группа", но и "слой населения". Правда, выполнена диссертация тоже в далеком уже 2003 году. Автор пишет: "Растет слой маргиналов, выбитых (по объективным и субъективным причинам) из своей социокультурной среды и превратившихся в люмпенизированный слой (нищие, бродяги, бомжи). ... лица без определенного места жительства и занятий сложились в определенную социальную группу, постоянно увеличивающуюся по составу преимущественно за счет лиц, вернувшихся из мест лишения свободы. Эта группа является потенциально криминогенной и социально опасной" [16. С. 4]. Кроме того, автор внутри сообщества "бомжи" выделяет группы, выбрав в качестве критерия степень адаптации к условиям своего существования.

Хорошо оснащено методологически, и потому убедительно по выводам социологическое исследование, проведенное в г. Пензе. Авторы итоговой статьи полагают, что "лица без определенного места жительства и занятий сложились в определенную социальную группу. Эта группа является потенциально криминогенной и социально опасной", а потому требует тщательного изучения для выработки действенных контрмер. Кроме того, "Лица без опре-

деленного места жительства – это категория, сложно поддающаяся статистическому учету, постоянно изменяющаяся по своей численности, при этом гетерогенна по таким признакам, как пол, возраст, семейное положение, уровень образования, бывший социальный статус" [55. С. 105, 106].

Таким образом, можно утверждать: несмотря на скитальческий образ жизни, не связанность "бомжей" какими-либо социальными обязательствами, высокий уровень смертности, их сообщества имеют относительно устойчивый характер и существуют годами. Схожая ("групповая") и очень острая проблематизация элементарных физиологических, бытовых потребностей (питание, алкоголь, согревание в холодный сезон, одежда, гигиена) подталкивают к совместной деятельности. Люди оборудуют коллективное временное жилище (технологические помещения теплотрасс, подвалы жилых домов, заброшенные здания и т. д.), совместно добывают средства к существованию, сортируют отходы, питаются, нищенствуют, в соответствующий сезон всем сообществом выходят, например, из города в лес "на черемшу", "на папоротник", "на орех", "на веники", затем организуют реализацию собранных даров природы прохожим и т. д. Имеется лидер, в отдельных случаях можно наблюдать распределение ролей ("разделение труда"), иными словами – признаки более или менее устойчивой организации. То есть мы имеем дело уже не с социальным конгломератом, а с ассоциацией или даже кооперацией. Впрочем, в основном исследователи указывают на нечеткость структуры и изменчивость, высокую степень аморфности такой организации. Так, Т.Н. Кочеткова отмечает, что имеющиеся в литературе данные о структуре данных сообществ противоречивы, невозможность иметь стабильное место проживания не позволяет формировать структуры устойчивых отношений и накапливать ресурсы, а это приводит к отсутствию устойчивой иерархичности, "чаще всего приводятся сведения о хаотичности этих групп и самоизоляции ее представителей не только от общества, но и друг от друга" [24]. Тем не менее, наличие основных признаков социальной группы налицо: между бомжами устанавливается достаточно устойчивое взаимодействие для решения общих

для них проблем, обеспечения коллективных условий их существования, таким образом достигается относительно высокая степень единства и сплоченности; всем членам группы присущи схожие социально-психологические признаки; наконец, первичные группы бездомных в своей совокупности образуют особую социальную общность – явление объективно существующие, наличие которого в большинстве субъектов Российской Федерации (прежде всего в крупных городах) подтверждается обширным эмпирическим материалом.

Описывая механизм попадания бездомного в рассматриваемую нами социальную группу, Л.С. Алексеева пишет: попав в сложную жизненную ситуацию, человек, само собой, ищет выход из нее, но наталкивается на стигму со стороны более успешных сограждан. Поэтому одной из главных стратегий для него "становится поиск дополнительных ресурсов в новой и специфической среде себе-подобных, приобщение к которой представляется спасительной соломинкой". Круг его общения составляют люди, "попавшие в это пространство, как и он, через крайности личных неудач, а потому имеющие сходные "моральные карьеры" и осведомленные по части того, "как и что надо делать". Он ищет их общества и готов приобщаться к нему, как к образчику, следование которому способно научить выживанию" [3. С. 57].

И.З. Карлинский, кроме того, совершенно справедливо указывает на присущую социальным группам динамику, которая зависит как от объективных (социально-экономическое состояние общества), так и субъективных (отношение к проблеме органов публичной власти и других институтов гражданского общества) факторов. "Даже при той колоссальной стигматизации, которая характерна для положения бездомных в России, они не являются изолированной (замкнутой) социальной группой наподобие индийских каст. В отличие от касты, численность которой в конкретный исторический период определяется исключительно ее собственными репродуктивными показателями и смертностью, численность бездомных определяется, прежде всего, тремя основными факторами: – скоростью (массовостью) пополнения этой социальной группы за счет притока в нее

представителей других социальных групп; – скоростью (массовостью) оттока бездомных в другие социальные группы и, в первую очередь, скоростью (массовостью) ресоциализации бездомных в обществе, превращения их в рядовых обывателей, имеющих жилье на праве собственности или ином вещном праве; – смертностью" [20].

В 1990-е – начале 2000-х гг. для жителей российских городов была привычной картина: за площадкой с мусорными контейнерами вокруг костра сидит группа людей с "говорящей" внешностью и не спеша распивает что-то из пластиковой бутылки. Причем характерно то, что люди эти ведут себя, как правило, тихо и корректно, стараются не провоцировать внимание к себе со стороны правоохранительных органов, не попадать на глаза "добропорядочным" гражданам. По возможности находят для общения с себе подобными тихие, безлюдные места. То есть при наличии определенных социально-психологических противоречий с "остальным" обществом, асоциальности, "бомжи" в основной своей массе не конфликтны и не антисоциальны. Такое сообщество, например, прекрасно и очень натуралистично показано в фильме А. Балабанова "Брат" (две сцены на Смоленском лютеранском кладбище г. Санкт-Петербурга). За последние десять-пятнадцать лет эту картину мы видим, к счастью, все реже. Российское общество стало заметно здоровее и благополучнее. Тем не менее, коллективы "бомжей" все еще остаются в нашей реальности, хоть и в меньших масштабах. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно совершить экскурсию на полигон твердых бытовых отходов (проще говоря, городскую свалку), обслуживающий любой из российских городов. Автор настоящей статьи в погожее воскресенье 16 июля 2017 г. во второй половине дня прогулялся в благополучной (по сравнению с другими регионами России) Москве по Кузнецкому Мосту, Неглинной и другим тихим, относительно малолюдным в выходной день улицам и переулкам, по Страстному и Тверскому бульварам, и обнаружил в разных местах не менее двух десятков бездомных, которые группами по 2-6 человек спали – кто на скамьях, а кто и прямо на траве под деревьями. Двое облюбовали для своего отдыха даже скамью при входе в

здание Минздрава РФ.

Конечно, группы "бомжей" имеют зачастую маргинальный характер, способы добычи средств к существованию бывают незаконны. Так, добыча цветных металлов с целью их сдачи в пункты приема не всегда сводится только лишь к отысканию на свалках выброшенных старых вещей и к собиранию пустых баночек из-под пива и пепси-колы, но и к кражам, срезанию действующих кабелей с целью добычи из них медных проводов, хищениям пластин-контактов из электрооборудования, металлических элементов телевизионных антенн и т. п. Промышляющие таким образом сообщества, соответственно, переходят в разряд "антигражданских" элементов. Однако огульно обвинять всех без исключения людей, находящихся в сложной жизненной ситуации, в склонности к антиобщественному поведению нельзя. Презумпция невиновности – принцип универсальный и общегражданский. Многие из них ведут хотя и неприятный и малопонятный для других граждан, выходящий за рамки общепринятых представлений о должном, то есть девиантный, но законопослушный образ жизни, не причиняют вреда обществу, а сообщества этих граждан Российской Федерации являются составной частью нашего общества. Закрывать глаза на это глупо, не гуманно и даже опасно. Этот вывод подтверждают данные Л.С. Алексеевой, согласно которым "среди людей, попадающих в разряд бездомных, доминирует доля вполне законопослушных граждан, утративших жилье в связи с разного рода социальными коллизиями типа: сделок, афер, переездов, или под влиянием стрессовых событий и семейных неурядиц" [3. С. 54], а вовсе не люди с изначально девиантным поведением маргинального типа.

Безусловно, российское государство во взаимодействии с местным самоуправлением, благотворительными НКО, в последние годы предпринимает определенные шаги в направлении решения проблем, социальной реабилитации той категории граждан, о которой идет речь. В основе данной части социальной политики государства лежит представление о том, что люди эти попали в сложную жизненную ситуацию в силу наступления каких-то обстоятельств, которые они не могут преодо-

леть самостоятельно. Нужна помощь. Это восстановительные медицинские, санитарно-гигиенические мероприятия, различные меры социального восстановления, решения жилищных и иных бытовых проблем, обеспечения трудовой занятости. На бюджетные средства создаются пункты социальной помощи, учреждения для временного пребывания лиц, не имеющих собственного жилья, "социальные гостиницы" (а по сути – приюты, ночлежки) и т. п. При органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, отвечающих за реализацию социальной политики, создаются организационно-методические центры социальной помощи, работа с "бомжами" вменяется в обязанности центрам социального обслуживания населения.

Однако следует иметь в виду, что в массе "бомжей", стремящихся выйти из такого своего социального состояния, "наладить жизнь", обзавестись семьей и работой, всегда присутствует определенный процент граждан, которые избрали для себя скитальческий, бездомный образ жизни, не желают и не стремятся его изменить. Это прежде всего люди, находящиеся значительный срок – несколько лет – по определению социологов в "острой форме бездомности". Переждав, например, морозы в социальном приюте, с наступлением тепла они вновь предпочитают вольную, лишенную социальных обязательств жизнь бродяги. В данном случае мы имеем дело с явлением трансформации психологического статуса личности. Происходит интериоризация социального опыта и ценностей сообщества бомжей в психику индивида, "бегство" от остального общества, адаптация личности к новой среде обитания в форме ретритизма. В конечном итоге человек идентифицирует себя именно с таким образом жизни, его рефлексия не выходит за пределы бытовых практик бездомности и бродяжничества, он уже не мыслит, не желает возвращения к "нормальной" (с точки зрения общественного большинства), "человеческой" жизни. Стандартные для всех других граждан социальные практики его тяготят. Как правильно указывает А.В. Шляков, "Содержание образа жизни бродяг существенно отличается от общепринятых представлений о материальных основах жизни,

социализации, коммуникации. Деформации в образе жизни субъекта могут отрицательно повлиять на его поведение: оказаться источником конфликтов, вызвать отклонения от одобренных обществом нравственно-правовых ценностей, затруднить реализацию тех возможностей субъекта, которые отвечают его интересам" [52. С. 44]. При этом, несмотря на явное расхождение с житейскими, нравственными представлениями большинства, человек не причиняет вреда обществу, а стало быть объединения таких людей нельзя отнести к "негражданскому обществу"!

Вряд ли можно признать соответствующей принципам социальной справедливости и гуманизма практику борьбы с рассматриваемым социальным явлением с помощью уголовной репрессии. В УК РСФСР, например, имелась активно применяемая властью ст. 209, в которой была предусмотрена ответственность за три разные формы "паразитического существования", образующие самостоятельные составы преступления. Это занятие бродяжничеством, попрошайничеством и ведение иного паразитического образа жизни. [31]. Кроме того, издавались и специальные акты, направленные на борьбу с этими явлениями, например Указ "Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни" [32].

Однако показала свою порочность и противоположная практика ряда европейских государств – предоставление бездомным и безработным, особенно из числа мигрантов с иным, чем у коренных жителей, цветом кожи, бессрочно бесплатного социального жилья, выплата социальных пособий, зачастую соразмерных доходу части работающих, нарочитая толерантность и вменение в обязанность органов публичной власти первоочередного решения проблем этих людей и т. п. Подобные практики, помноженные на рецидивы "постколониального" мышления ("они нас столько лет унижали и эксплуатировали, и теперь должны кормить и обеспечивать") вызывают иждивенческие настроения, не способствуют формированию позитивной житейской мотивации у лиц, попавших в сложную жизненную ситуацию. "Если хочешь помочь

голодному, дай ему не рыбу, дай удочку". Некоторые европейские общества уже сейчас столкнулись с явлением профессионального, наследственного нахлебничества – когда уже и последующие, родившиеся в "принимающей" стране поколения мигрантов перенимают у своих родителей паразитический, иждивенческий, праздный образ жизни, не стремятся получить образование и работу, удовлетворяясь социальными пособиями и иными преференциями. А главное – противятся даже умеренной, в разумных пределах аккультурации, демонстративно проводят ритуалы, реализуют варианты социального поведения, чуж-

дые для коренного населения.

Поэтому явление требует, безусловно, самого тщательного изучения, выработки научно обоснованных, учитывающих позитивный и негативный опыт, средств противодействия ему. На необходимость объективной экспертной оценки социальной среды, где живут бездомные люди, указывают и психологи [22].

Иные примеры сообществ граждан, образующих «изнанку» гражданского общества, будут рассмотрены и общие выводы будут сделаны во второй части настоящей статьи.

Библиографический список

1. Абрамитов С.А., Мамедов Э.Ф. Региональные общественные палаты как нетипичные институты гражданского общества: некоторые проблемы определения статуса // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 23–26.
2. Акутина К.И. Бездомность: основные проблемы и пути решения // *Гуманитарные научные исследования* (электронный научно-практический журнал). 2013. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/06/3249> (12.09.2017).
3. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации // *Социологические исследования*. 2003. № 9. С. 52–61.
4. Антонова Н.С. К характеристике причин бездомности в современной России // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2009. № 5. С. 220–224.
5. Бездомность в современной России: проблемы и пути их решения: *Вестник Межрегиональной Сети "За преодоление социальной исключенности"*: Вып. 1: Сб. / сост. А. Варсопки, Е. Ринн. СПб.: 2008 (в выходных данных ошибочно указан 1996 г.), 144 с.
6. Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 4 октября 1977 г. М.: Политиздат, 1977. 29 с.
7. Волков В.В. Общественность: забытая практика гражданского общества // *Электронная библиотека "Гражданское общество"* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.civisbook.ru/> (публикация: Pro et Contra, 1997) (12.09.2017).
8. Волков В.В. Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2010. № 4–1. С. 366–370.
9. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // *Вопросы философии*. 1991. № 7. С. 19–35.
10. Герасимова О.Н. Диагностика социальных проблем лиц божж (на примере ГБОУ УСОССЗН "Комплексный центр по реабилитации лиц без определенного места жительства и граждан, освобожденных из мест лишения свободы") // *Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: мат. VI междунар. науч.-практ. конф.* Белгород, 2014. С. 289–293.
11. Горелов А.А. *Социология: учебник*. М.: Эксмо, 2006. 496 с.
12. Грудцына Л.Ю. *Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России* / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. 352 с.
13. *Гражданское общество: истоки и современность* / под ред. И.И. Кального, И.Н. Лопушанского. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 492 с.
14. *Гражданское общество, право и государство* // *Государство и право*. 2002. № 1. С. 12–50.
15. Евдокимова Т.Г. *Современные тенденции и особенности девиантного поведения подростков: дис. ... канд. соц. наук*. Уфа, 2009. 202 с.
16. Ермилова А.В. *Лица без определенного места жительства как маргинальная группа современного российского общества: дис. ... канд. соц. наук*. Н. Новгород, 2003. 161 с.
17. Завьялов Ф.Н., Спиридонова Е. М. *Уровень и образ жизни божжей* // *Социологические исследования*. 2000. № 2. С. 63–69.
18. Заславская Т.И., Шабанова М.А. *Социальные механизмы трансформации неправовых практик* // *Общественные науки и современность*. 2001. № 5. С. 5–24.

19. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пос. М.: Академия, 2004. 288 с.
20. Карлинский И.З. Анализ социального и правового положения бездомных в современной России. СПб.: Дельта, 2004. 57 с.
21. Категории политической науки: учебник / под ред. А.Ю. Мельвиля. М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002. 656 с.
22. Ключева М.Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 15–19.
23. Коровин В. Сетевая изнанка «гражданского общества» // Евразия: информационно-политический портал [Электронный ресурс]. URL: <http://evrazia.org/article/2612> (10.09.2017).
24. Кочеткова Т.Н. Роль социума в формировании самоотношения личности бездомного человека // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 9 (17) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (9.09.2017).
25. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шпенглера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
26. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. 1995. № 3. С. 83–93.
27. Молчанов А.А. Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики: дис. ... канд. соц. наук. СПб.: 2006. 219 с.
28. Москвина Н.Р. Нищенство в современной России: социологический анализ на примере города Тюмени: дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2002. 170 с.
29. Москвина Н.Р. Нищенство как социальное явление: предпосылки возникновения и современное состояние в России: монография. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2005. 153 с.
30. Нижечек В.И. Очерки политологии. М.: РПА Минюста РФ, 2001. 284 с.
31. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (В настоящее время не действует – памятник права).
32. Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно - полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни: Указ Президиума ВС РСФСР от 04 мая 1961 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1961. № 18. Ст. 273. (В настоящее время не действует – памятник права).
33. Осинский И.И., Хабаяева И.М., Балдаева И.Б. Бездомные – социальное дно общества // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 53–58.
34. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. 560 с.
35. Первова И.Л. Асоциальное поведение несовершеннолетних: социотипологический анализ: дис. ... докт. соц. наук. СПб., 2000. 374 с.
36. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.
37. Репьев А.Г. Государственное обеспечение прав лиц без определенного места жительства и профилактика их делинквентного поведения (на материалах Пензенской области) // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 70–75.
38. Римашевская Н.М. Социальное дно России // Власть. 1999. № 9. С. 30–34.
39. Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–44.
40. Рузова Л.А., Калинина Д.С. Бездомность как фактор социальной исключенности в современном российском обществе (на примере Г.О. Тольятти) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2016. № 3–2 (59). С. 346–352. [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.soc-journal.ru> (10.09.2017).
41. Рыжов Р.О. К оценке количественной динамики, социальной природы и последствий бездомности // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 46–50.
42. Социальное обслуживание граждан без определенного места жительства: метод. пособие. Екатеринбург: Государственное областное учреждение "Комплексный центр социального обслуживания населения Чкаловского района г. Екатеринбурга", 2010. 42 с.
43. Стивенсон С.А. О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 26–33.
44. Стивенсон С. А. Уличные дети и теневые городские сообщества // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 91–101.
45. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России / под ред. А.В. Малько. СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2005. 186 с.
46. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. СПб.: Санкт-Петербургский филиал ГУ-ВШЭ, 2007. 134 с.
47. Теория государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: Изд-во Московского университета, 1987. 432 с.

48. Фатов И.С. Конституционно-правовой статус общественных объединений и механизм его реализации в становлении гражданского общества России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 212 с.
49. Халак О.Н. Бездомные как субъекты российского права // Евразийский юридический журнал. 2012. № 9 (52). С. 83–84.
50. Шильдяева В.В. Подходы к определению бездомности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 54–56.
51. Шляков А.В. Бродяжничество как феномен культуры повседневности: дис. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2009. 177 с.
52. Шляков А.В. Бродяжничество: социокультурный анализ. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 140 с.
53. Шляков А.В. Бродяжничество как социальное явление // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 124–135.
54. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28.
55. Юрасов И.А., Кошарный В.П., Сеидов Ш.Г. Социальный портрет лиц без определенного места жительства в Пензенском регионе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 4 (32). С. 105–114.
56. Яковлев В.Ф. Утверждение начал правового государства: интервью журналу "Признание" (февраль – март, 2000 г.) // Правовое государство: вопросы формирования: избранные труды. М.: Статут, 2012. 488 с.
57. Янышева В.А. Системно-психологическая коррекция асоциальной групповой активности подростков: дис. ...канд. псих. наук. Ярославль, 2008. 283 с.
58. Warner W.L. (Ed.) Yankee City. New Haven & London: Yale Univ. Press, 1963.

Сведения об авторе

Мушинский Михаил Адеилович, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ИРНИТУ, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mushinskiy@mail.ru

Mushinskiy Mikhail Adeilovitch, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of State Law Sciences Department, e-mail: mushinskiy@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

© Н.Е. Горская

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматриваются понятия «компетенция», «коммуникативная компетенция», «компетентностный подход». Подчеркивается необходимость уделять внимание в учебном процессе не только предметным компетенциям, но и личностным. Представлены различные точки зрения исследователей на данную проблему. Описываются психофизиологические предпосылки успешности обучения иностранному языку. Указывается, что практическое владение иностранным языком в вузе позволяет использовать полученные знания в познавательном и развивающем аспектах. Делается вывод о том, что определение параметров знаний и умений у студентов на различных этапах учебы должно основываться, исходя из данных условий обучения, учитывая различную степень их сформированности.

Ключевые слова: компетентность, коммуникативная компетентность, компетентностный подход, знания, навыки, умения, личностно-ориентированная парадигма.

Формат цитирования: Горская Н.Е. Функционально-смысловая типологии научных текстов // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 42–46.

IDENTIFICATION OF FOREIGN LANGUAGE STUDENTS' KNOWLEDGE AND SKILLS PARAMETERS IN TERMS OF COMPETENCE-BASED APPROACH

N.Ye. Gorskaya

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation.

The article considers the concepts of «competence», «communicative competence», «competence-based approach». It emphasizes the need to pay attention not only to the subject specific competences in training process, but also personal ones. Different views of researchers on this problem are presented. The psychophysiological preconditions for the success of foreign language teaching are described. It is pointed out that the practical proficiency of the foreign language in high school allows using the knowledge acquired in the cognitive and developing aspects. The conclusion is made that identification of students' knowledge and skills at different stages of language training should be based on these learning conditions taking into account their different degree of formation.

Keywords: competence, communicative competence, competence-based approach, knowledge, skills, abilities, personality-oriented paradigm

For citation: Gorskaya N.Ye. Identification of foreign language students' knowledge and skills parameters in terms of competence-based approach. Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 42–46. (In Russian)

Одной из важнейших задач современного образования является подготовка ответственного, критически мыслящего молодого человека, готового самостоятельно намечать и реализовывать свои профессиональные планы в постоянно изменяющейся общественно-экономической ситуации. В связи с этим, государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования нового поколения выделяет компетенции, ориентированные на предметы, такие как: знания, умения, навыки, соответствующие методы и техни-

ческие приемы, свойственные различным предметным областям, в том числе и иностранному языку. Становление личности студента успешно осуществляется лишь в том случае, если в процессе обучения в вузе у него формируется потребность в умении использовать научное содержание для выработки дисциплинарной и целостной картины процесса решения познавательной и профессиональной задачи, что обеспечивает высокое качество подготовки компетентных специалистов [1]. Одним из особенных конкурентных преимуществ вы-

пускника является наличие у него развитых социальных компетенций, среди них – умения правильно использовать свои преимущества [2].

Следует отметить, что международные требования к подготовке квалифицированного специалиста вуза включают не только высокий уровень профессиональных знаний, но и достаточный уровень развития общих личностных качеств, к которым относится такая компетенция как: творческий поиск в рамках профессии, осознание необходимости и способность самостоятельного обучения в течение всей жизни. Степень развития самопознания, эмоционально-ценностного отношения к себе и саморегулирования влияет на формирование личности, являясь одной из предпосылок ее становления как субъекта деятельности. Иностранный язык, как учебный предмет, обладает большими возможностями для создания условий культурного и личностного становления обучающихся, развития их учебной мотивации. Важность и необходимость изучения иностранных языков в вузе не вызывает сомнения, так как интеграция российских университетов в мировое научное пространство возможно только при условии, если студенты владеют иностранным языком.

В качестве одного из основных принципов обучения предлагается принцип деятельностно-компетентного подхода, который является основой в обучении иностранному языку в вузе. Суть данного подхода заключается в том, что он ориентирован на конкретный результат, т. е. на подготовку специалиста, владеющего не только теорией, но и умеющего применять на практике свои знания [3]. Под компетентностью мы понимаем сумму знаний и умений, а также готовность и способность обучающегося осуществлять образовательную деятельность.

Компетентный подход является основой в обучении иностранному языку в вузе еще и в силу того, что он ориентирован на конкретный результат, предусматривает практическое владение иностранным языком как средством межкультурной коммуникации и, в первую очередь, направлен на творческое мышление студентов, способных самостоятельно получать и обрабатывать информацию, а также использовать

полученные знания в познавательном и развивающем аспектах. Тем самым компетентный подход в корне меняет традиционное представление о подготовке специалиста вуза, как о простой передаче ему определенной суммы знаний.

В нашей стране становление компетентного подхода, по мнению И.А. Зимней, происходило в три этапа. Первый характеризуется пониманием исследователями научных категорий «компетенция» и «компетентность», а также теоретические исследования различных видов языковой компетенции; второй этап – практический, т. е. использование категорий «компетенция» и «компетентность» в практике обучения иностранному языку; третий – определяет и конкретизирует образовательные компетенции [4].

Специалисты предлагают различные точки зрения на данную проблему, поэтому на сегодня не существует единой теоретической концепции. Создание различного терминологического аппарата формирует определенные трудности для педагогической практики. Так, выделяются два противоположных взгляда на сущность понимания понятий «компетентность» и «компетенция». С точки зрения А.В. Хуторского, компетенция – это готовность к мобилизации знаний, умений и внешних ресурсов для эффективной деятельности в конкретной жизненной ситуации. Под компетентностью он понимает совокупность личностных качеств учащегося, т. е. ценностные ориентации, знания, умения, навыки, способности в определенной личностно-значимой сфере деятельности [5]. Иное мнение у М.Е. Бершадского, который считает, что такое понятие как «компетентность» не включает принципиально новых компонентов, входящих в понятия «умение», в связи с чем новые концепции, по мнению исследователя, являются искусственно созданными [6].

В лингвистике понятие «компетенция» было введено Н. Хомским, как система внутренне присущих говорящему правил грамматики, усвоение которых обеспечивает способность пользоваться языком в процессе коммуникации [7]. Позднее понятие «компетенция» было дополнено словом «коммуникативная». И таким образом под коммуникативной компетенцией стали понимать способность осуществлять обще-

ние посредством языка, правильно использовать систему языковых и речевых норм и выбирать коммуникативное поведение, адекватное аутентичной ситуации общения.

В полной мере, на наш взгляд, реализовать компетентностный подход при обучении иностранному языку в вузе позволяют учебники и учебные пособия, учитывающие основные теоретические положения отечественной лингводидактики. В настоящее время на кафедре иностранных языков для технических специальностей № 1 факультета прикладной лингвистики Иркутского национального исследовательского технического университета выпущено учебное пособие «*Enter a New World*» для студентов I-II курсов технического вуза квалификации «бакалавр», «специалист», авторами которого являются О.А. Колмакова, Е.Д. Лазицкая. Данное пособие относится к новому поколению учебников, которые предусматривают индивидуальный подход и включают задания, направленные на самостоятельную работу, позволяющие обучающимся проявлять инициативу, оценивать самим свои итоги, а также результаты других студентов. Данный принцип отражает современную образовательную парадигму, в основе которой лежит саморазвитие и самообразование, формируя и развивая межкультурную коммуникативную и общекультурную компетенцию обучающегося для осуществления своей профессиональной деятельности, а также способного к непрерывному образованию на протяжении всей жизни. Включенные в пособие интерактивные методы обучения отражают закономерности процесса обучения – принцип наглядности, сознательности, автономии (самостоятельная работа), нелинейности, а также доступности и посильности [8].

Принцип наглядности включает определенную систему упражнений с использованием не только текстового материала, но аудио и видео подкастов, ситуативных картинок, графиков, диаграмм и др.

Усвоение знаний является центральной частью процесса обучения и для свободного использования учебного материала в ситуациях общения в него необходимо включать восприятие, осмысление, запоминание и овладение данным материалом. Все это отвечает принципу сознательности,

который строится на когнитивной основе, обеспечивая целенаправленное и осознанное восприятие и осмысление лингвистической и экстралингвистической информации. Изучая материал, обучающийся должен его переосмыслить, использовать и свободно произвести, формулируя свою мысль. Именно при таком условии происходит усвоение знаний. Данное положение оценивается как основополагающее для организации усвоения, но касается это, в первую очередь, оперирования родным языком. Следует отметить, что формирование коммуникативных умений происходит в том случае, когда условия обучения иностранному языку приближено к реальному общению с переключением внимания студентов на содержание высказывания и его усвоение.

Самостоятельная работа или принцип автономии является одним из важных условий организации учебно-познавательной деятельности, стимулирующей самостоятельную постановку целей, сознательное автономное планирование действий, самостоятельный и мотивированный выбор способов их выполнения, последовательность и глубину изучения учебного материала в зависимости от уровня владения языком [9].

Важнейшей составляющей всего курса обучения иностранному языку на каждом отдельном его этапе является оценивание у студентов уровня их знаний и умений. Под уровнем владения иностранным языком понимают определенную степень развития коммуникативной способности обучающегося с точки зрения эффективности процесса межкультурного взаимодействия с представителями иного лингвосоциума. Однако овладение студентами совокупностью языковых знаний, навыков и коммуникативных умений ограничено в силу недостаточного количества часов, отводимых на изучение иностранного языка в вузе. В связи с этим, для определения параметров знаний и умений владения иностранным языком следует исходить из определенных условий обучения.

Определение параметров должно основываться, на наш взгляд, на различной степени сформированности умений; характером, степенью сложности ситуаций, в которых эти умения могут быть реализова-

ны, а именно:

- вариативностью способов речевых высказываний и уместностью их использования в конкретных ситуациях общения;

- качеством речевых высказываний (степень сложности, объем, наличие языковых средств);

- скоростью выполнения коммуникативной задачи в конкретных ситуациях общения;

- одновременное использование различных источников получения информации, обеспечивающее возможность моделирования заданий различных уровней в различных соотношениях.

На этапе изучения иностранного языка в сфере профессиональной и деловой коммуникации следует включать дополнительные параметры успешности и результативности процесса обучения, такие как:

- владение профессионально-ориентированными знаниями (информационно-фактологическая наполненность в ситуациях общения в соответствии с поставленной коммуникативной задачей);

- владение умениями лингвистического оформления в ситуациях общения (грамматическая правильность; адекватность выбора лексических средств (терминологии, профессиональных клише) решению коммуникативных задач).

Следует отметить, что важным условием успешной подготовки студента к использованию полученных знаний иностранного языка является понимание и уважение культуры, ценности, религии, образа жизни и мировоззрения другой нации. Решение перечисленных выше задач обучения иностранному языку и формирование личности высококвалифицированного, компетентного специалиста невозможно без интеграции всех дисциплин, составляющих суть профессиональной подготовки. Процесс обучения должен обеспечивать формирование комплекса компетенций обучаемых. Результат контрольного этапа – это актуализация готовности к активному и творческому использованию иностранного языка в дальнейшей учебной и профессиональной деятельности, творческий подход к изучению и компетентность в его использовании. Следует отметить, что иностранный язык, как средство коммуникации и познания окружающего мира, занимает осо-

бое место в системе современного образования в силу своих социальных, познавательных и развивающих функций. В связи с этим, преподавание иностранного языка отличается от других предметов, требуя особого подхода. Однако необходимо учитывать, что формирование творческой активности непосредственно связано с интересами и мотивами обучающихся. Речевое творчество студентов формируется в связи с использованием ситуаций и при решении проблемных задач, доступных для данной аудитории. Обучение должно быть ориентировано на личностные характеристики, предшествующий опыт, уровень интеллектуального развития, особенностей психики (памяти, восприятия, мышления).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что усвоение учебного материала – это интеллектуально-познавательный деятельный механизм «присвоения» совокупности знаний, значений, способов действий и соответствующих умений и навыков, социокультурного опыта, нравственно-этических норм коммуникативного поведения самого обучающегося. Усвоение языкового материала является базой для развития умений и навыков коммуникативной компетенции, формирующихся не только на основе различного языкового материала, но и на основе связанного целого, которое выступает в виде звучащих текстов или текстов в графическом оформлении. Навык отличается стандартизованностью, стабильностью, быстротой и качеством исполнения умения. В отличие от умения, навык сознателен и контролируется характером выполнения. Развитие навыка, в свою очередь, способствует развитию действия (умения) при отсутствии направленного контроля сознания; навык – это единство автоматизма и сознательности, устойчивости и изменчивости, фиксированности, лабильности и сознательности. Однако в процессе функционирования навыка, сознательность, как бы скрыта за его автоматизированностью; при нарушении автоматизированности или ее недостаточности, сознание переключается на навык, на способ действия и вся деятельность прекращается.

Таким образом, для более успешно го усвоения учебного материала мы рекомендуем организовывать процесс обуче-

ния на основе личностно-ориентированной парадигмы, учитывая познавательные потребности студентов, особенности их когнитивной сферы [10]. Степень сформированности личностных компетенций и определяет ценностную ориентацию студентов при обучении иностранному языку; коммуникативную мобильность в ситуациях общения; способность к корпоративному

взаимодействию; применение знаний и приобретение новых путем самоорганизации и самообразования. Однако основными средствами и методами определения параметров знаний и умений при обучении иностранному языку являются: активная самостоятельная работа студентов, самоконтроль, самоанализ.

Библиографический список

1. Горская Н.Е. Особенности и становление личностно-профессионального самосознания и мотивационной сферы студентов негосударственного вуза в процессе обучения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. Иркутск, 2004. 162 с.
2. Винокуров М.А. Макаренко Е.А. Развитие социальных компетенций как конкурентного преимущества выпускника вуза // Известия ИГЭА. 2011. № 5.
3. Тарева Е.Г., Казанцева Е.М. Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2 (8). С. 65–77.
4. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 4. С. 20–27.
5. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58–65.
6. Бершадский М.Е. Консультации: целеполагание и компетентностный подход в учебном процессе // Педагогические технологии. 2009. № 4. С. 89–94.
7. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1962. С. 412–527.
8. Колмакова О.А., Лазицкая Е.Д. Enter a New World: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ. 2017. 216 с.
9. Озерникова Т.Г. Конкурентоспособность работника: понятия, исследования, управление / Т.Г. Озерникова, Н.Н. Даниленко, С.В. Кравцевич. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 256 с.
10. Gorskaya N., Glyzina V. Middle-East Journal of Scientific Research 13 (Socio-Economic Sciences and Humanities): 34-37, 2013 ISSN 1990-9233 © IDOSI Publications, 2013 DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.sesh.1407 Level of Subjective Control (LSC) in the Area of Interpersonal Relations as One of the Fundamental Needs of the Individual.

Сведения об авторе

Горская Наталья Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1 для технических специальностей факультета прикладной лингвистики ИРНИТУ, e-mail: natgo2012@yandex.ru

Natalya Ye. Gorskaya, Candidate of Psychology, Associate Professor of Foreign Languages Department No 1 for Engineering Fields of Study, Faculty of Applied Linguistics, Irkutsk National Research Technical University, e-mail: natgo2012@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЯ К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В РОССИИ

© **А.В. Васенкин**

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье рассматривается вопрос специфического отношения к психологическому консультированию в России. Раскрываются основные мотивы обращения к психологической помощи. Показаны социальные и гендерные характеристики клиентов. Отмечаются позитивные и негативные стороны неоднозначного восприятия психологической помощи.

Ключевые слова: психология, психологическое консультирование, психологическая помощь, клиент.

Формат цитирования: Васенкин А.В. Специфика обращения к психологической помощи в современных условиях в России // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 47–50.

SPECIFICITY OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT SEEKING IN MODERN RUSSIA

A.V. Vasenkin

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

The article discusses the issue of a specific attitude to psychological counseling in Russia. It sheds light on the basic motives for applying to psychological help and presents the social and gender characteristics of clients. Positive and negative aspects of the controversial perception of psychological help are noted.

Keywords: psychology, psychological consulting, psychological help, client

For citation: Vasenkin A.V. Specificity of psychological support seeking in modern Russia // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 47–50. (In Russian)

В современной России отношение населения к услугам психологической помощи достаточно неоднозначное. Зачастую это связано, в первую очередь, с особенностью менталитета наших граждан, а также с особенностями воспитания. Некоторыми статистическими службами отмечается, что чаще всего обращаются к психологам женщины в возрасте от 25 до 35 лет. Среди мужчин популярность психологической помощи очень низкая. По какой причине? В данном случае речь идет именно о воспитании, а также о специфике эмоционального фона женского и мужского организма. Например, известно, что в стрессовых ситуациях мужчина всегда замыкается в себе, активизирует мыслительную деятельность и очень часто остается один для решения какой-либо сложной задачи. В худшем случае мужчина прибегает к помощи алкоголя. Женщина же наоборот – в стрессовой ситуации стремится поделиться своими переживаниями и выпустить эмоциональный негативный фон для раз-

грузки организма. Как правило, в данном случае женщина прибегает к помощи подруг или родственников. Если же таковых нет, то она обращается к профессиональной помощи психолога. Женщина не считает данный поступок причиной осуждения в обществе. Она понимает, что если в буквальном смысле «выговориться» то, с большой вероятностью, станет легче. Мужчин же общество воспитывает как сильных и стойких людей, которые не должны проявлять свою слабость ни в какой степени. А если мужчина пойдет к психологу, то такое поведение может быть расценено окружающими как проявление его бессилия.

Среди мировоззренческих и гендерных причин неоднозначное отношение к профессиональной психологической помощи кроется также и в стереотипности мышления. Профессиональное сообщество психологов выделяет несколько факторов, отражающих стереотипность мышления, из-за которых люди неохотно пользуются услугами консультанта. Одна из них –

«Недопустимое проявление слабости» – уже названа. Рассмотрим ее и другие более подробно.

Во-первых, мужчины и женщины не обращаются к психологу именно потому, что они способны самостоятельно решать свои проблемы. Такая позиция в мышлении человека возникает не самостоятельно, а именно в результате навязывания обществом определенных взглядов, поскольку признание своей слабости может отразиться проявлением неуважения со стороны коллег, родственников, близких. Проще «исповедаться» подруге или соседу, который точно ничего не скажет и не осудит. А мужчины вообще в нашей стране не плачут. А значит и к психологу для них дверь закрыта.

Во-вторых, проблема обращения к консультационной психологической помощи воспринимается как добровольное пожертвование собственных сбережений ради бессмысленной процедуры. Зачем платить деньги за то, что можно получить бесплатно? Среди знакомых и родных очень часто попадаются люди, которые считают, что они на уровне житейского опыта разбираются в психологии не хуже, а порой даже лучше любого профессионала. Единственным нюансом в данной ситуации может выступать то, как вести себя человеку, находящемуся в сложном положении с теми советами, которые ему дают. Житейская психология достаточно обширна, но вряд ли она способна реализовать истинные цели психологической помощи, даже если носитель её знаний очень умён и прекрасно разбирается в людях. Тем не менее, именно в результате таких представлений растёт понимание психологической помощи как траты денег на ветер.

В-третьих, и данная причина может называться причиной из «области фантастики», это мнение людей о том, что «психолог видит насквозь». Страх оказаться «как на ладони» перед незнакомым человеком является существенным отрицательным фактором в обращении за помощью. Люди не хотят, чтобы вся подноготная их сущности была вытащена наружу и показана такой, какая она есть. Страх оказаться один на один не только с «человеком-рентгеном», но также и со своими собственными глубинными проблемами зачастую срабатывает как сдерживающий

фактор. Психолог как экстрасенс, маг или «всевидящий» – это уже не специалист, а демиург, который способен на серьезные манипуляции и которого нужно опасаться, а не доверять ему свои проблемы [1].

Эти весьма распространённые причины наполняют сознание многих людей в России, в результате чего большинство психологических проблем переходят из разряда актуальных в разряд хронических, которые человек несет в себе через всю жизнь, мешая тем самым себе жить более гармоничной и полноценной жизнью, а также и окружающим его людям. В данном случае следует обратить внимание на культуру посещения консультантов на Западе, например, в США. В этой стране практическая психология имеет очень широкое применение и, как следствие, широкой популярностью пользуются специалисты-консультанты. Особенно на это влияет стиль мышления западного человека, для которого визит к психологу является такой же нормой как вызов сантехника на дом. В этой стране нет распространённого мнения о проявлении слабости при походе к психологу. И люди не боятся приходить к консультантам, так как уверены, что они найдут, в первую очередь, эмоциональную разрядку, а также совместно смогут найти решение собственных проблем при помощи профессиональной помощи.

Рассмотрев основные факторы, препятствующие обращению к профессиональной помощи психолога, перейдем к анализу социального портрета клиента, для которого визиты к психологу являются обыденной практикой. Исследуя различные научные источники, описывающие специфику психологического консультирования, наибольший интерес представляют собственные мнения специалистов, характеризующих социальный портрет клиента. Практикой психологического консультирования установлено, что чаще всего к подобного вида помощи обращаются женщины в возрасте от 18 до 35 лет. Проблемы, с которыми они приходят, зачастую схожи между собой – это сложности во взаимоотношениях с противоположным полом, внутриличностные конфликты, трудовые конфликты, а также дефицит общения. Более редкие посетители у психологов – это мужчины в возрасте от 25 до 40 лет. У мужчин и жен-

щин проблемы похожи друг на друга. А самые нечастые посетители – это семейные пары. Здесь конфликты предсказуемы – семейные кризисы, вызванные теми или иными событиями развития семейных отношений. Необходимо подчеркнуть, что в разрешении семейных конфликтов, как правило, заинтересованы только женщины, так как мужчины постоянно заняты трудовыми отношениями и психологические проблемы семьи женщина пытается решить самостоятельно [2].

Портрет клиента, посещающего психолога, говорит о том, что популярность психологических услуг у мужчин и у женщин разная. Выше было отмечено, что существенная причина, которая влияет на посещение – это особенности эмоциональной сферы. Вместе с тем, есть в данном случае и нюансы гендерного восприятия психологической помощи. Рассмотрим их более подробно. В качестве примера приведем исследование гендерного восприятия психологической помощи, которое было проведено в г. Екатеринбурге в 2014 году среди 70 жителей, из которых 39 человек женщины в возрасте от 25 до 50 лет. 31 человек – мужчины в возрасте от 26 до 52 лет.

Основной вопрос, который был задан в ходе исследования, звучал так: «Готовы ли вы обратиться к психологу для помощи в случае необходимости?». На этот вопрос утвердительно ответили 79 % женщин и только 21 % мужчин. Эти данные коррелируют с практическими фактами о том, кто чаще всего обращается к психологу. Следующий важный вопрос, который был задан в ходе исследования – «Должен ли человек в случае затруднения обратиться за психологической помощью?» – получил 100 % подтверждение у представителей обоих полов. Из общей логики исследования возникает вопрос, который отражает специфику психологической помощи для мужчин и женщин: «К кому Вы обратитесь в случае психологических затруднений?». Среди ответов

на этот вопрос наибольшую популярность получил ответ «Подруги и друзья» и «Семья» как самые главные адресаты психологической помощи. Примечательным фактом является то, что среди мужчин популярным ответом был – «Ни к кому». На наш взгляд, для мужчин необходимость справляться со своими проблемами самостоятельно является тем самым камнем преткновения, который им установило общество [3].

Эмпирические данные показывают, что специфика обращения к психологу в современных условиях достаточно интересна. Тот факт, что при возникновении какой-либо стрессовой ситуации люди обращаются за советом к друзьям и близким говорит о наличии доверия к этим людям. Психолог же, как специализированный профессионал, воспринимается с определенными трудностями, которые чаще всего и вызваны, с одной стороны, отсутствием доверия к специалисту такого типа, а с другой, наличием стереотипного мышления в отношении эмоциональной поддержки посторонних людей. В результате мы сталкиваемся с той самой проблемой отношения к психологической помощи в современных условиях в российском обществе. Эта проблема сконцентрирована как раз-таки вокруг стереотипности мышления. Русскому человеку намного проще «исповедаться» близкому, родному, маме, товарищу, приятелю, чем доверить свои проблемы профессионалу. Представляется, что данная установка существует также и из-за того, что люди не осведомлены в должной мере о сущности работы психолога. Исправить такую ситуацию может только широкая работа специалистов с массовой аудиторией, популяризация психологической помощи в СМИ, в результате которой стереотипность может исчезнуть, а у населения появятся основательные причины изменить отношение к работе психолога с подозрительного на доверительное.

Библиографический список

1. Чугуева А. Почему я не иду к психологу? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology.su/2009/04/30/pochemu-ya-ne-idu-k-psixologu/> (17.09.2017).
2. Баркова Е.А. Кто, когда и зачем обращается к психологу. [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.b17.ru/article/11594/> (17.09.2017).

3. Николаева Е.Ю. Гендерные особенности обыденных представлений о психологическом консультировании // Вестник Гуманитарного университета. 2014. № 4. С. 10–16.

Сведения об авторах

Васенкин Алексей Вадимович, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук ИРНИТУ; магистрант кафедры социальной и экономической психологии, социологии и социальной работы факультета управления человеческими ресурсами БГУ, e-mail: vasenkinav@yandex.ru

Vasenkin Aleksey Vadimovitch, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Philosophy Department in Institute of Fine Arts and Social Sciences and Humanities; a Master's Degree student of Social and Economic Psychology, Sociology and Social Work Department at Faculty of Human Resource Management of BSU, e-mail: vasenkinav@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЭТНОКУЛЬТУР

© А.В. Найманова, А.Г. Адушинова

Иркутский национально исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что структура эмоционального интеллекта представительниц русской, бурятской и якутской этнокультур содержит отличительные характеристики.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, этнос, этнокультура, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект.

Формат цитирования: Найманова А.В., Адушинова А.Г. Особенности эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 51–57.

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE OF DIFFERENT ETHNOCULTURES REPRESENTATIVES

A. V. Naymanova, A. G. Adushinova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

The article presents the results of an empirical study of the characteristics of emotional intelligence of different ethnocultures representatives. The results of the study reveal that the structure of emotional intelligence of representatives of Russian, Buryat and Yakut ethno-cultures displays distinctive characteristics.

Keywords: emotional intelligence, ethnic group, ethnoculture, interpersonal emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence

For citation: Naymanova A.V., Adushinova A. G. Features of emotional intelligence of different ethnocultures representatives // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 51–57. (In Russian)

Эмоциональный интеллект является многоплановой и малоизученной проблемой, которая представляет большой интерес для разных отраслей современной психологии.

Структура эмоционального интеллекта есть совокупность разных способностей: распознавать собственные эмоции и эмоции окружающих людей, управлять эмоциональной сферой, в необходимых случаях осуществлять самомотивацию. Все структурные компоненты эмоционального интеллекта взаимосвязаны и способствуют эффективному межличностному взаимодействию.

Рассмотрение эмоционального интеллекта в качестве модели для изучения межличностного и межэтнического взаимодействия представляет особый исследовательский интерес.

Термин «эмоциональный интеллект» был впервые введен в 1990 г. американски-

ми психологами П. Сэловеем и Дж. Майером. В психологии еще с начала XX в. велись поиски способностей, которые, в отличие от традиционно выделяемого общего интеллекта, связаны с социально-эмоциональной сферой психики. Ведущие специалисты в области психологии интеллекта, в том числе социального (Э. Торндайк, Ч. Спирмен, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк), утверждали, что люди различаются по способности понимать других людей и управлять ими, т. е. действовать разумным образом в человеческих отношениях.

Исследователь Х. Гарднер в структуре эмоционального интеллекта различал внутриличностный и межличностный интеллект. Внутриличностный интеллект трактуется им как «доступ к собственной эмоциональной жизни, к своим аффектам и эмоциям: способность мгновенно различать чувства, называть их, переводить в символические коды и использовать в качестве

средств для понимания и управления собственным поведением". [3. С. 78].

В структуре эмоционального интеллекта выделены и межличностные способности, навыки и умения, которые, объединяясь, определяют поведение человека.

Согласно усовершенствованной модели, структура эмоционального интеллекта включает следующие ментальные характеристики:

- 1) способность безошибочно воспринимать, оценивать и выражать эмоции;
- 2) способность иметь доступ и вызывать чувства, чтобы повысить эффективность мышления;
- 3) способность к пониманию эмоций, эмоциональному познанию;
- 4) способность к осознанной регуляции эмоций, управлению своими эмоциями.

С точки зрения разных авторов «эмоциональный интеллект» определяется:

1) способность действовать с внутренней средой своих чувств и желаний [2. С. 22].

2) способность понимать отношения личности, репрезентируемые в эмоциях, и управлять эмоциональной сферой на основе интеллектуального анализа и синтеза [2. С. 22].

3) совокупность эмоциональных, личных и социальных способностей, которые оказывают влияние на общую способность кого-либо эффективно справляться с требованиями и давлением окружающей среды [2. С. 22].

Таким образом, человек, обладающий высоким уровнем эмоционального интеллекта, обладает способностью управлять собственными эмоциями, понимать эмоции других людей, ему легко налаживать контакты с окружающими его людьми и миром. EQ развивается с течением времени, его можно усовершенствовать при помощи тренингов, упражнений и терапии.

Особенно важен эмоциональный интеллект во взаимодействии с представителями разных культур.

К понятию «межкультурное общение» обращаются, как правило, в том случае, когда речь идёт о взаимодействии представителей разных культур, действующих в соответствии со своими культурными нормами.

К числу особенностей межкультурного вида общения относят следующие:

1) отношения двух или более индивидов, каждый из которых является активным субъектом;

2) возможность влияния коммуникантов друг на друга посредством принятой каждым из них системы знаков (вербальных и невербальных);

3) существование поля коммуникации, т. е. наличие или возникновение единой или сложной (многоуровневой) системы кодификации и декодификации у коммуникатора (направляющего информацию) и реципиента (принимающего информацию);

4) возможность возникновения коммуникативных барьеров. Жизнедеятельность и отношения людей определяются существующими в той или иной культуре нормами, которые регулируют широкие области человеческого мышления и поведения и оказывают большое влияние на характер восприятия, оценку и межличностные отношения. Образование и воспитание, историческая память, традиции и обычаи, правила, диктуемые обществом, сам язык, на котором общаются люди, вырабатывают систему ориентаций, помогающую им по своему справляться с различными житейскими ситуациями и проблемами [11. С. 2].

Этнос – исторически сложившаяся, достаточно устойчивая общность людей, обладающая единым языком и культурой, а также общим самосознанием. Она характеризуется совокупностью отличительных подходов и взглядов к принятию решений в разных ситуациях взаимодействия. «Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретных народов» [5. С. 11].

Известно, что каждый этнос характеризуется совокупностью отличительных, оригинальных подходов и взглядов к принятию решений, которые реализуются во взаимодействии представителей разных культур.

Условия жизни русского народа, его историческая судьба сформировали специфические черты национального характера. Важнейшими чертами русских являются человеколюбие и терпимость [6. С. 83]. Среди многих положительных черт русского характера, таких как доброта, чувстви-

тельность и отзывчивость, способность к сочувствию и сопереживанию, сердечность, открытость, особо можно выделить бескорыстие, предпочтение духовных благ земным, материальным.

Отличительной чертой русского психотипа является его интровертированность. Интроверты созерцательны, самодостаточны, придают наибольшее значение взаимодействию, чем результату. Исследователями выделяются черты, присущие русскому коммуникативному поведению: общительность, отсутствие официальности; искренность, выраженная отрицательная реакция на сдержанность собеседника.

Исследователь З.А. Серебрякова среди черт национального характера бурят называет чувство рода, включающего в себя ответственность перед людьми, перед потомками. Для представителя данного этноса важно чувство родства с природой, умение обращаться с домашними животными, забота о детях, высокая нравственная требовательность [10]. По мнению Г.Ц. – Д. Буянтуевой, такие черты как степенность, созерцательность, склонность к размышлению (в определенной мере связанные с влиянием буддийской традиции), сочетаются с излишней замкнутостью, даже скрытностью, стремлением ничем не обнародовать своих истинных чувств и побуждений, даже самых благородных [4. С. 50].

Психолог В.Г. Крысько делает вывод о том, что в национальной психологии бурят утвердились такие качества как выдержанность, рассудительность, немногословность, слабое выражение эмоций и чувств, внутренняя уравновешенность, а также активно функционировали коллективизм, взаимопомощь, взаимовыручка, исполнительность, устойчивость родственных связей, уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность, терпеливость во взаимоотношениях [7. С. 88].

Общими национально-психологическими особенностями якутского народа являются выносливость, воля, товарищество, чувство самоуважения. Они, как правило, хорошо переносят любые тяготы и лишения. Одновременно болезненно переживают разлуку с домом. У них присутствует гиперболлизированное чувство тоски по исконному месту проживания. Многие из них

тяжелее адаптируются к условиям многонационального коллектива, чем выходцы из других регионов нашей страны [9].

Якуты очень неприхотливы, выносливы и организованны, бесспорно, самые даровитые из всех кочевых инородцев Сибири. Они способны к разным искусствам: из них выходят хорошие музыканты и живописцы.

Целью данного эмпирического исследования явилось выявление особенностей эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур.

Исследования проводилось на базе Иркутского национального исследовательского технического университета.

В нем приняли участие 45 студентов технических и гуманитарных специальностей, представительниц русской, бурятской и якутской этнокультур. Возраст испытуемых составляет от 18 до 22 лет.

С целью выявления особенностей эмоционального интеллекта у представительниц разных этнокультур мы использовали методику «Эмоциональный интеллект» Н. Холла, которая имеет 5 шкал: эмоциональная осведомленность, управление своими эмоциями, самомотивация, эмпатия, распознавание эмоций других людей.

В первой группе – представительниц русской этнокультуры самые высокие показатели имеет шкала «эмпатия». Показатели способности к сопереживанию, способности чувствовать эмоции другого человека, словно свои собственные, сопровождаются высокими показателями шкалы «распознавание эмоций других людей». Низкие показатели имеют шкалы «управление своими эмоциями» и «самомотивация». Исследуемые не способны дозировать свои эмоции, создавать необходимый эмоциональный ресурс в трудных жизненных ситуациях.

Во второй группе – представительниц бурятской этнокультуры самые высокие показатели по шкале «Эмоциональная осведомленность». Показатель данного эмоционального проявления помогает осознавать и понимать собственные эмоции, тем самым улучшив взаимоотношения с окружающими.

Выражена эмпатия, но ее показатели все же ниже чем в первой группе. Распознавать эмоции других людей им также сложнее.

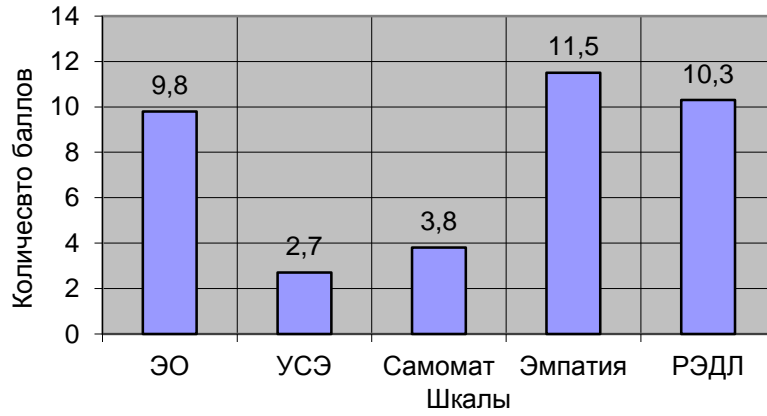

Рис. 1. Показатели шкал эмоционального интеллекта у представителей русской этнокультуры (всего 15 чел.):
 ЭО – «эмоциональная осведомленность»; УСЭ – «управление своими эмоциями»; Самомат – «самомотивация»; Эмпатия – «эмпатия»; РЭДЛ – «распознавание эмоций других людей»

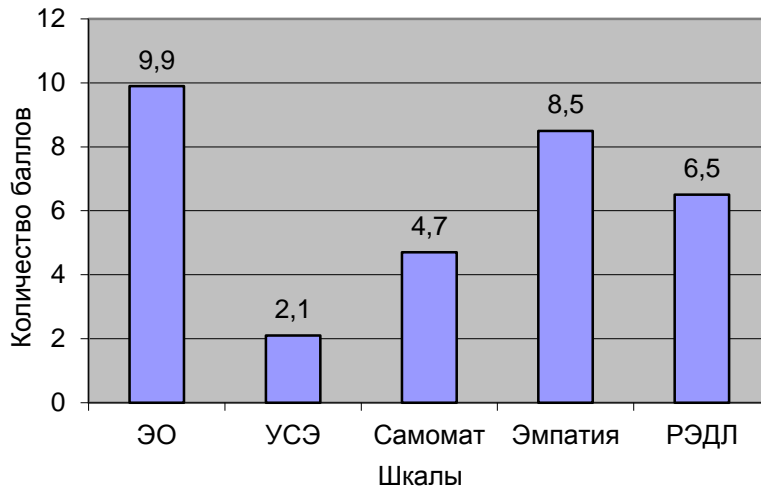

Рис. 2. Показатели шкал эмоционального интеллекта у представителей бурятской этнокультуры (всего 15 чел.)

В третьей группе в наибольшей степени проявляется эмоциональная осведомленность и понимание и осознание своих эмоций (8,9 балл.), но данные показатели

все же ниже чем у первой и второй группы. На втором месте по выраженности эмпатия, но ее показатели также ниже.

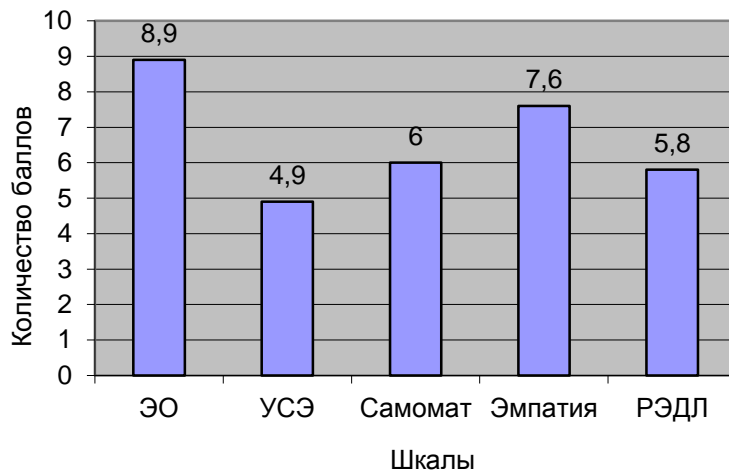

Рис. 3. Показатели шкал эмоционального интеллекта у представителей якутской этнокультуры (всего 15 чел.)

Обращает внимание показатель шкалы «самотивация», который значительно выше чем в первой и во второй группах. Очевидно, девушки лучше других справляются в эмоционально сложных ситуациях.

Данная методика позволяет выявить интегральный уровень эмоционального интеллекта.

Анализ свидетельствует, что ни одна из исследуемых групп (представительниц разных этнокультур) не имеет высокого уровня эмоционального интеллекта.

Интерпретация разброса выборки по уровням выраженности эмоционального интеллекта выявила, что результаты представительниц русской этнокультуры более сбалансированы, чем во второй и третьей группе: в группе 7 человек имеют средний и 8

человек – низкий эмоциональный интеллект.

Во второй группе (представительницы бурятской этнокультуры) средний уровень ЭИ имеют 4 человека, а у 11-и выявлен низкий уровень.

В третьей группе (представительницы якутской этнокультуры) средний уровень ЭИ имеют 5 человек, а у 10 человек – низкий.

В целом, полученные результаты свидетельствуют о несформированности эмоционального интеллекта у большей части выборки представительниц разных этнокультур (29 чел.).

Полученные результаты было решено уточнить при помощи методики «эмоциональный интеллект» (ЭМИн) авт. Д.В. Люсин, которая имеет две шкалы: межличностный (МЭИ) и внутриличностный (ВЭИ) эмоциональный интеллект.

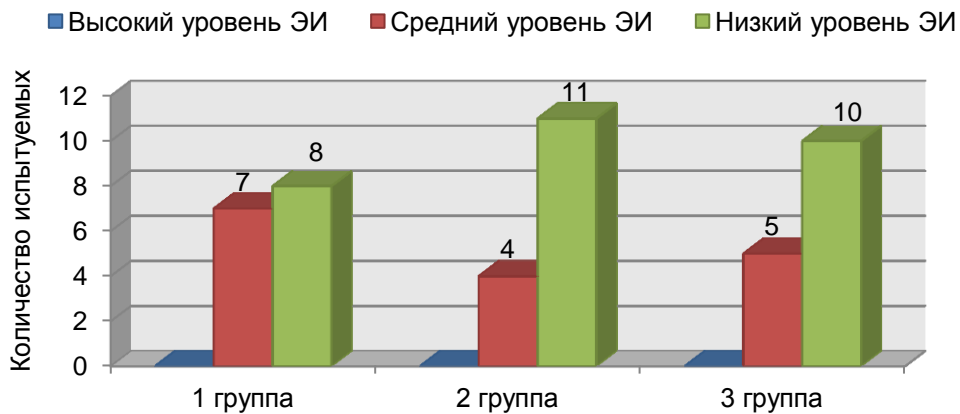

Рис.4. Уровни эмоционального интеллекта (всего 45 чел.):
 1 группа – представители русской этнокультуры; 2 группа – представители бурятской этнокультуры; 3 группа – представители якутской этнокультуры

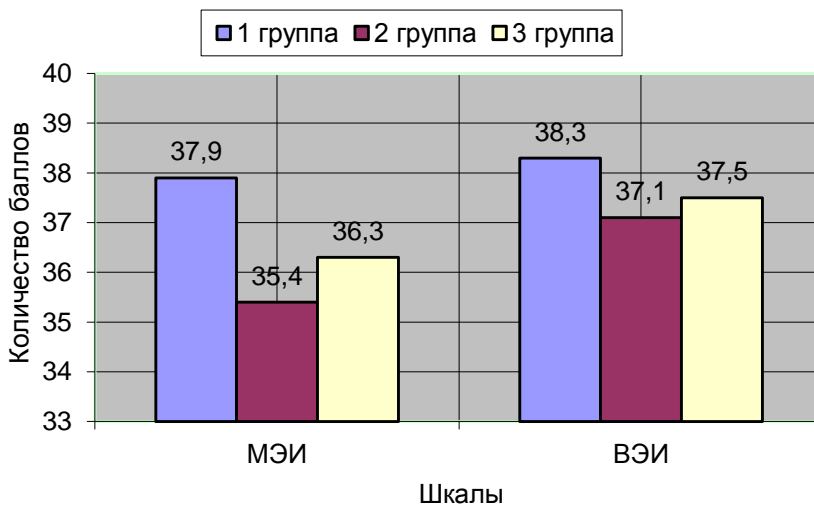

Рис. 5. Результаты диагностики эмоционального интеллекта по методике Д.В. Люсина:
 МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект; ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект; ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями (всего 45 чел.)

В выборочной совокупности представительниц разных этнокультур преобладает низкий уровень межличностного эмоционального интеллекта: он выявлен у 21-й девушки. Высокий уровень межличностного эмоционального интеллекта выявлен всего у 12-и испытуемых, из них у 6-и человек из группы представительниц русской этнокультуры.

По шкале внутриличностный эмоциональный интеллект низкий уровень выявлен почти у половины выборки (по 8-и человек из каждой группы), а высокий уровень имеют только 7 человек из выборки.

Выявленный факт говорит о том, что испытуемые не всегда способны понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций, не чутки к внутренним состояниям других людей, не способны вызывать у других людей те или иные эмоции.

В целом по результатам данной методики можно сделать вывод о том, что высокий уровень межличностного эмоционального интеллекта возможен в случае высокого внутриличностного эмоционального интеллекта.

Корреляционный анализ полученных результатов позволил описать особенности эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур.

У группы русской этнокультуры понимание эмоций (своих, чужих) имеет прямую взаимосвязь с межличностным эмоциональным интеллектом, т. е. чем больше человек ориентируется в эмоциональных проявлениях, тем лучше он взаимодействует в общении с партнером. Представители русской этнокультуры умеют сопереживать эмоциональному состоянию другого человека, готовы оказать поддерж-

ку, осведомлены о своем внутреннем состоянии, но при этом испытывают трудности в управлении и саморегуляции этих состояний.

В группе представителей бурятской этнокультуры обнаружены сильные взаимосвязи между внутриличностным и межличностным эмоциональными интеллектами, а также между внутриличностным эмоциональным интеллектом и управлением эмоциями.

Очевидно скрытность и осторожность в установлении эмоциональных контактов приводит к умению дозировать и управлять эмоциональными состояниями; поэтому уровень внутриличностного эмоционального интеллекта обуславливает характеристики межличностного.

У представителей якутской этнокультуры наблюдаются взаимная связь между внутриличностным и межличностным эмоциональными интеллектами, а также прямая взаимосвязь между пониманием эмоций, доминированием негативных эмоций и управлением эмоциями.

Все характеристики эмоционального интеллекта взаимосвязаны (т. к. не обнаружены отрицательные связи). Не выраженные показатели эмпатии в данной группе очевидно связаны с неумением понимать свои и чужие эмоции, что приводит в свою очередь к доминированию негативных эмоций. А низкие показатели внутриличностного эмоционального интеллекта приводят к затруднениям в межличностных контактах.

Таким образом, результаты организованного нами эмпирического исследования позволили выявить особенности в характеристиках эмоционального интеллекта у представителей разных этнокультур.

Библиографический список

1. Адушинова А.Г. О природе эмоционального интеллекта // Журнал «Вестник Иркутского регионального отделения АН Высшей школы России». 2005. № 1(6).
2. Андреева И.Н. Понятие и структура эмоционального интеллекта // Социально-психологические проблемы ментальности: 6-я Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 ноября 2004 г., Смоленск: в 2 ч. Ч. 1. Смоленск: Изд-во СГПУ, 2004. С. 22–26.
3. Андреева И.Н. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и личностной тревожности в подростковом возрасте // Психологическое здоровье в контексте развития личности: материалы республ. науч.-практ. конф., 30-31 января 2004 г., Брест, 2004. С. 12–13.
4. Балханов И.Г. Двухязычие в социокультурной инновации и социализации. Культура народов Сибири: традиции и современность / под ред. Р.И. Пшеничниковой. Улан-Удэ, Издательский полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. 311 с.
5. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этни-

ческой истории. М.: Прогресс, 1992. 336 с.
6. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
7. Крысько В.Г. Этническая психология. М.: Издательский центр «Академия». 2008. 320 с.
8. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 29 – 36.
9. Оконешникова А.П. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга. Пермь:

Звезда, 1999. 406 с.

10. Серебрякова З.А. Бурятский роман 1940-1980-х гг.: Национальный характер в контексте истории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук Улан-Удэ, 2009. 35 с. [Электронный ресурс]. URL: www.disscat.com (1.09.2017).

11. Шаваева М.О. Этнокультура как многофункциональная система взаимодействий: автореф. дис. по культурологии. Ростов-на-Дону, 2004. 159 с. [Электронный ресурс]. URL: www.disscat.com (3.09.2017).

Сведения об авторах

Найманова Анна Владимировна, студентка кафедры психологии ИРНТУ, e-mail: naanva@mail.ru

Адушинова Альбина Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии ИРНТУ, e-mail: actualis@mail.ru

Naumanova Anna Vladimirovna, a student of Psychology Department in INRTU, e-mail: naanva@mail.ru

Adushinova Albina Grigoryevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Psychology Department in INRTU, e-mail: actualis@mail.ru

ПРОБЛЕМА БРЕНДИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА

© Д.А. Бутакова, Н.В. Сидорова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена проблеме брендинга крупных городов на примере Иркутска. В статье приводятся данные социологического исследования. Для выявления тенденций по вопросам образа города в сознании иркутян методом полуструктурированного интервью было опрошено 400 человек. В целом по результатам исследования можно сказать о понимании иркутянами необходимости формирования идеи или концепции города и городского развития. Идея или концепция должны лечь в основу создания образа и имиджа города и территории в целом.

Ключевые слова: бренд, брендинг, образ, символ.

Формат цитирования: Д.А. Бутакова, Н.В. Сидорова. Проблема брендинга современного российского города на примере Иркутска // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 58–65.

THE PROBLEM OF MODERN RUSSIAN CITY BRANDING: THE CASE OF IRKUTSK

© D.A. Butakova, N.V. Sidorova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation.

The article is devoted to the major cities branding through the example of Irkutsk. It presents the data of sociological research. 400 people were interviewed using the semi-structured interview method to identify trends in the city image ingrained in Irkutsk citizens' minds. In general, the findings showed that Irkutsk citizens are aware of the need to form ideas or concepts of the city and urban development. The idea or concept should provide the basis for creating the image of the city and the territory as a whole.

Keywords: brand, branding, image, symbol

For citation: Butakova D.A., Sidorova N.V. The problem of modern Russian city branding: the case of Irkutsk // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 58–65. (In Russian)

Проблематика брендинга регионов и отдельных городов как сфера маркетинга существовала достаточно давно, ставя перед собой цели разработки и продвижения атрибутов, способствующих дальнейшему региональному процветанию. Так, например, появились ассоциации с Римом как мировым центром (все дороги ведут в Рим). При этом бренд в ситуации его соотнесения с определенной территорией – это не бренд в контексте торговой марки, как часто преподносится. Бренд это нечто, что включает в себя не только физические компоненты, осуществляющие определенные функции, но и компоненты, воздействующие на сознание людей с помощью разнообразных эмоциональных элементов.

При этом территория или город, так же как и любой товар или продукт, могут

обладать логотипом, который классически ложится в основу бренда любой продукции. Самым узнаваемым даже на сегодняшний день является логотип города Нью-Йорка, представляющий собой сердечко, окруженное буквами INY, созданный еще в далеком 1977 году.

Всю этапность создания бренда города можно свести к созданию материальной составляющей бренда (логотипа, слогана, специфического дизайна и архитектуры зданий и улиц и т.п.) и нематериальной (самоидентификации населения с городом и его специфического мироощущения), что сделать несоизмеримо труднее, так как результативность формирования нематериальной составляющей должна подтверждаться реальным поведением людей. То есть жители должны каждый день совершать действия, поддерживаю-

шие имидж своего родного города, как, например, Москва – столица, деловая и активная, Санкт-Петербург – город культуры и интеллигентов и т. д.

Для того чтобы не затеряться среди подобных, чтобы быть узнаваемым и привлекательным не только в глазах жителей (чтобы не только не убежали, но еще и приезжали), но и туристов и инвесторов, следуя данной логике, каждый город должен занять определенное место среди других городов, создавая непохожий на других образ. Конечно, нашим городам, даже крупным, далеко до таких брендов как Париж – город любви, но сделать свое узнаваемое «лицо» вполне возможно.

В России же о возможности создания узнаваемых брендов городов и территорий активно заговорили в 2008 году. Сейчас созданием не учеными, а грамотными правителями первых же появившихся урбанистических образований своего узнаваемого бренда, занимаются почти все города России с разным успехом.

Так осуществлялись не особо удачные попытки создания городских брендов, которые реализовывались отрывочно, часто придумывался логотип города или добавлялись некоторые достопримечательности, но в целом концепция не менялась. То есть вроде как изменить что-то власти бы и хотели, но как это сделать им пока непонятно и поэтому к брендированию относятся очень настороженно.

Современная стратегия городского брендинга предполагает схему, которая связывает воедино имя товара, бизнес по его производству и место, где он производится, облегчая формирование собственного облика города. Примером реализации такой стратегии можно привести г. Бордо, давший свое название известной марке красного вина, данная цепочка городов – продуктов достаточно длинная.

Всего же основных типов городских брендов на сегодняшний день не так много, к ним можно отнести: места паломничества (Иерусалим) или религиозный бренд, промышленный бренд (Иваново), туристический (Каир), культурно-исторический (Суздаль), этнографический (этно-поселения), отдельно можно выделить наукоград (Сколково).

Но для того, чтобы начать создавать

какой бы то ни было бренд нужно не только провести SWOT-анализ в отношении его отличительных черт, которые могут лечь в основу бренда, но и наладить адекватное постоянное взаимодействие между всеми участниками процесса: от органов власти до бизнеса и населения. К сожалению, часто подобные взаимодействия лишь удел разовых мероприятий, хотя и достаточно успешный, как например, разнообразные технические выставки.

Также большая проблема для российского брендинга состоит в поиске действительно уникальных черт города, присущих именно ему. И даже когда подобные черты найдены, не всегда существует его грамотное сопровождение на всех этапах внедрения. Хотя у некоторых городов такие уникальные черты воспринимаются исключительно негативно. К таким чертам можно отнести регионы с плохой экологической обстановкой, высоким уровнем преступности, депрессивностью экономики и т. п.

Наиболее перспективно подвергать процессу брендинга как крупные узнаваемые города, так и не особо крупные, но туристически привлекательные. К таким можно отнести и Иркутск.

В рамках изучения данной проблемы в сентябре 2016 года сотрудниками ЦКСИ ИРНТУ было проведено социологическое исследование. Для выявления тенденций по вопросам образа города в создании иркутян методом полуструктурированного интервью было опрошено 400 человек. 48 % из них респонденты мужского пола, 52 % – женского. По возрастному составу – это были представители трех основных возрастных групп, распределившихся соответственно их представленности в генеральной совокупности.

На первый предложенный вопрос **«Согласны ли вы с мнением, что «Иркутск – это современный город?»**) большинство респондентов (52 %) сказали, что согласны, несмотря на проблемы, с которыми сталкиваются иркутяне, Иркутск активно развивается. Вполовину меньше опрошенных (23 %) полностью согласились с утверждением, что Иркутск во всех отношениях вполне современный город. То есть, в целом, большинство респондентов настроены по отношению к будущему Иркутска позитивно,

и видят его развивающимся и привлекательным для проживания городом. Лишь 14 % сказали, что Иркутск находится в состоянии стагнации и значимых показателей развития незаметно. А 9 % озвучили, что Иркутск можно назвать историческим городом, но никак не современным, что впрочем, совершенно не вредит его имиджу. Свой вариант озвучили 2 % опрошенных, выбрав такой вариант ответа, как «пытается развиваться».

Далее респондентам необходимо было продолжить фразу **«... Иркутск это...?»**. и абсолютное большинство опрошенных ответили, что Иркутск – это город рядом с Байкалом (32 %). Подобная ассоциация не случайна, когда жителей других городов спрашивают о том, знают ли они город Иркутск, также большинство отвечает таким же образом, доказывая, что это красивейшее озеро идентифицируется с Иркутском. На втором месте по популярности ответ «Иркутск – это город, который сочетает историческое наследие и современные черты» (26 %), что вполне коррелирует с ответами на предыдущий вопрос. Действительно, Иркутск не только развивается и застраивается, но и пытается сохранить архитектурное наследие прошлого.

Иркутск – это областной центр ответило 20 % опрошенных, что соответствует истине, ведь город является центром Иркутской области. 8 % респондентов отметили, что Иркутск является культурным центром, что объяснимо большим количеством культурных учреждений, в том числе театров и музеев. 4 % респондентов отметили, что «Иркутск – это город с историей, которая действительно содержит в себе много значимых событий» не только для его жителей, но и для страны в целом. По 3 % получили варианты: «Иркутск – это инновационный и научно-образовательный центр» и «Иркутск – это промышленный город», что в принципе как бы дополняет друг друга. Как бы ни было парадоксально, что Иркутск рассматривается в неразрывной связи с туристической «Меккой» Сибири – Байкалом, но назвал Иркутск туристическим городом лишь 1 % опрошенных. Также по 1 % получили следующие варианты, предложенные самими опрошенными: «Иркутск – город образованных людей»; «город студентов» и «город, не дающий возможностей разви-

ваться».

На следующий вопрос **«Что или кто является для Вас символом Иркутска?»** была получена достаточно обширная палитра ответов. Больше всего предпочтений набрали два мощных символа (рис. 1): Байкал (32 % как озеро, рядом с которым находится город) и Бабр (37,7 % как геральдическое животное, в том числе увековеченное в бронзе в историческом квартале города – месте большого скопления отдыхающих). С большим отрывом от предыдущих ответов (по 5 %) набрали варианты: река Ангара (как река, вытекающая из озера Байкал и протекающая по городу) и 130 Квартал (достопримечательность, которая в городе появилась сравнительно недавно, но уже пользуется бешеной популярностью среди жителей и гостей города). 3,3 % набрал герб города как символ Иркутска, что можно соотнести с популярностью символики бобра. 2,5 % и 1,6 % соответственно набрали такие варианты как: набережная Ангары (которая активно ремонтируется и расширяется, становясь все более привлекательной для прогулок) и ИРНИТУ (крупнейший вуз Иркутска).

По 0,8 % получили предметы, места, события и люди так или иначе связанные с Иркутском: икона Казанской Богородицы, революция и гражданская война, река Иркут, Листвянка, остров Юность, Московские ворота, Иркутский острог, В. Распутин, хоккей с мячом, А. Вампилов и Д. Мацуев, декабристы, центр города, стадион «Труд», музеи г. Иркутска, статуя Ленина, мэра.

На вопрос **«Из каких элементов, на Ваш взгляд, в первую очередь состоит образ города в представлении его жителей и приезжих? (возможно до 3-х вариантов ответов)»** ответы распределились следующим образом. 27,6 % ответов составляет визуальный образ (герб, гимн, логотип и т. п.), так как это своеобразное «лицо» города, которое сразу же замечают туристы, да и сами горожане, которые должны им гордиться. 19 % ответов касается географических характеристик, которые дополняются еще и 1 % ответов, подразумевающими близость Байкала. 17 % ответов касается имиджа города, а 15 % – общих ресурсов территории, в том числе людских.

11,5 % ответов предполагают наличие у респондентов той точки зрения, что для

Что или кто является для Вас символом Иркутска? (%)

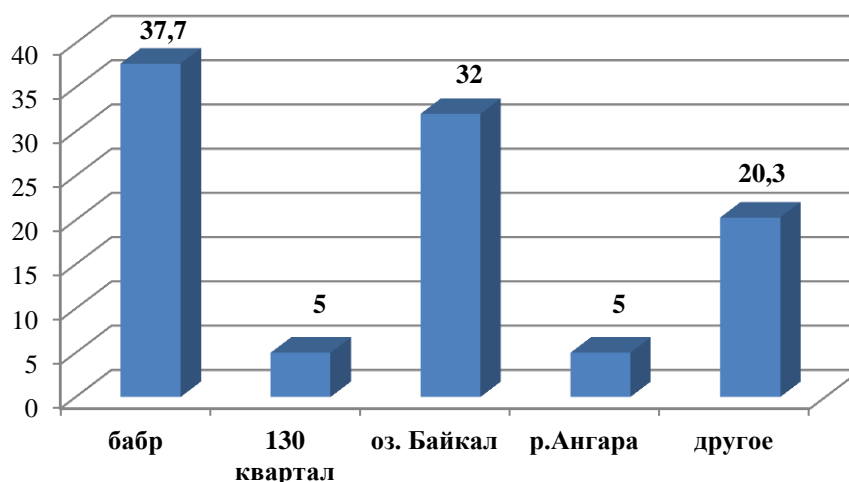

Рис. 1. Ответ респондентов на вопрос «Что или кто является для Вас символом Иркутска?»

успеха должна существовать некая общая концепция или «городская» идея. 8,5 % ответов касается проблемы существования социокультурных норм и ценностей жителей, что коррелирует с вариантами ответов на предыдущие вопросы, где Иркутск называют культурным центром.

На вопрос «**Какой из предложенных образов наиболее тесно ассоциируется с Иркутском?**» 38 % ожидаемо ответили, что Иркутск – ворота на Байкал (прослеживается взаимосвязь с ответами на другие вопросы), немного меньше (29 %), сказали,

что Иркутск – столица Восточной Сибири, что соотносится с ответами в отношении представлений об Иркутске как областном центре. 18 % ответили, что Иркутск – середина земли, что можно считать вполне устойчивой ассоциативной фразой в сознании иркутян. 9 % вспомнило о славных иркутских купеческих традициях, отметив, что Иркутск купеческий город. 5 % респондентов назвало Иркутск – сибирским Петербургом, подчеркивая его социокультурную составляющую, а 1% назвал Иркутск – сибирским Парижем (рис. 2).

Какой из предложенных образов наиболее тесно ассоциируется с Иркутском? (%)

Рис. 2. Ответ респондентов на вопрос «Какой из предложенных образов наиболее тесно ассоциируется с Иркутском?»

На следующий вопрос **«Какая продукция, производимая в городе или области, настолько срослась в нашем сознании с городом, что может быть названа иркутской?»** было получено большое разнообразие ответов, из них наиболее значимыми выступили: минеральная вода «Иркутская» – 35,8 % (единственная зарегистрированная торговая марка, которая действительно является частью повседневности иркутян), 14,4 % отметили байкальский омуль, то есть опять была подчеркнута близость Иркутска и Байкала.

13,3 % отметили в качестве такой узнаваемой продукции – авиацию, что вполне объяснимо наличием крупного конкурентоспособного авиазавода в городе, известного не только в стране, но и за ее пределами. 5,1 % отметили в качестве продукта, способного даже конкурировать с минеральной водой «Иркутской» – майонез Иркутского масложиркомбината. По 1-2 % набрали следующие варианты ответов от продуктов питания, до заводов: Иркутский алюминиевый завод, конфеты фабрики «Ангара», нерпа, продукция Иркутского алюминиевого завода, ликероводочный завод «Кедр», мороженое фабрики «Ангария», вода «Волна Байкала», хлебобулочные изделия, продукция Иркутского хлебозавода «КаСеС», «Байкальский снежок» Иркутского масложиркомбината (группа предприятий «ЯНТА»), драги (ОАО ПО «Иркутский завод тяжёлого машиностроения»), картошка,

колбаса, соль, мясо, макароны, Иркутский масложиркомбинат (группа предприятий «ЯНТА»), электроэнергетика, МС21, ОАО ПО «Иркутский завод тяжёлого машиностроения», торты, ювелирный завод (рис. 3).

На вопрос **«Кто, по Вашему мнению, должен принимать активное участие в формировании имиджа города? (возможно до 3-х вариантов ответов)»** мнения респондентов разделились следующим образом. Большинство (29,7 %) опрошенных делегировали органы региональной и муниципальной власти для активного участия в данном процессе, а 19,4 % возложили ответственность на общественные организации, то есть в совокупности эти два сектора могут осуществлять активное социальное партнерство в сфере брендинга. По 9,5 % набрали федеральные органы власти и региональные средства массовой информации, то есть жители считают, что процесс брендинга требует контроля центра и освещения в местной прессе. 7 % возлагает надежды на отдельных личностей, жителей города, и всего лишь 6 % надеется на бизнес, что может указывать на низкую активность местного бизнеса в плане социальности его деятельности. 4,3 % упомянули важность местных имиджевых событий для федеральных СМИ. Также были названы такие варианты: молодежь, как самая активная социальная группа, и все вышеперечисленные варианты ответов (по 1,4 % и 0,4 % соответственно).

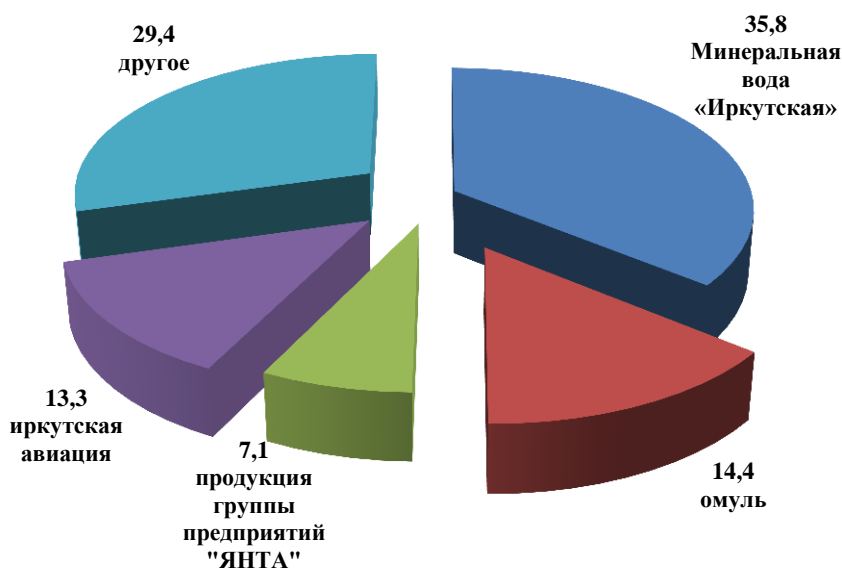

Рис. 3. Ответ респондентов на вопрос «Какая продукция, производимая в городе или области, настолько срослась в нашем сознании с городом, что может быть названа иркутской?»

После того как проанализировали проблему формирования имиджа города, респондентов плавно подвели к вопросу **«Из каких элементов, на Ваш взгляд, состоит имидж города? (возможно до 3-х вариантов ответов)»**. 19 % ответов касалось богатой историей города, что коррелирует с ответами на предыдущие вопросы, а 18 % ответов – узнаваемость города со стороны жителей других городов России, то есть иркутяне хотят, чтобы их город был узнаваем, для того, чтобы можно было им гордиться.

16,7 % ответов – запоминающаяся архитектура города, прежде всего это касалось постепенно исчезающего с улиц деревянного зодчества, частично перенесенного в формат 130 квартала. 11,6 % ответов составили ответы о развитой городской инфраструктуре, как обязательном имиджевом условии жизни города, это еще и залог комфорта его жителей. 9 % ответов – это ответы, включающие имена выдающихся земляков, к которым отнесли Распутина, Вампилова, Мацуева, их также можно отнести к истории города. Узнаваемость со стороны зарубежных туристов оказалась значима для 7 % респондентов, а высокое качество жизни местного населения для 6,7 %. Интерпретируя эти ответы можно отве-

тить, что жители хотят известности города в других странах, но при этом он должен быть комфортным и для проживания местных жителей. Большое количество работающих предприятий, как необходимых для формирования имиджа, составляют 4 % ответов. Также респондентами были названы следующие составляющие имиджа: оперативное решение городских проблем – 1,6 % (что соотносится с ответами по городской инфраструктуре и качеству жизни), 1,3 % – нахождение возле Байкала, и по 0,4 % набрали ответы о природе и хороших учебных заведениях (рис. 4).

Для развития и формирования имиджа города особую значимость имеет его узнаваемость туристами. Респондентам был задан вопрос, где они должны были предположить **«Какой образ Иркутска сохраняется в памяти туристов после его посещения?»**. Первое место безоговорочно занял вариант – город красивой деревянной архитектуры (33 %), что говорит о значимости сохранения деревянного зодчества. По 18 % получили варианты ответов: у Иркутска нет своего собственного туристического лица (он – перевалочная база перед поездкой на Байкал) и «доля разочарования, но духовная удовлетворенность».

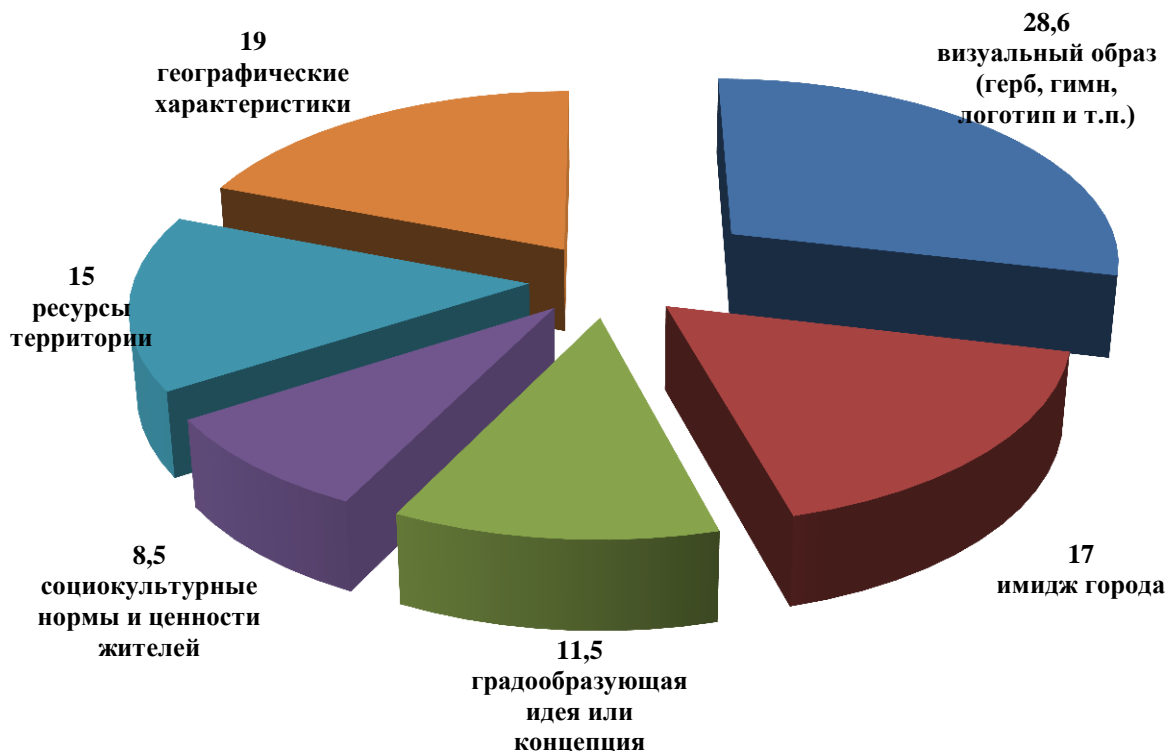

Рис. 4. Ответ респондентов на вопрос **«Из каких элементов, на Ваш взгляд, состоит имидж города? (возможно до 3-х вариантов ответов)»**

17 % высказались в отношении Иркутска негативно – грязный провинциальный город, что категорически не идет на пользу имиджа Иркутска. Более позитивно настроенными оказались 16 % респондентов, назвавших Иркутск современным развивающимся городом, что коррелирует с ответами на предыдущие вопросы, то есть они считают, что туристы воспримут Иркутск также как его воспринимают местные жители. 7 % отметили, что туристы воспримут Иркутск как город высокой культуры, благодаря большому количеству учреждений культуры и мероприятий. И по 1 % набрали следующие варианты ответов: Байкал, река Ангара, остров Ольхон (то есть объекты, опять же связанные с Байкалом), «красивый, но грязный», «грязный, но развивающийся город» (что показывает на проблему, существующую в городе в отношении чистоты улиц), город, который начал своё развитие, средняя оценка между 3 и 4.

На 10-й вопрос «Какие ресурсы местного значения могут лечь в основу дальнейшего развития города Иркутска?»

40 % опрошенных отметили в качестве ресурсов промышленный потенциал территории (технологии и природные недра), то есть совершенно не имиджевые моменты по их же собственному мнению. 31 % опрошенных отдали предпочтение историко-культурному наследию Иркутска, которое неоднократно указывали в качестве составляющих имиджа города. 18 % ответивших отметили человеческий потенциал города, при условии сокращения оттока населения. 8 % респондентов выделили природно-климатические особенности города, в том числе опять же близость к Байкалу. И по 1 % набрали варианты: талантливые люди, ГЭС и Байкал.

В качестве вопроса, снимающего напряжение, в конце интервью респондентов спросили **«Ваши пожелания в отношении дальнейшего позитивного изменения образа города Иркутска в глазах горожан и гостей города?»** Одно из популярнейших пожеланий – это уборка территорий в Иркутске, на втором месте – развитие инфраструктуры. Эти ответы свидетельствуют о наличии в Иркутске особенно актуальной проблемы благоустройства территорий, их обслуживание и вообще проблему окружающей среды, в которой живут тысячи иркутян.

Далее группа ответов, касающихся социкультурной жизни Иркутска – «качественный ремонт и реставрация исторических зданий, сохранение культурного наследия» и «развитие культуры». Они касаются сохранения Иркутском того облика, за который его называют Иркутском купеческим и сибирским Парижем. И то, что происходит сейчас с иркутскими памятниками старины, видят жители города и сочувствуют им.

По количеству упоминаний к этой группе ответов примыкает ответ *«развитие градообразующих предприятий, промышленных предприятий, увеличение рабочих мест»*, который вскрывает пласт социально-экономических проблем нашего времени. Поскольку многих предприятий, находившихся в советские годы на территории города Иркутска, сейчас просто нет. Проблема развития промышленного комплекса, предприятий, с учетом особенностей территории – это в целом проблемы глобального регионального и государственного уровня.

Остальные варианты ответов были немногочисленны и стоит их привести только для описания спектра мнений респондентов: *«чтобы город расцвел и процветал»*, *«позитивной настрой, доброжелательность людей, хочется, чтобы люди менялись, тогда и город изменится в лучшую сторону»*, *«улучшение экологии и экологии Байкала»*, *«изменение в работе муниципалитета, перестать воровать деньги из бюджета»*.

В целом по результатам исследования можно сказать о понимании иркутянами необходимости формирования идеи или концепции города и городского развития. Идея или концепция должны лечь в основу создания образа и имиджа города и территории в целом.

При этом непосредственными элементами образа города являются символы-визуальные образы. Среди них наиболее узнаваемыми, связанными с Иркутском, является бабр и Байкал. Образ Иркутска идентифицируется с образом озера Байкал, принимая черты его составной части. Самостоятельно образ Иркутска практически не используется ни в процессе ассоциативного брендинга территории, ни при формировании символики региона.

Большинство респондентов воспри-

нимает историко-культурную составляющую образа Иркутска как основную. И высказывают большие опасения по поводу ее сохранности. То есть у Иркутска есть перспективы в плане формирования идеи города, связанной с культурной составляющей, основанной на исторической ценности городской архитектуры, с культурными ценностями и нормами, характерными для его жителей, с развитием культурной традиции проведения различных мероприятий.

Среди товаров, тесно ассоциируе-

мыми с Иркутском, были названы, прежде всего, минеральная вода «Иркутская» – устоявшийся и зарегистрированный НМПТ, далее – омуль, что свидетельствует о тесной ассоциативной взаимосвязи Иркутска и Байкала, а также авиация и все что с ней связано в городе Иркутске – Иркутский авиационный завод (корпорация «Иркут»), МС-21, что объяснимо последними достижениями в данной области именно на территории Иркутска.

Библиографический список

1. Бутакова Д.А., Сидорова Н.В. Образ сибирского города в представлении его жителей (на примере социологического исследования в г. Иркутске) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4(99). С. 221–225.
2. Динни К. Брендинг территорий. Лучшие мировые практики: пер. с англ. / под ред. В. Сечной. Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2013. 336 с.
3. Важенина И.С. О сущности бренда территории // Экономика региона. 2011, № 3. С. 18–23. С. 29–45.
4. Малышкина Е.А. История бренда или история о бренде // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №3(061). С. 71–75.
5. Гравер А.А. Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3(19).

Сведения об авторах

Бутакова Дарья Андреевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, e-mail: shadow.feonell@mail.ru

Сидорова Наталья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы ИРНИТУ, e-mail: s509771@yandex.ru

Butakova Daria Andreevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: shadow.feonell@mail.ru

Sidorova Natalya Vasilyevna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department, INRTU, e-mail: s509771@yandex.ru

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНДУСТРИИ 4.0 ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

© Е.П. Немировская

Байкальский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

В статье рассмотрен вопрос развития индустрии 4.0 (иначе Четвертой промышленной революции) и ее значение для развития инноваций в регионах России. Автор, используя метод сравнения, поставил цель проанализировать данные динамики развития инноваций трех стран – России, КНР, США по нескольким показателям. В заключение автор приводит возможные варианты использования инновационных технологий для России.

Ключевые слова: индустрия 4.0, Четвертая промышленная революция, инновационные технологии, социально-экономическое развитие.

Формат цитирования: Е.П. Немировская. Новые возможности индустрии 4.0 для социально-экономического развития регионов России // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 66–69.

NEW OPPORTUNITIES OF INDUSTRY 4.0 FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS IN RUSSIA

E.P. Nemirovskaya

Baikal State University,
11, Lenin Str., Irkutsk 664003, Russian Federation.

The article considers the development of the industry 4.0 (the Fourth industrial revolution) and its importance for the development of innovation in the regions of Russia. Using the comparison method, the author has set the goal to analyze the data of innovation dynamics on several indicators in three countries – Russia, China, and the United States. In conclusion, the author suggests the possible use of innovative technologies in Russia.

Keywords: industry 4.0, Fourth industrial revolution, innovation technology, socio-economic development

For citation: Nemirovskaya. E.P. New opportunities of industry 4.0 for socio-economic development of regions in Russia // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 66–69. (In Russian)

Инновации в России находятся на стадии активного развития, становится устойчивее инновационная среда, появляются перспективные проекты, формируется стартап-сообщество, которое получает финансирование как государственных, так и частных фондов, на базе вузов проводятся НИОКР, появляются кластеры и малые инновационные предприятия.

Аддитивное производство, интернет вещей, системы виртуальной реальности и искусственного интеллекта, которые лет 5 назад казались недостижимыми, сейчас уже реальность, в частности, и для регионов.

Анализируя данные сборника ВШЭ «Наука. Инновации. Информационное общество:2015» [1. С. 24–47], мы провели сравнение данных трех стран для представления динамики развития инноваций: Россия, Китай, США. Так, анализируя пока-

затели табл.1., можно сделать вывод о снижении числа исследователей в России по сравнению с Китаем и США (табл.1).

Внутренние затраты на исследования и разработки в России гораздо ниже, чем в США и Китае, хотя и показан рост к 2014 г. (табл. 2).

Все еще не достаточен удельный вес России в общемировом числе публикаций в научных журналах, индексируемых Web of Science и Scopus (табл. 3).

Незначительны показатели роста числа патентных заявок на изобретения по сравнению с Китаем и США (табл. 4).

По представленным данным можно сделать вывод, что российские показатели инновационного развития ниже общемировых (по общему рейтингу стран), что свидетельствует о необходимости активного включения России в мировые тенденции развития инноваций.

Таблица 1

Численность исследователей по странам

Страна	2000 г. (тыс. чел).	2014 г. (тыс. чел).
Россия	506,4	444,9
США	983,2	1265,1
Китай	695,1	1484,0

Таблица 2

Внутренние затраты на исследования и разработки по странам

Страна	2000 г. (млн долл. США).	2014 г. (млн долл. США)
Россия	10 726,9	43 440,6
США	269 513,0	456 977,0
Китай	32 646,6	336 495,4

Таблица 3

Удельный вес стран в общемировом числе публикаций в научных журналах, индексируемых в международных базах данных: 2014 г.

Страна	2000 г. (%)	2014 г. (%)
Россия	2,05	2,16
США	24,95	21,88
Китай	17,62	19,18

Таблица 4

Число патентных заявок на изобретения по странам

Страна	2010 г.	2013 г.
Россия	42 500	44 914
США	490 226	571 612
Китай	391 177	825 136

Одной из наиболее обсуждаемых тенденций инновационного развития является так называемая «Четвертая промышленная революция», которая по заявлению известного швейцарского экономиста К.М. Шваба, основателя и постоянного президента ВЭФ, кардинально изменит стиль жизни людей, работы и отношения друг к другу.

Проблема индустрии 4.0, как еще по-другому называют ученые Четвертую промышленную революцию, в том, что она откроет как возможности, так и вызовы для человечества и повлечет последствия для экономики, бизнеса и государства.

Об этом на форуме в Давосе в своей речи говорил и Клаус Шваб: «Возможности миллиардов людей, связанных друг с другом мобильными устройствами с гигантской мощностью и памятью, предоставляющими доступ ко всем знаниям человечества, поистине безграничны. И эти возможности будут умножаться многократно за счёт всё новых прорывов в областях

искусственного интеллекта, робототехники, интернета вещей, автономного транспорта, нанотехнологий, материаловедения и квантовых компьютеров...» [2].

Прогнозируют, что технологические инновации приведут к прорыву в эффективности и производительности труда, таким образом, стоимость транспорта и коммуникаций упадет, эффективность логистики и глобальных сетей повысится, а стоимость торговли уменьшится. Эти факторы откроют новые рынки и приведут к росту экономики.

Революция откроет новые возможности прежде всего для тех, кто обеспечивает интеллектуальный и физический капитал: изобретателей, акционеров и инвесторов, возрастет спрос на рабочих высокой квалификации, произойдет снижение потребности в рабочих с низкой квалификацией.

К. Шваб выделяет четыре основных эффекта воздействия Четвертой промышленной революции на бизнес – это влияние

на потребительские ожидания, на продуктовые улучшения, на совместную инновационную деятельность, и на организационные формы.

На основе этих эффектов, мы выделили 4 фактора бизнес-процессов нарождающейся революции.

1. Фактор Клиентов. Клиенты, находясь в самом эпицентре экономики, стремящейся максимально улучшить пути и способы их обслуживания.

2. Фактор Продукта. Материальные продукты и услуги могут быть улучшены цифровыми возможностями, что увеличивает их ценность.

3. Фактор Сотрудничества. Вернее, новых форм сотрудничества, учитывая скорость происходящих перемен, быстрого изменения информационных технологий, а в связи с этим и потребительского опыта. Возникновение глобальных платформ и новых бизнес-моделей ведет к переоценке индивидуальных способностей, культуры общества и организационных форм.

4. Фактор Развития. Переход от просто цифровых технологий (Третья индустриальная революция) к инновациям и их комбинации (Четвертая индустриальная революция) заставляет компании пересмотреть пути ведения бизнеса. Главное то, как бизнес-лидеры и руководители видят изменяющуюся среду, как они оценивают и реализуют возможности своих бизнес-команд, и как они постоянно развиваются [3].

Учитывая эти факторы, именно инновационные технологии должны стать реальным инструментом развития социальной и экономической сферы регионов.

Согласно опросу 800 лидеров технологических компаний, проведенному специально для форума в Давосе, ключевыми драйверами изменений станут облачные технологии, развитие способов сбора и анализа Big Data, краудсорсинг, шеринговая экономика и биотехнологии.

Трендом сейчас является развитие платформ, объединяющих такие ресурсы, которые кардинально изменяют существующие в экономике и управлении структуры. Многие сектора экономики требуют внедрения новых технологий. Изменения в поведении и запросах потребителей заставляют компании изменять все: дизайн продукции, сами товары и услуги, пути до-

ставки и др.

По проведенному анализу выступлений ПМЭФ2016 (Питерского международного экономического форума 2016) [4] можно выделить стратегические границы и решающие факторы для экономического развития страны и ее регионов, которые могут предопределить использование инновационных технологий:

- курс на импортозамещение, создание продукции, конкурирующей на мировых рынках;

- неизбежное сокращение неэффективной занятости и повышение производительности труда, а это диктует потребность в повышении гибкости рынка труда, и появления у людей новых возможностей;

- производительность труда предопределяет общую конкурентоспособность экономики, динамику рынков, ускорение роста ВВП, повышение заработной платы. России необходим рост производительности труда на крупных и средних предприятиях: в промышленности, в строительстве, на транспорте и в сельском хозяйстве – не менее чем 5 % в год [12]. Компании неизбежно должны быть заинтересованы повышать производительность труда, внедрять трудо- и энергосберегающие технологии;

- крупные научные проекты и сотрудничество в их рамках (например, термоядерный реактор ITER, рентгеновский лазер на свободных электронах и др.). В 2015 году Россия вложила в совместные с Европой высокотехнологичные проекты 1 млрд 200 млн евро;

- технологический потенциал, который уже имеется и продолжает формироваться прежде всего в цифровых и промышленных технологиях, робототехнике, энергетике, биотехнологиях и медицине, в других сферах. Ведущие страны мира ищут источники роста именно в перечисленных отраслях. Открытия в этих областях способны привести к настоящей технологической революции, к взрывному росту производительности труда: неизбежно произойдет реструктуризация целых отраслей, обесценятся многие производства и активы, изменится спрос на профессии и компетенции, обострится и конкуренция как на традиционных, так и на формирующихся рынках;

- высокотехнологичная сфера как

ещё одна ниша для малого и среднего бизнеса и создание условий для тех небольших компаний, которые реализуют стартапы, выходят на рынок с прорывной продукцией;

- развитие малого и среднего бизнеса, поддержка экспортно-ориентированных предприятий;

- возрождение интереса молодёжи к инженерным специальностям, естественным дисциплинам. Россия уже вышла на ведущие позиции в мире по числу студентов, которые обучаются инженерным профессиям.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие инновационных технологий даст возможность объединения человеческих ресурсов для эффективного решения производственных, государственных, бизнес-задач регионов.

Возможности реализации развития инноваций для России заключаются в быстром освоении новой техники и технологий, продукции, модернизации оборудования, широких возможностях для инноваций и развития инновационного предпринима-

тельства, формирования совместных предприятий в контексте развития международного сотрудничества с другими странами. Для России инновационные технологии, обеспечивающие региональное развитие, позволят не только реализовывать приоритетные направления в сфере науки и техники, дополнительно финансировать научные исследования, обновлять кадровый состав научного комплекса Российской Федерации, но и интегрироваться в мировую инновационную систему, формировать связи с зарубежными компаниями.

Наиболее выгодная стратегия при этом – стремление к социальной технологии открытого взаимодействия – открытых инноваций и реализация соответствующей социальной модели взаимодействия. Регионы, замыкающиеся на внутренней среде в инновационном развитии, не конкурентоспособны на рынке. Чаще всего это приводит к тому, что они растрачивают свои ресурсы, дублируя уже созданные инновационные разработки или проведенные кем-либо исследования.

Библиографический список

1. Наука. Инновации. Информационное общество: 2015: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Н.В. Городникова, Гохберг Л.М. и др. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 80 с.
2. Четвертая промышленная революция: интернет вещей, циркулярная экономика и блокчейн [Электронный ресурс]. URL: [http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-](http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-promyshlennaya-revolyuetsiya)

- promyshlennaya-revolyuetsiya (3.09.2017).
3. Немировская Е.П. Технологии как фактор инновационного развития: теоретический анализ. Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 5. С.10.
4. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (3.09.2017).

Сведения об авторе

Немировская Елена Павловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, маркетинга и сервиса Байкальского государственного университета, e-mail: leo@levgroup.ru

Nemirovskaya Elena Pavlovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Management, Marketing and Service Department, Baikal State University, e-mail: leo@levgroup.ru

ОСОБЕННОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

© Н.В. Севастьянова

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

В статье проанализированы результаты исследований отечественных ученых, посвященных изучению специфики корпоративной культуры в российских организациях. Сформулированы особенности корпоративной культуры современных компаний и фирм. Уточнено содержание понятия «особенности корпоративной культуры».

Ключевые слова: корпоративная культура, особенности корпоративной культуры, современные организации.

Формат цитирования: Севастьянова Н.В. Особенности корпоративной культуры современных организаций // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 70–75.

FEATURES OF THE CORPORATE CULTURE OF MODERN ORGANIZATIONS

N.V. Sevastyanova

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

The article analyzes the results of Russian scientists' research dedicated to the study of the specifics of corporate culture in Russian organizations. It represents the features of the corporate culture of modern companies and firm and specifies the concept "features of corporate culture".

Keywords: corporate culture, features of corporate culture, modern organizations.

For citation: Sevastyanova N.V. Features of the corporate culture of modern organizations// Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 70–75. (In Russian)

На сегодняшний день исследований, посвящённых выявлению особенностей корпоративной культуры современных организаций, отмечается мало. При этом в существующих работах не поставлен вопрос о том, что понимается в науке под особенностями корпоративной культуры организаций. Из привлечённых к анализу работ было выяснено, что, в основном, содержание данного аспекта составляют характеристики отдельных элементов культуры компаний и фирм (миссии, ценностей, коллективных взаимоотношений, системы коммуникаций и т. д.), порожденные спецификой конкретной отрасли или сферы бизнеса. Такой подход позволяет типологизировать корпоративную культуру по признаку отрасли, которой она присуща: культура организаций сферы сервиса, досуга, банковских организаций, государственной службы и т. д. Вместе с тем, некоторые исследователи стремятся выделить еще и интегральные черты той или иной корпоративной культуры – ее системные свойства, не

сводимые к характеристикам элементов. Среди таких черт исследователи выделяют инновационность, ориентированность на клиента, гибкость и т. д. В более широком смысле, под особенностями корпоративной культуры компаний можно также понимать описания характерных для данной сферы ее типов, закономерности развития ее как феномена, выполняемые в конкретной сфере функции и национальные особенности составляющей фирму общности, влияющие на систему организации труда и внутренние процессы. В рамках написания настоящей работы анализу подлежали те исследования, в которых описывались особенности, характеристики, проблемы и закономерности развития корпоративной культуры в современных организациях.

С точки зрения некоторых отечественных исследователей, корпоративная культура в России существует преимущественно на уровне формально-провозглашаемых норм, принципов, стандартов деятельности, ценностей и т. д. Вме-

сте с тем, содержательно данное явление практически не находит отражения в работе компаний и фирм. Во многом это связано со спецификой национального менталитета, отдельные черты которого не позволяют российским служащим осознать необходимость данного инструмента повышения эффективности предприятий, действовать в соответствии с корпоративными стандартами. Так А.В. Унылова обращает внимание на такие черты отечественной деловой культуры и национального менталитета: коллективизм, высокая централизация и авторитарный стиль управления, жесткость управленческих структур, высокая роль государства в регулировании экономических субъектов, отсутствие ориентации на применение материальной мотивации труда, мобилизационный характер управления и труда (т. е. чередование периодов простоя с периодами «авралов»), избегание конкуренции, уклонение от личной ответственности, фатализм [8. С. 25].

О.О. Ладыгин утверждает, что причиной несоответствия провозглашаемых принципов корпоративных культур современных компаний системе ценностей и установок отечественных служащих являются недостаточная компетентность менеджеров и использование готовых инструментов построения культуры без принятия мер по их адаптации на российскую почву. Не позволяют отечественному бизнесу развиваться в рамках общемировых тенденций, с его точки зрения, и такие ключевые управленческие принципы в нашей стране как снижение ценности свободы, потребность в сильном лидере, патернализм, отсутствие обратной связи в системе («подчиненный-руководитель»), закрытость управления, циркуляция информации по неофициальным каналам в ущерб официальным, что сказывается на ее качестве и достоверности, отрицательное влияние семейственности и дружеских отношений на предприятиях, «отсутствие долгосрочных планов в построении бизнеса, управлении персоналом, непоследовательность, несоблюдение объявленных сроков» [5. С. 20]. Кроме того, автор говорит об отсутствии стремления у отечественных служащих к разностороннему развитию, самоорганизации, творчеству, свободе, о приоритетах власти и богатства в деятельности и отсут-

ствии склонности к риску.

Среди других негативных особенностей отечественной корпоративной культуры исследователи называют также значительную роль администрации в решении внутриорганизационных вопросов, недоверие руководству, чрезмерное поклонение авторитету, стремление к снижению рисков в деятельности и неприятие неопределенности, а также предпочтение коллективных решений индивидуальным из-за нежелания брать на себя ответственность. Кроме перечисленного, отличительными чертами отечественной корпоративной культуры выступают, по мнению А.А. Вязанкиной, «ориентация на прошлое, отсутствие интереса к проработке деталей, цикличность в восприятии времени» [3. С. 17]. А путь развития отечественной корпоративной культуры определен автором как «вестернизационный». Положительными же особенностями национальной корпоративной культуры, по мнению исследовательницы, являются такие культурно-исторические черты как «общинный» характер труда, присутствие в нем личного начала, существование нормы взаимопомощи, нравственность и доброта.

Следует также обратиться к анализу исследований, посвященных выявлению особенностей корпоративной культуры в определенных сферах.

Особенности корпоративной культуры малых организаций на примере туристических фирм анализировались Е.А. Бекелевой. Исследование проводилось автором в четыре этапа. На первом осуществлялось анкетирование сотрудников туристических агентств Ивановской и Вологодской областей (июнь-август 2008 г.) по почте и опрос персонала турфирм Костромской и Ярославской областей путем раздачи анкет на местах. Выборочная совокупность составила 329 человек. На втором – опрос персонала турфирм, направленный на выявление ценностной структуры корпоративной культуры данных организаций (октябрь-декабрь 2008 г.), выборка составила 289 человек. На третьем этапе с помощью метода глубинного интервью автор детально исследовала специфику миссии, корпоративного духа, корпоративного управления и этики, управления человеческими ресурсами, имиджа и репутации туристических организаций. Выборочная совокупность со-

ставила 229 человек (октябрь-декабрь 2008 г.). На четвертом этапе автор проводила пилотажное исследование корпоративного имиджа туристических фирм Ярославской, Костромской, Вологодской и Ивановской областей путем устного опроса потребителей туристических услуг данных фирм. Выборка составила 26 человек (2009 г.).

Результаты исследования продемонстрировали несовпадение мнений персонала и руководства по многим аспектам. Большинство сотрудников отметило, что в фирме им не дают возможности свободно высказывать свое мнение по трудовым вопросам, однако 70 % руководителей опровергло эти данные. Анкета также содержала вопрос о том, какими качествами должен обладать идеальный руководитель (для подчиненных) и сотрудник (анкета для руководства). Большинство работников хочет видеть своим руководителем человека, практикующего демократический стиль управления и обладающего такими качествами как компетентность, ответственность, внимательность. Руководители, в свою очередь, желают видеть в организации исполнительных и ответственных сотрудников. При этом автор исследования указывает, что такие качества как инициативность и целеустремленность остаются невостребованными. Несовпадение взглядов руководства и подчиненных было также выявлено по вопросам стимулирования труда и корпоративного обучения: руководство в большей степени ориентируется на методы материального поощрения сотрудников, а персонал – на методы нематериального стимулирования; руководство не видит необходимости в обучении сотрудников, персонал же отмечает, что оно необходимо. Также данное исследование показало, что персонал и руководство туристических фирм не имеют общего представления о миссии их организаций, целях и ценностях. Анализируя особенности ценностных ориентиров руководителей и сотрудников турфирм, автор выявила, что для первых значимы профессионализм, партнерские отношения, риск, связи с внешней средой, для вторых же лишь ценности вознаграждения и сплочения. Автором исследования было также сделано заключение о том, что туристические организации не уделяют внимания слогану, логотипу и

фирменной одежде, из чего следует, что корпоративный имидж данных организаций не сформирован. На основе полученных результатов автор сделала вывод о том, что негативными чертами корпоративной культуры туристических фирм являются: приоритет изменения материальной среды, обращение исключительно к материальной стимуляции, «ориентация на ценностное согласие без его разделения» [2. С. 25]. Результаты приведенного исследования позволяют говорить не о корпоративной культуре в туристических фирмах, а об организационной, а также подтверждают выводы других исследователей в отношении авторитарных тенденций в управлении, отсутствия внимания к выработке целей организации, нежелания привлекать персонал к управлению.

Остановиться необходимо также на исследовании С.Н. Павловской. Автор занималась вопросами формирования корпоративной культуры в организациях сферы досуга. Исследование проводилось в несколько этапов. На первом диссертантка анализировала научную литературу по вопросам управления в организациях (2007-2008 гг.); на втором – осуществила констатирующий эксперимент путем анкетного опроса сотрудников кафедры социально-культурной деятельности Тамбовского колледжа социокультурных технологий, сотрудников «Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина» и учреждений досуговой сферы (2008-2009 гг.). Третий этап был посвящен проведению формирующего эксперимента (2009-2010 гг.). На четвертом происходила обработка результатов эксперимента и построение рекомендаций по формированию корпоративной культуры в организациях досуговой сферы. Диссертантка анализировала миссию, цели, задачи, ценности, легенды и ритуалы организаций сферы досуга. С.Н. Павловская установила, что ценностями досуговых организаций являются стиль руководства, делегирование полномочий, объективность оценки труда сотрудников и т. д. [6. С. 12]. Значимыми для нас стали выводы автора относительно восприятия корпоративной культуры в организациях досуга: 86 % респондентов видят в ней способ единения коллектива, улучшения внутренней коммуникации, создания благоприятной обста-

новки. С другой стороны, автором приводились сведения о том, что одна половина респондентов расценивала корпоративную культуру как неформальную систему, другая – как жестко формальную, содержащую множество предписаний. Важным также является вывод об авторитарности руководства в творческой сфере, ограничении инициативы сотрудников и невозможности реализации собственного потенциала. Автор выявила интегральные характеристики корпоративной культуры досуговых организаций: динамичность, системность, адаптивность, неоднородность и др. [6. С. 13].

Среди наиболее значимых рекомендаций по совершенствованию корпоративной культуры досуговых организаций, выдвинутых исследовательницей, следует назвать: формирование четких целей и задач досуговой деятельности, корпоративных ценностей и представлений о корпоративной культуре, разработку индивидуального имиджа, внедрение практики совместного с руководством обсуждения положения досуговых организаций и появления системы мониторинга мнений персонала путем анкетирования в отношении происходящих в них процессов.

Важными являются также выводы, полученные таким исследователем как Е.Е. Первакова. Данный автор отмечает необходимость применения системного подхода к анализу и построению корпоративной культуры, констатирует непонимание членами организации и руководством миссии и промежуточных целей своей деятельности, отсутствие стратегий развития компаний, недостаточный учет мнений персонала в решении организационных вопросов и неумение сотрудников представлять и обосновывать руководству свои идеи [7. С. 18]. Подобные результаты были получены А.В. Ходусевой, проводившей исследование в одном из филиалов ОАО «РЖД». Автор выявила несистемный характер корпоративной культуры ОАО «РЖД»: культура охватывает лишь отдельные подразделения транспортной организации, существующий Кодекс корпоративной этики не соотносится с комплексом сложившихся норм и правил поведения и деятельности компании, отношения к работе, не учитывает интенсивный характер труда, отдаленность

филиалов организации друг от друга [10. С. 11].

М.С. Копитайко на примере страховых компаний выявил следующие черты, присущие российским организациям: низкий уровень внутреннего пиара, позволяющего осознать цели и задачи развития компаний и необходимость реорганизаций, отсутствие ярко выраженных корпоративных ценностей, общепринятого плана развития отрасли страхования и отсутствия, в связи с этим, стратегий развития отдельных страховых фирм, прямое внедрение культуры «материнского холдинга» в культуру филиалов, отсутствие процедур по адаптации их культурных принципов на российскую почву [4. С. 10]. Автор также акцентирует внимание на отсутствии мероприятий, посвященных выработке корпоративной культуры.

Если говорить об отдельных особенностях корпоративной культуры современных организаций, то одной из основных является принцип ориентации на клиента и встраивания его потребностей и интересов в свою культуру. Так, например, в работе Н.А. Антоновой, посвященной изучению корпоративной культуры сервисных организаций, делается вывод о том, что доверие, лояльность клиентов, качество оказываемых услуг, а также особая эмоциональная культура, направленная на максимальный учет психологического состояния клиентов, понимание их отношения к предлагаемой услуге и предвидение их пожеланий, являются базовыми ценностями данных организаций [1. С. 20].

Выявлена была и еще одна значимая особенность корпоративной культуры современных российских организаций – ориентация персонала на поддержание сложившихся взаимоотношений в трудовом коллективе и коллективистский характер деятельности вплоть до стремления не нарушать сложившийся порядок взаимодействий. Эту черту Н.А. Антонова обосновывает через установившиеся в сфере услуг «сервисные ценности» – «восприятие своих коллег как членов «большой семьи», эмоциональный комфорт, приоритет отношений между людьми...» [1. С. 16]. С.Н. Павловская в своей работе отмечает, что сфера досуга также отличается преобладанием коллективного творческого характера деятельности, отсутствием четко уста-

новленного регламента трудового процесса [6. С. 8]. О.В. Устинова, проводя исследование корпоративной культуры малого предприятия розничной торговли, выявила, что в большей степени члены организации ценят сложившиеся в коллективе отношения, простоту общения, доверие и доступность менеджеров [9. С. 76]. Коллективизм как особенность национальной корпоративной культуры осмысливается также в работе А.А. Вязанкиной. Данный автор отмечает, что происхождение этой черты лежит в плоскости традиционной православной культуры и определяется наличием в ней принципа соборности [3. С. 14]. Таким образом, коллективизм, как часть отечественной деловой культуры, имеет прочные исторические корни.

Изучение перечисленных работ позволяет сделать вывод о том, что специфика национального характера и системы ценностей накладывает значительный отпечаток на существующие в настоящее время российские деловые практики. Коллективизм является сильной стороной российской культуры, однако стремление действовать на основе негласных, неформальных норм, нарушать субординацию значительно тормозит развитие партнерских отношений в нашей стране. В целом же, как показывает анализ работ, основными «слабыми» местами современных организаций являются непонимание миссии своей организации, ее целей, отсутствие общего видения компании персоналом и руководством, директивный стиль управления, отсутствие желания у сотрудников совершенствоваться в направлении развития профессиональных способностей и личностных качеств, невозможность проявления творческой инициативы, ориентация руководства на материальные стимулы и их практический недостаток.

На основе анализа приведенных работ были сформулированы следующие особенности корпоративной культуры современных организаций:

1. Коллективистский характер деятельности, ориентация на поддержание дружеских взаимоотношений в коллективе, приоритет неформальных взаимоотношений в отечественной деловой сфере.

2. Наличие в отечественной корпоративной культуре противоречия между

стремлением к снижению рисков в деятельности, неприятием неопределенности и отсутствием при этом четких стратегий, долгосрочных планов развития организаций. Невозможность построения стратегий и следования им в силу «мобилизационного» характера труда и приоритета неформальных взаимоотношений. Невозможность соблюдения закрепленных в корпоративных стандартах принципов и стандартизации трудового процесса в целом.

3. Отсутствие сформулированных миссий и целей современных компаний и организационной активности в отношении их определения, работы в направлении создания общего видения организации персоналом, формирования сознательного отношения работников к ее целям и задачам, проблемным и сильным сторонам.

4. Отсутствие практики привлечения сотрудников к управлению организацией, совместной работы руководства и подчиненных из-за авторитарных тенденций в управлении.

5. Системообразующими элементами корпоративной культуры отечественных организаций являются: система мотивации и стимулирования труда, система коммуникаций, взаимоотношения в коллективе, ритуалы, ценности персонала, стиль руководства, самореализация и отношение к труду. Характеристики этих компонентов зачастую имеют проблемный в нашей стране характер, поэтому выдвигаемые большинством исследователей рекомендации направлены на их изменение.

6. Развитие отечественной корпоративной культуры идет с ориентацией на западные стандарты, вместе с тем, специфика национального менталитета во многом не позволяет им соблюдаться на практике. Отсюда вытекает декларативность культуры компаний и фирм, невозможность интернализации корпоративных ценностей российскими служащими.

7. Корпоративная культура в современных организациях имеет социальную значимость: выступает средством накопления человеческого капитала через развитие знаний, умений, навыков и способностей персонала; позволяет совершенствовать качество обслуживания и самих услуг.

8. Понимание корпоративной культуры сотрудниками как средства повыше-

ния сплоченности коллектива, улучшения межличностных отношений, неформальной системы.

9. Ориентация корпоративной культуры одновременно на клиентов и персонал компаний, на человека, а не на задачу.

10. Применение методик развития человеческого потенциала в организациях и практическое неиспользование этого потенциала проявляется в невнимании руководства к идеям и предложениям сотрудников, невостребованности такого качества как инициативность, отсутствии организованного процесса выработки и сбора идей сотрудников для развития организации.

Подводя итоги, следует отметить недостаток полноценных обобщающих работ, направленных на изучение особенностей корпоративной культуры современных организаций. Кроме того, авторы практиче-

ски не обращаются к анализу корпоративных концепций, их целостности, и сосредотачивают внимание на характеристиках отдельных элементов культуры организаций. Также необходимо указать, что при составлении рекомендаций по совершенствованию культуры компаний и фирм авторы делают акцент на развитии творческих способностей персонала, однако не отмечают, что для полноценного развития фирм необходима поточная организация подачи и сбора креативных идей сотрудников, а также применение их в практике на благо компаний. В построении рекомендаций по совершенствованию или формированию эффективной корпоративной культуры не уделяется внимание совместной работе руководства и подчиненных в рамках отдельных мероприятий, принципам ее осуществления.

Библиографический список

1. Антонова Н.А. Специфика корпоративной культуры организаций сферы сервиса: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Н.А. Антонова. Иркутск. 2005. С. 21.
2. Бекелева Е.А. Корпоративная культура в социальных организациях: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Е.А. Бекелева. Архангельск. 2011. С. 28.
3. Вязанкина А.А. Универсально-всеобщее и национально-особенное в корпоративной культуре России: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / А.А. Вязанкина. Барнаул. 2011. С. 22.
4. Копитайко М.С. Особенности корпоративной культуры страховых компаний // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 2. С. 101–110.
5. Ладыгин О.О. Корпоративная культура организаций в системе ценностей современной России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. / О.О. Ладыгин Москва. 2014. С. 22.
6. Павловская С.Н. Формирование корпоративной культуры в организациях сферы досуга: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.05 / С.Н. Павловская. 2012. С. 26.
7. Первакова Е.Е. Развитие социально-трудовых отношений во взаимосвязи с корпоративной культурой организации в условиях инновационной экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05 / Е.Е. Первакова. Москва. 2016. С. 43.
8. Унылова А.В. Специфика российской корпоративной культуры и ее влияние на деятельность и эффективность банковских организаций в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08 / А.В. Унылова. Ростов-на-Дону. 2015. С. 33.
9. Устинова О.В. Роль корпоративной культуры в деятельности организаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 9. С. 75–79.
10. Ходусева А.В. Повышение качества управления транспортной организацией на основе совершенствования корпоративной культуры: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / А.В. Ходусева. Москва. 2012. С. 25.

Сведения об авторе

Севастьянова Нина Владимировна, студент группы СЦБ-13-1 института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук им. В.Г. Смагина, e-mail: sevastyanova_96@inbox.ru

Sevastyanova Nina Vladimirovna, a fifth-year student of Sociology and Social Work Department in Institute of Fine Arts and Social Sciences and Humanities named after V.G. Smagin, e-mail: sevastyanova_96@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЛИЩНЫХ РЕСУРСОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

© М.М. Старикова

ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»,
Российская Федерация, 610000, г. Киров (обл.), ул. Московская, 36.

В статье представлен сравнительный анализ жилищной инвестиционной активности и практик жилищного обустройства населения в трех региональных городах Приволжского федерального округа: Казани, Кирове и Нижнем Новгороде. Мы постарались выяснить, насколько сформировано у горожан отношение к жилой недвижимости как к источнику инвестиций и доходов, определить ресурсы и способы, которые задействуют (готовы задействовать) жители в практиках жилищного обустройства.

Сделан вывод о низкой жилищной ресурсности большей части населения на фоне высокой толерантности к низкому качеству жилищных условий. Среди способов жилищного обустройства доминируют практики ремонта имеющегося жилья, радикальные улучшения, в основном, происходят с опорой на родственные связи и ресурсы. Анализ социальных ожиданий горожан показывает, что сегодня доходы большинства жителей дотационных регионов не позволяют им значительно улучшать жилищные условия, даже в среднесрочной перспективе, однако регионы-доноры имеют относительно благополучную ситуацию и перспективы в развитии жилищного фонда.

Ключевые слова: жилье, качество жизни, жилищные ресурсы, инвестиции в недвижимость, улучшение жилищных условий.

Формат цитирования: М.М. Старикова. Исследование жилищных ресурсов населения региональных городов Приволжского федерального округа // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 76–88.

RESEARCH OF HOUSING RESOURCES OF THE POPULATION OF REGIONAL CITIES OF THE PRIVOLZHISK FEDERAL DISTRICT

M. M. Starikova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Vyatka State University», 36 Moskovskaya Str,
Kirov, 610000, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of housing investment and population's housing practices in the three regional cities of the Volga Federal district: Kazan, Kirov, and Nizhny Novgorod. We have tried to find out how the city people's attitude to residential property as a source of investment and income is formed, to determine the resources and tools that the residents use (are ready to use) in housing construction practices.

The conclusion is drawn on the low housing resource of the majority of the population against the background of high tolerance to low quality of living conditions. Among the methods of housing development, the practice of repairing housing in possession is prevalent; radical improvements mainly take place when supported by kin relationship and resources. Analysis of city people's social expectations shows that currently incomes of the majority of residents of beneficiary regions do not allow them to significantly improve housing conditions, even in the medium term. However, the donor regions are in a relatively favorable situation and have prospects for the development of housing.

Keywords: housing, quality of life, housing resources, investments in the real estate, improvement of living conditions

For citation: Starikova M. M. Research of housing resources of the population of regional cities of the Privolzhsk federal district // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 76–88. (In Russian)

Жилье как важнейший вид богатства населения – это существенный источник развития экономического и человеческого потенциала и подушка безопасности собственников в случае экономических кризисов.

Аспект повседневных социально-

экономических практик и саморефлексии жильцов относительно удовлетворенности жилищными условиями и планами по их улучшению представлен в работах Н.Е. Тихоновой, А.М. Актновой, Н.Н. Седовой [12], С.Н. Варламовой [2], Л.В. Власенко [3], А.К.

Гузановой [4], Н.Н. Ноздриной, И.М. Шнейдерман [9] и др. Однако большинство социологических исследований направлено на рассмотрение жилищных условий как «автономных», не вписанных в систему социально-экономической деятельности и ресурсов жильцов, что лишает их комплексного характера.

В последние десятилетия в мировоззрении людей меняются требования и ожидания относительно комфорта, функциональности и престижа жилья. Современные города представляют собой полигон социальных инноваций в жилищном строительстве и способах улучшения жилищных условий, а также территориальную форму социокультурной интеграции различных социальных общностей. По данным Всемирного банка 74 % россиян... выбирают города как основное место жительства [13]. «С одной стороны, города могут быть чрезвычайно эффективными благодаря плотности проживания населения и доступности услуг. С другой, по мере роста и расширения городов и старения их инфраструктуры увеличивается стоимость удовлетворения жизненных потребностей горожан, наряду с экологическими угрозами и истощающимися природными ресурсами» [8. С. 2810]. Поэтому практики улучшения жилищных условий первоначально имеет смысл изучить на примере городской среды.

Кроме того, «до сих пор то, что связано с механизмами обретения российскими домохозяйствами статуса собственников, практически является «белым пятном» в исследованиях экономического неравенства населения, по крайней мере, систематически не изучалось» [6. С. 7350]. А между тем без мониторинга общественного мнения по кругу жилищных проблем и практик жилищного обустройства горожан невозможно эффективное решение многих социальных проблем, связанных с углубляющейся поляризацией населения, демографическим кризисом, трудовой миграцией.

Представляет интерес выяснить, насколько сформировано у горожан отношение к жилой недвижимости как к источнику инвестиций и доходов, определить ресурсы и способы, которые задействуют (готовы задействовать) жители в практиках жилищного обустройства.

Для этого в 2016-17 г.г. автором было проведено комплексное социологическое исследование, в котором участвовали жители трех городов Приволжского федерального округа с различной численностью населения: Кирова, Нижнего Новгорода и Казани. По данным, представленными в работах Т. Д. Белкиной, «после Центрального ПФО является следующим по объемам жилищного строительства и вводу жилых площадей на 1000 населения. Лидерами по вводу жилья являются Республика Татарстан, Республика Башкортостан, Нижегородская и Самарская области... Самый низкий показатель по ПФО – в Кировской области, но и она далеко не самая худшая в России, в 2010 г. в рейтинге регионов она заняла 49-е место...» [1. С. 108–109].

Основную эмпирическую базу исследования составили результаты комплексного исследования:

1). Данные опроса жителей указанных городов методом маршрутизированного квартирного полуструктуризованного интервью. Для опроса использовалась квотная выборка репрезентативная по полу, возрасту и району проживания респондентов, рассчитанная пропорционально социально-демографическим показателям населения трех городов. Выборка включала категории населения старше 20 и моложе 60 лет, поскольку исследование вопросов улучшения жилищных условий концептуально базируется вокруг экономически активных категорий населения. При общей дисперсии ошибки выборки $\pm 6\%$ и уровне репрезентативности выборки 95 %, объем выборочной совокупности в каждом городе составил 267 человек, однако с учетом ремонта выборки на стадии статистической обработки данные анализировались по 200 анкетам в каждом городе. Общий размер выборки составил 600 человек.

2). Результаты серии из 8-и фокус-групп с различными категориями населения, что позволило дополнить статистические данные мнениями и жизненными примерами.

Социально-демографические характеристики респондентов массового опроса

В соответствии с квотами среди респондентов насчитывается 45,2 % мужчин и 54,8 % женщин.

Большинство респондентов (60,9 %) имеют высшее образование, примерно треть среднее профессиональное (31,7 %) и лишь 7,5 % горожан остановились на уровне школьного и начального профессионального образования.

В исследовании жилищных стратегий одной из главных детерминант выступает экономический статус респондентов, поскольку рыночная экономика практически полностью перекладывает ответственность за качество и комфорт жилья на плечи собственников. Отметим не фиксируемый в официальных статистических данных реально низкий уровень доходов горожан. Традиционно статистика оперирует показателями средних зарплат, которые завышены в силу большого размаха размеров доходов высокооплачиваемых групп.

Так, по данным Федеральной службы государственной статистики в 2016 году доходы жителей трех изучаемых областей довольно существенно отличались между собой. Если жители республики Татарстан имели среднедушевой ежемесячный доход 32 163 руб., а Нижегородской области 30 837 руб., что сопоставимо со среднестатистическим доходом населения по стране (30 474 руб.) и выше, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу (26 300 руб.), то жители Кировской области «довольствовались» куда более скромными официальными среднемесячными доходами 22 170 руб. [5]. Исходя из официальных данных, можно говорить о разнице уровня жизни в регионах и предполагать разный уровень инвестиционной активности

в сфере улучшения жилищных условий у жителей трех городов.

Мы интересовались у респондентов, какой уровень текущего потребления обеспечивают им и членам их семьи нынешние доходы (табл. 1). При этом, несмотря на официальные различия в среднемесечном доходе жителей Кирова, Н. Новгорода и Казани (выше всего он у последних), корреляции самооценки уровня доходов и потребления с городом проживания не выявлено (хи-квадрат Пирсона, $P = 0,1$).

Полученные результаты были переведены в 4 ранговых группы населения по уровню обеспеченности. Большинство горожан (49,2 %) фактически относятся к базовому классу общества со средним уровнем потребления (верхней границе низшего класса), который может себе позволить, накопив, а чаще в кредит, баловать себя дорогостоящими покупками. Доход на члена семьи – на уровне базовых потребностей или 2,5-3 прожиточных минимума. Почти треть населения живет вообще на грани или за гранью бедности (денег хватает только на продукты питания и необходимую одежду, очень бедные и малообеспеченные). Однако примерно пятая часть горожан по экономическим характеристикам попадает в ядро среднего класса. Таким образом, реальные ресурсы для улучшения жилищных условий имеет незначительная часть населения, и при всей психологической значимости жилищная обеспеченность фактически уходит в разряд отложенных потребностей у большей части населения.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, уровень материального благосостояния Вашей семьи», (N=600)

Варианты ответов	% от опрошенных
Денег с трудом хватает на самое необходимое	9,7
Денег хватает только на продукты питания и необходимую одежду	20,8
Вполне хватает на продукты питания и одежду, однако крупные покупки требуют накоплений или кредита	49,2
Денег хватает на крупные покупки, но приобретение хорошей машины требует накоплений в течение 2-3 лет	18,8
Можем позволить себе купить хорошую машину или квартиру	1,5
Итого	100,0

Инвестиции в жилищное обустройство

Результаты исследований ВЦИОМ убедительно демонстрируют приоритетность инвестиций в улучшение жилищных условий в сознании россиян: на первом месте среди планов наших сограждан на год стоят различные совершенствования жилья, в основном, за счет ремонта. Хотя на фоне экономического спада за последние 5 лет отмечается сокращение количества россиян,

планирующих в текущем году совершенствование жилищных условий. Число вступающих в активную фазу ремонта небольшими темпами, но снижается. Приобретение жилья за последние пять лет запланировали и осуществили менее десятой части населения (табл. 2).

Мы попросили респондентов указать, что конкретно им удалось сделать в плане улучшения жилищных условий (табл. 3).

Таблица 2

Перечислите, пожалуйста, что из следующего списка товаров/услуг Вы приобрели для себя, своей семьи в 2015 году и что планируете приобрести в 2016-м? (закрытый вопрос, любое число ответов, %) [10]

Варианты приобретений	Планировали приобрести в 2012 г.	Приобрели в 2012 г.	Планировали приобрести в 2013 г.	Приобрели в 2013 г.	Планировали приобрести в 2014 г.	Приобрели в 2015 г.	Планируют приобрести в 2016 г.
Сделал ремонт, поменял сантехнику	18	12	20	11	16	9	14
Автомобиль, мотоцикл	5	7	9	5	6	6	10
Туристическая путевка	14	7	16	6	12	5	10
Мебельный гарнитур, кухонная мебель	5	5	6	4	4	6	7
Квартира, дом	5	5	8	2	6	3	7
Телевизор, домашний кинотеатр	5	11	8	8	4	9	5
Мобильный телефон, смартфон	4	8	5	14	4	17	4
Стиральная машина	2	5	3	6	2	5	4
Дача, загородный дом	2	2	4	<1	3	1	4
Холодильник	2	3	3	4	3	6	4
Компьютер, ноутбук, электронный планшет	4	7	2	7	2	9	3

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что за последние 5 лет Вам удалось сделать в плане улучшения жилищных условий?» (N=600, неальтернативный вопрос)

Варианты ответов	% от опрошенных
Сделать ремонт отдельных комнат/кухни/коридора	36,3
Приобрести новую мебель	32,8
Сделать небольшой косметический ремонт	26,8
Поменять окна/двери	26,8
Поменять сантехнику	23,3
Разъехаться с детьми (другими родственниками)	17,4
Сделать полный ремонт всего жилья	15,4
Поменять жилье на лучшее	11,9
Съехаться с детьми (другими родственниками)	10,8
Ничего не улучшилось	11,2
Итого	212,9*

* сумма больше 100 %, поскольку в данном вопросе разрешалось выбрать несколько вариантов ответа

Исходя из представленных данных, со всеми мыслимыми оговорками, радикально улучшить жилищные условия сменой жилья удалось примерно четвертой части респондентов. Большинству горожан ресурсов хватило лишь на различные виды ремонта имеющегося жилья. Для десятой части граждан какие-либо жилищные вложения за последние 5 лет были и вовсе недоступны.

У 12 % респондентов, кто отметил, что ему удалось поменять жилье на лучшее, мы уточнили смысл, который они вкладывали в слово «лучшее»: 4,2 % из 11,9 % приоритетом назвали большой метраж, 3,7 % новизну дома, 2,2 % под лучшим жильем понимают другой район, а некоторые (1,2 %) даже этаж. Следовательно, субъективные смыслы улучшений, хотя имеют тенденции к типизации, довольно разнообразны.

Источники жилищной обеспеченности населения

Мы поинтересовались у жителей трех городов ПФО каким образом они получили жилье, которое на данный момент имеют. Выяснилось, что наиболее распространенной формой улучшения жилищных условий (30,5 %) по факту выступала покупка, в том числе с привлечением финансовых инструментов (займов, ипотеки), однако стартовым капиталом часто выступала изначально имевшаяся ликвидная недвижимость. Только пятая часть горожан получила жилье по наследству, что можно связать как с увеличением продолжительности, так и с интенсификацией жизни и рыночных способов жилищного обустройства (ждать, когда достанется «естественным» способом, сегодня для многих неактуально, поскольку общество потребления нацеливает людей на жизнь по принципу «все и сразу», пусть и с кредитным обременением). Возрастные различия свидетельствуют, что основные покупки жилья приходятся на возраст от 30 до 40 лет, а наиболее «перспективный» для наследства возраст 40-50 лет. Получение жилья от государства и работы намного чаще встречается среди ответов граждан старше 41 года, что не удивительно: примерно 20 лет назад, с переходом к рыночной экономике резко сократились патерналистские практики в обеспечении жильем. Важно отметить, что примерно пятая часть взрослого населения ответила, что не

имеют собственного жилья (арендуют, либо живут у родственников).

Межрегиональные корреляции ответов демонстрируют некоторые различия "источников" обретения жилья в трех регионах: так среди жителей Казани в 1,5 раза больше тех, кто смог получить жилье от государства, возможно, в силу наличия региональных жилищных программ на фоне более благоприятной экономической обстановки в регионе по сравнению с Кировской и Нижегородской областями. Нижегородцы чаще получали жилье от предприятия и вступали в жилищно выгодное брачное партнерство. Кировчане лидируют среди обеспечивших себя жильем самостоятельно не через рыночные механизмы покупки.

Ответы респондентов фокус-групп во многом подтверждают данные анкетного опроса. Так, среди более молодых участников групп чаще встречаются упоминания о финансовой и жилищной помощи от родственников, иногда в ироничной форме, возможно, в силу больших жизненных претензий либо ощущений уязвимости и незаслуженности таких приобретений. (Рж - респондент-женщина, Рм - респондент-мужчина).

Модератор: «Скажите, как Вам досталось имеющееся у Вас жилье?»

(Семейные до 40 лет)

Рм: «Теща подарила... (смеются)»;

Рм: «Второе жилье досталось супруге по наследству от бабушки, вот которое стоит бешенных денег, с которым мы не знаем что делать»;

Рм: «С женой живу (смеются), ее жилплощадь, поэтому живу с ней...»;

Рм: «В карты выиграл (смеются), а так-то в ипотеку взяли»;

Рж: «Мне досталась одна квартира по наследству, вторая, однокомнатная, там, где сейчас папа мой живет, мы ее как бы... продали дом, купили квартиру, ну... непросто так»;

Рж: «Мы с бабушкой живем, бабушка получается на свадьбу нашу дарственную оформила, подарила квартиру вместе с собой» (смеются).

Рж: «Все вместе: и в наследство и на заработанные деньги. Была квартира, досталось в наследство. Мы совместили».

Рм: «У меня поначалу было наследство с братом, а потом разделили имуще-

ство, я ему стал выплачивать, долю свою выкупать»).

Приоритетные способы жилищного обустройства горожан

Наш опрос показал, что более трети респондентов (37,7 %) не планируют каких-либо улучшений жилищных условий в будущем, что вполне объяснимо падающими и стабильно низкими доходами. Однако большая часть горожан включает совершенствование жилья в ближайшие жизненные планы, при этом палитра способов радикального (т.е. не внутренней отделки, а смены жилья) решения жилищного вопроса фактически сводится к 4 базовым: ипотеке, личному строительству, участию в государственных программах обеспечения жильем отдельных категорий населения и наследству (дарению). Все остальные источники радикальных улучшений набирают по выборке не более 6 %, хотя именно они представляют дополнительный интерес с точки зрения возможных сегодня способов обустройства. Корреляционный анализ показал наличие связей жилищных планов с возрастом и уровнем обеспеченности респондентов: ипотека наиболее актуальна для представителей базового и среднего классов, а вот индивидуальные усилия в строительство планируют вкладывать даже

бедняки, либо, напротив, в основном, зажиточные (нужно предполагать, что эти постройки будут иметь очень разный уровень материалов и скорость осуществления). Нерыночные способы улучшений жилищных условий (госпрограммы, дарение, наследство) более характерны для планов бедных слоев населения. А вот меньшинство богатых уже полностью обеспечены жилищными благами и улучшать ничего не планируют. С повышением возраста сужаются планы на улучшение жилищных условий, также молодые когорты больше готовы рисковать, участвуя в ипотеке, и в целом видят больше способов жилищного обустройства, чаще выбирая ответ «за счет других источников».

Оказалось, что респонденты достаточно чувствительны к формулировке вопроса и на полуоткрытый вопрос о способах говорят более развернуто (рис. 1).

Наиболее ожидаемыми способами улучшений являются накопления и обустройства уже имеющегося, что позволяет судить, что горожане надеются, в первую очередь, на свои собственные ресурсы. Использовать «внешние» (за счет других субъектов) и «рыночные» ресурсы планирует от 5 до 15 % горожан, которых можно считать более предприимчивыми и мобильными.

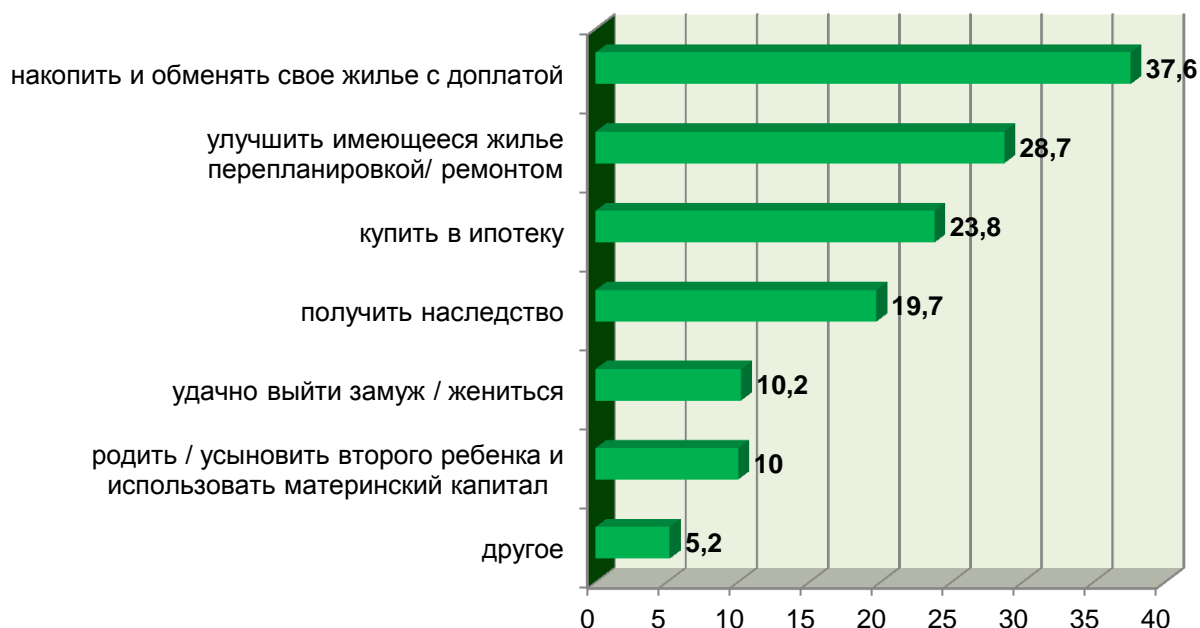

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие способы улучшения жилищных условий для Вас наиболее вероятны в будущем?» (N=600, % от опрошенных, неальтернативный вопрос)

При этом никаких способов улучшения жилищных условий не видят лишь 4,7 % респондентов, что резко отличается от 37,7 % в предыдущем вопросе. Нужно полагать, что отсутствие планов улучшать жилищные условия в ближайшем будущем у 37,7 % воспринималось именно как радикальная смена жилья, практики мини-улучшений имеющегося не учитывались, что еще раз подчеркивает многообразие трактовок понятия «улучшение».

Нужно отметить, что среди молодых горожан преобладают мотивы территориальной мобильности с целью улучшения жилищных условий и надежды на помощь родственников и жилищно удачное брачное партнерство. С повышением возраста респонденты чаще рассуждают об улучшении жилищных условий с позиции ремонта и бережного отношения к имеющемуся и с позиции критики государства за отсутствие реальной помощи в решении такого дорогого для рядовых граждан жизненного вопроса. Можно судить, что приоритеты и стратегии меняются с возрастом в сторону рационализации и сворачивания жилищных запросов и перспектив.

Ипотечное кредитование – pro et contra

В случае жилищного вопроса существует много объективных ограничителей для быстрого решения проблемы – прежде всего, цена вопроса. В сознание наших граждан уже прочно вошло понятие ипотеки как заманчивого способа расширения / улучшения жилищных условий. Ожидается, что получение для этой цели кредита превратится в «стандартный процесс». По мнению руководства страны, ипотека должна

стать главным источником финансирования жилья. К 2020 г. как минимум треть граждан страны должна иметь возможность приобрести квартиру, отвечающую современным требованиям, за счет своих и заемных средств.

Сдерживает развитие ипотеки и тот факт, что 27 % россиян и так уже имеют различного рода не выплаченные кредиты в банках, долги, и дополнительные кредиты они просто не в состоянии отдавать [12].

Опыт использования ипотеки имеет лишь у 20 % респондентов, причем завершённый лишь у 10 %. Строят ближайшие на планы на ипотечное жилье 17,6 % горожан. То есть в целом ожидания Правительства вовлечь в ипотечное кредитование треть россиян вполне выполнимы для Приволжского федерального округа.

На вопрос «Насколько рационально, по-вашему, сегодня использовать ипотечный кредит для покупки жилья?» практически каждый пятый респондент ответил, что это нерациональный и неоправданный способ (21 %) (рис. 2), причем, чаще такой ответ давали кировчане (23 %), реже – нижегородцы (табл. 5). Подавляющее большинство респондентов так или иначе одобряют ипотечное кредитование: (37,8 %), считают ипотеку рациональным, но очень рискованным вариантом улучшения жилищной ситуации, а каждый пятый (23,7 %) согласился, что данный способ является и рациональным, и оправданным в существующих условиях (причем, чаще так считают казанцы – 36 %, затем нижегородцы – 20 %, кировчане – 16 %, хи-квадрат Пирсона, $p=0,0$).

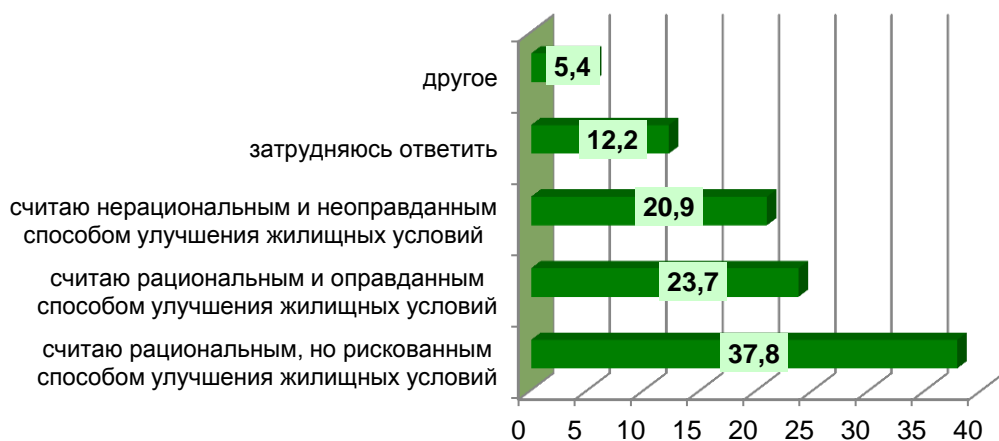

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько рационально, по-вашему, сегодня использовать ипотечный кредит для покупки жилья?», (N=600, % от опрошенных)

Налицо гендерная асимметрия отношения к улучшению жилья при помощи займов у банков. Мужчины в равной степени склонны считать ипотеку как оправданно и неоправданно рискованным способом улучшения жилищных условий (по 24 %), то есть проявляют большую готовность к финансовым рискам, в то время как женщины чаще считают, что ипотека – это рискованный (39 %) и оправданный (23 %) способ выхода из сложной жилищной ситуации (хи-квадрат Пирсона, $p=0,0$).

Высокие риски ипотечного кредитования чаще отмечают респонденты, находящиеся в брачных отношениях (41,4 %) и отношениях сожительств (44 %); рациональным и оправданным способом считают ипотеку холостые/незамужние (30,7 %) и разведенные (32,7 %); нерациональным и неоправданным – вдовы (42,3 %) и в отношениях незарегистрированного брака (25 %, хи-квадрат Пирсона, $p=0,0$) (табл. 4). В целом большую симпатию и доверие к ипотечному кредитованию (рационально и оправдано) высказывают люди, «не обремененные» узлами брака, возможно, в силу отсутствия финансовых обязательств перед другими членами семьи.

Данные статистических распределений ответов дополняют эмоциональные оценки ипотечного кредитования, в основном, негативные, высказанные участниками фокус-групп.

Модератор: «Как Вы относитесь к ипотеке?»

Рж: «Да не дай бог. Не хочется впрягаться на 15 или сколько там лет, переплата идет большая в нашей стране».

Рм: «Я положительно, потому что для некоторых это единственный способ купить себе жилье».

Рм: «Думаю, что тут вопрос именно в рабочих местах или, если там, допустим, сократят, и всю свою зарплату ты будешь выплачивать, то будешь жить в подъезде этого дома, за который ты платишь эту ипотеку».

Рж: «Когда я брала ипотеку, я продумывала вариант, чтобы подстраховаться и уйти от той ситуации, которую вы обрисовали. Мне в ипотечной корпорации подсказали такой вариант: вторичный рынок жилья, сразу сдавать хорошо отремонтированную квартиру в аренду и при моей процентной ставке 8000 в месяц, за квартиру платили 12, поэтому я легко и просто погасила и ничего не тратила из своих собственных средств».

Рм: «Что я могу сказать, наше государство, как наверно все государства мира, всегда решают проблему граждан в принципе за счет граждан, поэтому спасение утопающего дело его же рук».

Нужно отметить, что в процессе обсуждения на фокус-группах, молодежь относилась к ипотечному кредитованию чаще резко отрицательно, семейные горожане более терпимо.

Таблица 4

Сопряженность отношения к ипотечному кредитованию с социально-демографическими и экономическими показателями респондентов, (N=600, P=0,00)

Отношение к ипотеке	Всего	Наличие кредитов			Семейное положение				
		Несколько кредитов	Один кредит	Нет кредитов	Холост, не замужем	Женат, замужем	Незарегистр. брак	Разведен(а)	Вдова (вдовец)
рациональный, но рискованный способ	37,8	42,6	39,5	35,5	35,7	41,4	44,1	25,0	19,2
рациональный и оправданный способ	23,7	25,5	32,6	19,2	30,7	21,6	13,6	32,7	19,2
нерациональный и неоправданный способ	20,9	19,1	15,7	24,5	16,4	20,7	25,4	19,2	42,3
затрудняюсь ответить	12,2	5,3	7,6	15,7	12,1	11,3	11,9	15,4	19,2
другое	5,4	7,4	4,7	5,0	5,0	5,0	5,1	7,7	0,0
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

57,3 % респондентов полагают, что ипотека никак не увеличивает доступность жилья и не хотят брать ее в принципе. Многие связывают с пропагандой ипотечных схем ускоренный темп роста цен на недвижимость.

Однако именно ипотека для большинства граждан со среднестатистической по стране зарплатой является наиболее реальным способом ощутимо улучшить жилищные условия.

Ресурсы для инвестиций в жилье

Ресурсная обеспеченность социального субъекта – это совокупность различных ресурсов, которые могут улучшать его жизненные шансы в ближайшей или далекой перспективе – экономические, профессиональные, личностные, физические и пр. Важными ресурсами улучшения жилищных условий, в первую очередь, являются экономические – доходы населения, накопления, а также движимое и недвижимое имущество, которое может быть конвертировано в финансовые ресурсы.

Гузелия Имаева, генеральный директор аналитического центра НАФИ, отмечает: «Сегодня мы наблюдаем «финансовую растерянность» населения в связи с общеэкономической ситуацией. На фоне снижения реальных доходов, роста инфляционных ожиданий, в комплексе с невысоким уровнем финансовой грамотности, граждане предпочитают придерживаться выжидательной позиции и ничего не предпринимать по отношению к своим финансам. Так, преимущественное большинство россиян не имеют «подушки безопасности» на случай потери работы или здоровья, а треть не видят смысла в ее формировании. Подобная ситуация может привести к критическому падению уровня жизни в случае непредвиденных обстоятельств» [7].

Чтобы понимать возможности инвестиций горожан в жилищное обустройство, мы поинтересовались, какие финансовые и физические активы, а также средовые и личностные ресурсы респонденты задействуют (готовы задействовать) для поддержания и улучшения жилищных условий.

Объективно доходы большей части населения сегодня далеки от предложений рынка недвижимости. Поэтому важным фактором развития возможностей улучшения жилищных условий является финансовая инфраструктура потребительских и ипотечных кредитов. Как показали результаты исследования (табл. 5), лишь половина опрошенных (53 %) не имеет на момент опроса потребительских и ипотечных кредитов, около трети (29 %) – имеют один кредит, каждый шестой (16 %) – несколько кредитов. При этом, чаще несколько кредитов имеют жители Казани (в 21 % случаев), реже всего – жители Кирова и Н. Новгорода (12–13 % случаев).

Баланс текущих расходов свидетельствует, что значимые суммы на развитие своего жилья (более 15 тыс. руб. в месяц) тратит в среднем лишь десятая часть горожан. Наибольшая доля респондентов (29 %) тратят на жилищное обустройство по минимуму – до 5 тыс. руб. в месяц; примерно столько же респондентов (28 %) тратят 5–15 тыс. руб. в месяц. Более трети респондентов (34 %) не тратят на эти цели никаких средств, что позволяет предположить, что в среднесрочной перспективе их жилищные условия будут ухудшаться. При этом отмечается статистически значимая разница по данному вопросу между жителями трех городов (хи-квадрат Пирсона=0,00): респонденты Кирова в 40 % случаев не затрачивают никаких средств на ремонт и улучшение жилищных условий, чуть -

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас сейчас кредиты, по которым Вы расплачиваетесь?» (N=600, % от опрошенных, p=0,00)

Варианты ответов	В целом по выборке	Город		
		Киров	Н. Новгород	Казань
Да, несколько	16	13	12	21
Да, один	29	32	22	33
Нет	53	53	62	45
Затрудняюсь ответить	2	2	4	1
Всего	100	100	100	100

реже – жители Н. Новгорода (в 36 % случаев), еще реже (в 26 % случаев) – жители Казани. По остальным размерам платежей тенденция повторяется. Таким образом, наименьшее количество ежемесячных средств, затрачиваемых респондентами на ремонт и улучшение жилищных условий, наблюдается в Кирове, наибольшее – в Казани.

В то же время, респонденты отмечают возможности и планируют в случае необходимости выплачивать более крупные суммы – в пределах 5–15 тыс. руб. в месяц уже 36 % опрошенных (в то время, как реально такую сумму тратят 28 %), более 15 тыс. руб. в месяц – 13 % (реально затрачивают 9 %) (рис. 3).

В зависимости от города тенденция повторяется: наименьшее количество ежемесячных средств смогут затрачивать на улучшение жилищных условий респонденты Кирова, наибольшее – в Казани (хи-квадрат Пирсона, $p=0,01$).

Помимо финансовых активов, ресурсами и результатом жилищных инвестиций можно рассматривать дополнительную недвижимость горожан. Для нас важен не только факт ее наличия или отсутствия, но и способы распоряжения ею.

«На Западе класс рантье существует достаточно давно. Для нашей страны это явление тоже не является чем-то новым. В дореволюционной России рантье становились, в основном, землевладельцы, которым владение угодьями обеспечивало по-

стоянный рентный доход. После 1917 г. единственным источником дохода советского человека признавался труд. В Большой Советской Энциклопедии в определении понятия «рантье» упор делался на то, что подобные явления, связанные с получением нетрудовых доходов, без участия в деловой активности, совершенно чужды социализму. Полноценные рантье появляются в России вместе со становлением фондового рынка и рынка недвижимости. При этом характерной особенностью нашей страны является то, что российские рантье в подавляющем большинстве связаны с недвижимостью...» [5. С. 75]. Однако описываемый класс рантье даже в столице крайне немногочислен и составляет не более 5 % горожан.

Наше исследование показало, что более четверти жителей региональных городов имеют дополнительную недвижимость (табл. 6). Но подавляющее число собственников не используют ресурс дополнительной жилой недвижимости в качестве источника дохода. Как видно из табл. 11, 71% жителей трех городов не имеют такой недвижимости, и лишь каждый десятый (11%) имеет дополнительную недвижимость и сдает ее в аренду. При этом, минимальная доля таких респондентов отмечается в Кирове и Н. Новгороде (8-9%), в то время как в Казани таких жителей в два раза больше (17%), что отчасти можно объяснить большей туристической привлекательностью региона.

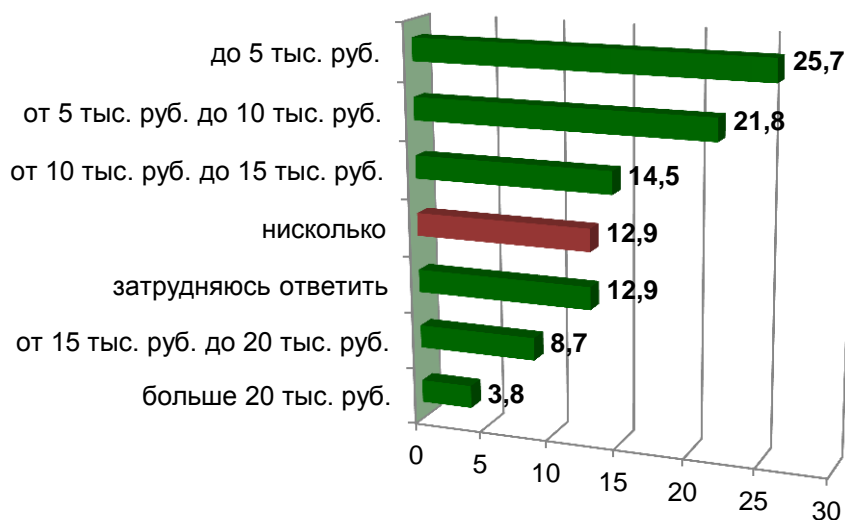

Рис. 3. Какую сумму максимальную могли бы откладывать, чтобы, например, выплачивать ипотеку за приобретенное жилье или целенаправленно копить на первоначальный взнос/ремонт и т.п.?», (N=600, % от опрошенных)

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Имеется ли у Вас/Вашей семьи недвижимость, от которой Вы могли бы получать доход?», (N=600, % от опрошенных, P=0,04)

Варианты ответа	Всего	Город		
		Киров	Н. Новгород	Казань
Есть, и мы ее сдаем в аренду	11,5	8,0	9,0	17,5
Есть, но сейчас не сдаем в аренду	14,5	12,0	16,0	15,5
Нет	71,2	77,0	72,5	64,0
Затрудняюсь ответить	2,8	3,0	2,5	3,0
Итого	100	100	100	100

Нужно учитывать, что в региональных центрах доходы от сдачи жилья в аренду гораздо скромнее, нежели в столицах, и не представляют экономически значимых ресурсов для дальнейших значительных улучшений жилищных условий, а скорее позволяют иметь дополнительную «подушку безопасности» на случай финансовых катаклизмов (потери работы, здоровья, дефолта). Помимо города, была выявлена сильная корреляция практик распоряжения дополнительной недвижимостью с уровнем обеспеченности респондентов. С повышением уровня доходов растет процент владеющих дополнительной недвижимостью горожан и извлекающих прибыль из сдачи ее в аренду. Малообеспеченные горожане в 1,5 раза реже используют имеющуюся дополнительную собственность для сдачи в аренду. Причиной пассивного владения может быть низкое качество второго жилья и его неконкурентоспособность на рынке арендной недвижимости, а также высокий уровень недоверия к арендаторам.

Судя по ответам, у большей части горожан преобладает отношение к жилой недвижимости как к источнику микроинвестиций в жилье, используемое для собственного проживания, однако источником доходов жилье не становится, стратегии владения и извлечения прибыли из дополнительного жилья для большей части населения недоступны в силу барьера стоимости приобретения такого жилья, а также моральной неготовности к практикам сдачи жилья в силу низкого уровня доверия в обществе и побочных рисков собственников.

Помимо финансовых и материальных ресурсов, в современном обществе все более актуализируется ценность ресурсов времени и личной инициативы. Применительно к нашей проблематике од-

ним из способов улучшения жилищных условий выступает территориальная мобильность в регионы с большими возможностями для повышения доходов и участия в федеральных и муниципальных, а также частных (от предприятий) программах по обеспечению жильем.

Мы поинтересовались в ходе массового опроса, смогли бы респонденты переехать в другой город или в другую страну, если там, в связи с жизненными обстоятельствами, они будут обеспечены лучшим, чем в данный момент жильем (рис. 4). Желающих переехать оказалось не так уж мало – почти половина (44 %), причем пятая часть горожан согласна ради жилья пожертвовать даже собственным гражданством. Подобную готовность к жилищно-территориальной мобильности мы считаем важным потенциальным ресурсом горожан, однако чаще всего для актуализации этого ресурса требуется удачное стечение обстоятельств и высокая личная инициативность, т. е. потенциальный настрой чаще всего слабо коррелирует с фактическими действиями и не включается в ближайшие жизненные стратегии.

Кроме того, корреляционный анализ показал, что к территориальной мобильности ради жилья больше предрасположены люди в возрасте до 30 лет, не имеющие высшего образования. Потеря человеческих ресурсов в поисках лучшего жилья среди жителей трех исследуемых регионов больше всего угрожает Кировской области, поскольку лишь треть горожан готова остаться на родине при любом предложении жилья, а почти треть рассматривает возможности смены региона. В Нижнем Новгороде и Казани «патриотов малой родины» оказалось почти половина, соответственно, можно предположить, что в этих городах больше

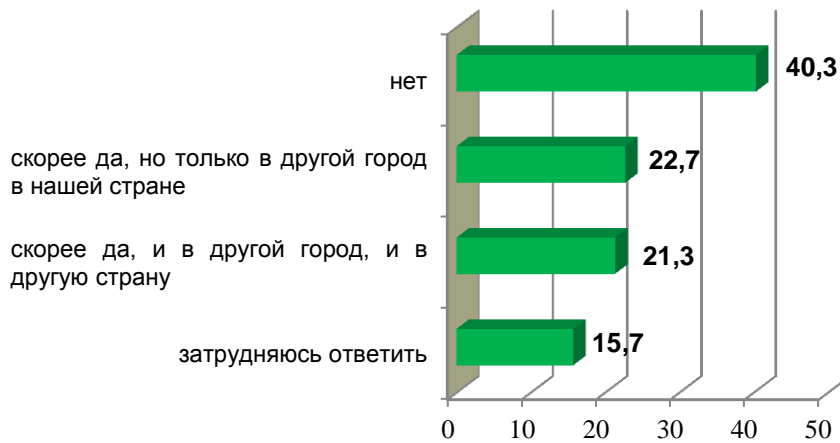

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Вы решились бы переехать в другой город / страну, если бы там у Вас было гарантированно отличное жилье?», (N=600, % от опрошенных)

возможностей для жилищного обустройства и комфортной жизни.

Эти ответы наталкивают нас на существенный вывод: ресурс территориальной мобильности является для большей части горожан декларативным, а не актуализированным наличным ресурсом. Большинство возможностей улучшить жилищные условия за счет смены территории проживания связаны в России с зонами неблагоприятного климата либо крупными индустриальными центрами. Респонденты же высказывают готовность ради жилья переехать в регионы и районы, изначально привлекательные по условиям жизни для большинства граждан, где жилищная «компенсация» за переезд не предусмотрена. Поэтому большая часть готовых к территориальной мобильности ради жилья оценивает такой способ улучшения жилищных условий необъективно применительно к российским реалиям и фактически заинтересованы приоритетно не в лучшем жилье, а в лучшем месте жительства.

Таким образом, отвечая на вопрос о ресурсах для жилищных инвестиций, мы вынуждены заключить, что при объективной невысокой обеспеченности недвижимой собственностью низкие доходы населения обуславливают, в основном, «сохранительные» практики поддержания жилищных условий. При этом существуют сопутствующие риски и издержки срока эксплуатации их жилья.

Как показали данные опросов жителей трех городов Приволжского федерального округа, почти половина горожан (41 %)

может улучшить жилищные условия сделав ремонт; треть респондентов собираются или уже купили/построили жилье с использованием ипотеки. Примерно 38 % ожидают расширить жилье через накопление и покупку новой квартиры с доплатой. Возможность получения жилья по наследству видит 18 % населения; только 5 % хочет обновить жилье за счет участия в государственных жилищных программах или в связи со сносом дома. Каждое десятое домохозяйство уже участвовало за последние 5 лет в покупке (долевом строительстве) жилья.

Подавляющее большинство респондентов проявляют социально-экономическую активность в направлении улучшения жилищных условий, однако наиболее доступны для базового слоя горожан (большинства) мелкие манипуляции в распоряжении и эксплуатации собственности, радикальные и экономически эффективные, но рискованные действия для жилищного развития, использования и приумножения имеющихся ресурсов большая часть населения не предпринимает.

Подавляющее большинство респондентов проявляют социально-экономическую активность в направлении улучшения жилищных условий, однако наиболее доступны для базового слоя горожан (большинства) мелкие манипуляции в распоряжении и эксплуатации собственности, радикальные и экономически эффективные, но рискованные действия для жилищного развития, использования и приумножения имеющихся ресурсов большая часть населения не предпринимает.

Библиографический список

1. Белкина Т.Д. Жилье в России: ситуация и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2013. № 3. С. 101–116.
2. Варламова С.Н. Потребности в улучшении жилищных условий и жилищные стратегии населения // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 1. С. 14–19.
3. Власенко Л.В. Социально-экономические аспекты реконструкции и сноса застройки 1950-1960-х гг. // Социология города. 2011. № 3. С. 45–52.
4. Гузанова А.К. Жилищные условия и стратегии российских домохозяйств: территориальные и социальные различия // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssa-rss.ru/files/File/congress2012/part19.pdf> (31.07.2017).
5. Гунина А.А. Современные российские рантье: особенности социального состава и образа жизни // Социологические исследования. 2011. № 11. С. 75–78.
6. Диева А.В., Богомолова Т.Ю., Черкашина Т.Ю. Нефинансовое богатство российских домохозяйств: институциональный контекст формирования // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.). М.: Российское общество социологов. 2016. 10696 с.
7. Для сбережений не время // Национальное агентство финансовых исследований Аналитический центр [Электронный ресурс]. URL: <http://nacfin.ru/dlya-sberezhenij-ne-vremya/> (11.08.2017).
8. Ишкенева Г.Ф. Японский опыт внедрения концепции «умный город» // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 г.). М.: Российское общество социологов. 2016. 10696 с.
9. Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.М. Опыт интегральной характеристики уровня развития жилищной сферы в регионах России // Вопросы статистики. 2014. № 1. С. 64–73.
10. Потребительские планы-2016. Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2016 № 3024 [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115560> (17.08.2017).
11. Среднедушевые денежные доходы населения. Оперативные данные по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (10.04.2017).
12. Тихонова Н.Е., Акатнова А.М., Седова Н.Н. Жилищная обеспеченность и жилищная политика в современной России // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 71–80.
13. Urban development World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/topic/urbandevelopment> (07.06.2017).

Сведения об авторе

Старикова Мария Михайловна, доцент кафедры культурологии и социологии Вятского государственного университета, г. Киров, e-mail: maria_kuzmina82@mail.ru

Starikova Mariya Mikhaylovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Cultural Studies and Sociology Department, e-mail: maria_kuzmina82@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© Е.Н.Струк

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Российская Федерация, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Статья посвящена анализу современного состояния российского общества. В ней рассматривается вопрос влияния нестабильности на социально-культурную ситуацию в стране, возникновения феномена социального хаоса. Раскрываются особенности России как пограничной цивилизации, определяющей ее социальное и культурное своеобразие. Отмечается, что современная ситуация нестабильности приобретает черты социокультурного предела, так как общество неспособно возвращаться в положение равновесия. Анализируются в связи с этим проявления ролевого и смыслового кризисов в состоянии социального хаоса, который является важным этапом социально-культурного предела.

Ключевые слова: социальные изменения, пограничная цивилизация, социальные пределы, смысловой кризис, ролевой кризис.

Формат цитирования: Струк Е.Н. Специфика социальной нестабильности современной России // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 3. С. 89–93.

SPECIFICITY OF SOCIAL INSTABILITY OF CONTEMPORARY RUSSIA

© E.N. Struk

Irkutsk National Research Technical University,
83 Lermontov Str., Irkutsk 664074, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the current state of Russian society. It addresses the impact of instability on the socio-cultural situation in the country and the emergence of social chaos. The features of Russia as a borderline civilization that determines its social and cultural identity are revealed. It is noted that the current situation of instability takes on the characteristics of a sociocultural margin, since the society is unable to return to the state of equilibrium. In this regard, the author examines the manifestation of the role and semantic crises in the conditions of social chaos that is an important stage of a sociocultural margin.

Keywords: social changes, borderline civilization, social margins, semantic crisis, role crisis

For citation: Struk E.N. Specificity of social instability of contemporary Russia // Social Competence. 2017, vol. 2, no.3, pp. 89–93. (In Russian)

В современной России происходят глубокие социальные изменения, которые требуют от исследователей использования нетрадиционной методологии, направляющей главное внимание на движущие силы социокультурной динамики [1. С. 780–782]. Социокультурный подход к изучению трансформационных процессов становится одним из важнейших методологических ориентиров не только в поиске выхода из кризисного состояния, но и в определении перспектив развития российского общества. При этом мировые процессы, происходящие в различных культурах, поднимают вопрос о мере соотношения стабильности и нестабильности, порядка и хаоса. Анализируя специфику бинарности стабильность - нестабильность применительно к

условиям России, П. Чаадаев писал, что нестабильность проще связать с негативным состоянием, увидеть в ней отрицательное своеобразие России, а упорядоченный рационализированный универсализм Запада принять за положительное, достойное подражания начало. В. Соловьев считал, что само Провидение изначально поставило Россию между латинством Запада и басурманством Востока и её особая миссия состоит в том, чтобы примирить их. Россия в состоянии положить конец вековой распри великих исторических сил и показать на собственном примере, что существует возможность для их высшего единства. «Россия — страна, которая благодаря своим колоссальным возможностям, в том числе территории, может поворачивать, ко-

гда и куда надо. Этот аспект связан и с культурным наследием. Такое понимание соответствует парадигме нашей культуры. Культура позволяет нам соединять распавшееся» [2]. Однако положение «моста», «переправы», обрекает Россию на извечную двойственность и противоречивость. Феофан Грек писал о России как о женщине, сидящей на перепутье в задумчивой позе, в черном платье. «Она чувствует себя при конце времен, она думает о своем будущем. Она плачет. Берег реки или моря, край света, пути и дороги – были всегда местами, к которым стремился народ» [3]. Пограничный статус сформировал особый тип культуры и человека. «Огромная сила стихии и сравнительная слабость формы», – так понимал Н. Бердяев особую статью России [4. С. 64–67]. Русский народ воспринимается как народ, полный неожиданности, вызывающий беспокойство народов Запада. Неудержимый порыв насилия и вера в богочеловечество, величие и ничтожество, свобода и зависимость – всё это делает историческую судьбу России загадочной и неопределенной, непредсказуемой с точки зрения стабильности. «Одна черта, замеченная давно, действительно, составляет несчастье русских: это во всем доходить до крайностей, до пределов возможного. Эту же черту доведения всего до границ возможного и при этом в кратчайшие сроки можно заметить в России во всем. Хорошо это или плохо? Не берусь судить; но что Россия, благодаря этой своей черте, всегда находилась на грани чрезвычайной опасности – это, вне всякого сомнения, как и то, что в России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта о счастливом будущем» [3]. Л. Франк, размышляя над данной проблемой, считал, что цель жизни состоит в обустройстве и выживании в условиях нестабильности. Безразличие материальных сил к чаяниям человека можно уравновесить безразличием к ним и заменой этих знаний чистотой помыслов. Именно Л. Франк, опередив время, указал, что в нестабильности всегда в потенциале содержится стабильность. Таким образом, нестабильность выступает средством стабилизации жизни [5].

Нестабильность оказала влияние на всю историю формирования России как особой евро-азиатской цивилизации. Её

феномен получил название пограничной цивилизации. Пограничность отражает смысловую альтернативу понятий инновации и традиции, Запада и Востока, их дихотомию и симбиоз одновременно. Этот комплекс противоречий проявляется в культуре через подавление разнообразия потребностей, а в области общественного самосознания в постепенном осознании своей личности и в создании идеологии и политической теории особого пути. В масштабе цивилизации пограничность проявляется либо в невозможности сделать выбор между западной и восточной моделями развития, либо во внутрицивилизационном напряжении, которое возникает в результате отторжения пограничной цивилизации представителями классических культур Запада и Востока. Особенности сознания пограничной цивилизации являются:

- одновременное ощущение своей родственности и чуждости по отношению к европейской и восточной культурным традициям;
- постоянная опасность и борьба с внешней средой;
- образ общего внешнего врага;
- особая значимость природного фактора в цивилизационной системе;
- постоянный переход через грань меры как способ бытия человека и общества [6. С. 222].

Пограничным цивилизациям свойственна позиция предела, когда особое значение придается переходным состояниям: окончанию жизни, ожиданию Страшного суда, границе перехода из мира живых в потусторонний мир и т. д. Ожидание Страшного суда в советской традиции заменяется стремлением к идеальному социальному пределу – коммунизму как вершине будущего. Для такой цивилизации характерен симбиоз разных культур. По мнению Н.А. Хренова: «В случае с русской культурой мы имеем дело со специфическим типом культуры, в котором состояние переходности представляет не просто один из сменяющих друг друга исторических периодов, а период исключительный, определяющий логику русской истории вообще. Получается, что переходность оказывается определяющим состоянием, в России история оказывается историей перманентного перехода» [7. С. 25].

Предельный характер российского общества проявляется в том, что страна чутко реагирует на глубинные социальные процессы, происходящие с человечеством. Кризис основ самого человеческого существования, разразившийся в конце XX – начале XXI вв. привел к социальным катаклизмам в стране (развал СССР, падение коммунистического режима и т. д.). Данный период характеризуется не только социальным хаосом, но и всеобщим системным кризисом. Кризис можно понимать как знак того, что привычный путь зашел в тупик, как указание на то что связь с прошлым обрывается, исток и корень исчезают в неопределенности, «порвалась связь времен», «мир вывернулся своими суставами». Связь пропала, происходит углубление вековых расколов, множатся неразрешимые противоречия, наступает время **социального хаоса**, когда исчезает цельное основание, фундамент цементирующий общество.

Современная ситуация нестабильности в российском обществе приобретает черты социокультурного предела, так как общество неспособно возвратиться в состояние равновесия. При этом данная неспособность приобретает хронический характер (неравновесие социокультурной системы переходит не в равновесное, а вновь в неравновесное состояние). Это состояние воспроизводится в том случае, когда социокультурная дифференциация не сопровождается интеграцией системы. Иными словами, социокультурная дезинтеграция есть дифференциация социокультурной системы без ее интеграции. В современном российском обществе (как и в любом современном, в том числе и стабильном обществе) действуют не только дезинтеграционные, но и интеграционные процессы. Но неравновесное положение приобретает «хронический», непреходящий характер в том случае, когда интеграционные процессы не способны нейтрализовать следствия дезинтеграции, а интегративные звенья в значительной степени утрачивают свою действенность. Следствием социокультурной дезинтеграции становятся тенденции к конфликтности социальных и личностных ожиданий (ролевой кризис), неконвенциональность, утрата личностного смысла (смысловой кризис).

Ролевой кризис проявляется в несовместимости и значительной доле парадоксальности, амбивалентности по многим параметрам личностных ожиданий, устремлений и надежд (свободы, справедливости как возможности реализации своих способностей и удовлетворения потребностей), с одной стороны, и социальных предписаний, ограничений, возможностей (в том числе ответственности личности перед обществом, его обязанностей), с другой стороны. В работах Н.И. Лапина, М.А. Шабановой и других авторов отмечается противоречивое сочетание представлений о порядке и свободе у российских граждан. Преобладают репрезентации о свободе как «свободы от», а не «свободы для». Современную социетальную свободу в России можно определить как неправовую и незаконопослушную в значительной мере сохранившую прежние административно-командные зависимости, где властвует не закон, а личные предрасположенности, распоряжения, улаживания, неформальные связи и др., как непроизводительную [8. С. 426–428; 9. С. 408]. Несовместимость социальных и личностных ожиданий ведет к утрате веры человека в то, что его судьба, успехи, достижения зависят от него самого. Ролевой кризис, как несовместимость личностных и социальных ожиданий, приводит не только к настроениям разочарования и неверия, но и к отклонениям в социальном поведении значительной части населения. Социокультурная дезинтеграция общества обостряет чувствительность людей к проблеме социальной справедливости – к тому, в какой мере социальные ожидания в отношении их действий являются правильными, оправданными, в какой мере социальное устройство общества соответствует личностным ожиданиям. Не случайно в современном российском обществе популярными становятся, наряду с идеей «наведением порядка», идеи социальной справедливости.

Смысловой предел проявляется как социально-культурный (идеологический) и как внутриличностный (ориентационный) предел. В условиях социокультурной дезинтеграции проблемность социокультурного мира приобретает кризисные черты: амбивалентность, несовместимость в общественном сознании и настроениях. Такая

парадоксальность вытекает из разрыва между личностным смыслом и социальными значениями, социальными ожиданиями и личностными ожиданиями, ценностно-нормативным представлением о социальном порядке и осознанием необходимости постоянных социальных изменений. Потеряв опору в личностных смыслах и личностных ожиданиях, обнаруживая все большую бессмысленность того, что принято наделять общественным значением предъявляемых к личности социальных ожиданий индивид начинает ориентироваться на различные, подчас взаимоисключающие социальные значения, воспринимаемые личностью некритически, всеядно. В результате в социальных ролях и мире смыслозначений личностные и социальные ожидания, личностные смыслы и социальные значения вступают в состояние взаимного отторжения. Неблагополучие и связанное с ним ощущение бессилия приводит к ограничению мира смыслозначений рамками семьи, частной жизни, игнорированию проблем общества. В результате социокультурное разрушение общества приобретает форму кризиса социокультурной идентичности. Данный кризис существует как кризис идентичности личности, кризис идентичности социальных систем и кризис идентичности культуры на макро-, мезо- и микро-уровнях общественной жизни. Российское общество как социальная система в результате внешней интервенции и внутренней дезинтеграции может утратить свою идентичность (тождественность самому себе), если окажется неспособным отождествить себя с российским типом личности и российской культурой. Российская культура может потерять свою идентичность, если окажется неспособной отождествлять себя с личностью россиян, с российским обществом. Личность утрачивает свою идентичность без отождествления себя с обществом и культурой. Эмпирически различить социальную, культурную и индивидуальную идентичность практически невозможно – в реальности мы имеем дело с взаимосвязанной и целостной социокультурной идентичностью, фиксируемой исследованиями как идентичность личности. Кризис идентичности личности, приобретая массовый, типичный характер обуславливает кризис и социальной и культур-

ной идентичности. Традиционализм и актуализм как темпоральные ориентиры социокультурной идентификации, фиксируемые различными исследованиями, могут быть «нормальными» для обществ, примирившихся с бесперспективностью своего развития. Для динамичного развития социума более существенное значение приобретает социокультурная идентификация, ориентированная на будущее. В российском обществе произошел социокультурный разрыв не только между прошлым и настоящим, но и между настоящим и будущим. Одним из проявлений кризисного состояния нашей страны является высокий уровень тревожности, обусловленный неопределенностью будущего. Кризис идентичности российского общества как социума и культурно-исторического типа находит свое отражение в том, что для многих людей российская цивилизация не ассоциируется ни с прошлым, ни с настоящим, ни с будущим. Идентификация «россиянин» также не стала господствующей [10. С. 96–97]. Отождествление себя с будущим состоянием социальной системы и культуры возможна лишь тогда когда человек видит свою личностную перспективу в контексте социокультурного развития общества. Социокультурная идентификация, не ориентированная на социальную, культурную и личностную перспективу, становится тупиковой. Кризис идентичности проявляется в разрыве между социальной, культурной и самоидентификацией не только в будущем, но и в настоящем. Атомизация российского общества выражается в сужении круга социогрупповой идентичности. Разрыв в социокультурной идентичности – между социальной, культурной и самоидентичностью, между прошлым, настоящим и будущим в идентификационных ориентациях образует разрыв и в социокультурном воспроизводстве общества в целом, поскольку социальная система и культура воспроизводятся, в конечном счете, на базе социокультурной идентичности личности.

Наблюдаемый в социокультурном пределе разрыв между прошлым, настоящим и будущим существует и в российском менталитете. «В традиционном российском менталитете преобладает ощущение модели поведения, которая не ак-

центрирует успех (догнать и перегнать соперников), а сохраняет позитивное содержание морального климата в коллективе. Для русского человека большое значение имеет оправдание доверия окружающих, желание не подвергать их неоправданному риску, готовность к взаимовыручке. С сожалением нужно отметить, что идея гордости за свой народ, радости от осознания себя русским – пропагандируется сегодня недостаточно, мала её самооценочность. А это один из показателей этнокультурного самосознания, важная характеристика ментальности русского человека. В современных философских, культурологических, педагогических исследованиях отмечается возрастание роли этнических и культурных факторов в формировании ментальности

личности, подчеркивается сложность и противоречивость их взаимовлияния» [11. С. 18–19].

Вышеуказанные проблемы России связаны с первой фазой предела – социальным хаосом, который приобретает особую остроту в условиях традиционной российской нестабильности. Состояние нестабильности, несмотря на явное деструктивное содержание, в то же время содержит бесконечное количество параметров порядка, что позволяет формировать широкий спектр альтернативных сценариев управления социальной реальностью. Таким образом, Россия имеет все шансы выбрать наиболее рациональный гармоничный путь социально-культурного развития.

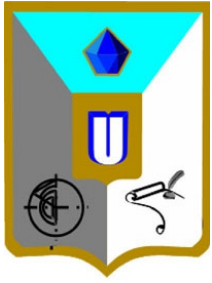
Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т.1. От прошлого к будущему / А. С. Ахиезер. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
2. Пиотровский М.Б. Куда идет российская культура?: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2010. № 9. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=8&id=22&Itemid=52 (10.05.2017).
3. Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6. [Электронный ресурс]. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=12&id=30&Itemid=55 (13.04.2017).
4. Бердяев Н.А. Философия свободы; Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 607.
5. Франк Л. Непостижимое. М.: Изд-во «Правда», 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/01.html> (01.12.2016).
6. Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука. 2001. 392 с.
7. Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
8. Лапин Н.И. Власть, вседозволенность и свобода в ценностном сознании россиян // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 419–428.
9. Шабанова М.А. Индивидуальная и социетальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2000. С. 399–410.
10. Данилова Е.Н. Гражданские и этнические идентификации в России и Польше // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России: сб. науч. тр. / отв. ред. В.С. Магун. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. С. 74–102.
11. Еромасова А.А. Ментальность русского человека как феномен национальной культуры (философско-антропологический анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / А.А. Еромасова. СПб., 2007. 41 с.

Сведения об авторе

Струк Елена Николаевна, доктор философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета, e-mail: struken@ex.istu.edu

Struk Elena Nikolayevna, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor of Sociology and Social Work Department in Irkutsk National Research Technical University, e-mail: struken@ex.istu.edu

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Сетевое издание

Том 2, № 3 2017

Редактор Н.Н. Куклина
Ответственный за выпуск Е.Г. Копалкина
Перевод на английский М.И. Поповой
Верстка Н.П. Дзюндзя

SOTSIA@COM

ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»